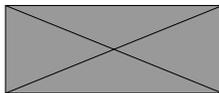

Николай Шавеко

ДЛЯ ЧЕГО МЫ ЖИВЁМ?

Сборник философских эссе

Ижевск
2015

УДК 17.022.1

ББК 87.7

Ш 14

Шавеко Н.

Ш14 Для чего мы живём? Сборник философских эссе. — издание 2-е, изм. и доп. — Ижевск: Информационно-издательский центр «Бон Анца», 2015. — 266 с.

В чем смысл жизни? Как устроен мир, что мы вообще можем о нём знать, и что нам нужно делать? Этими философскими вопросами время от времени задается каждый из нас. Сквозь призму взглядов известных мыслителей различных эпох автор данной книги в доступной форме излагает своё видение философских проблем, делая философию максимально приближенной к повседневной жизни. Эта книга равно далека от обыденной псевдомудрости, сухой науки и религиозных догм, что и делает её такой полезной и интересной.

Предлагаемый на суд читателя сборник состоит из собственно книги «Для чего мы живём?», предназначенной для подростков, а также нескольких философских эссе для читателей более старшего возраста, которые задумываются над «вечными» вопросами. Дополнением служит собрание стихотворений автора.

УДК 17.022.1

ББК 87.7

ISBN 978-5-905883-31-6

© Шавеко Н.А., 2015

© ООО Информационно-издательский центр «Бон Анца» (оформление), 2014

ДЛЯ ЧЕГО МЫ ЖИВЁМ?

Введение

Человек — единственное существо, сознающее свою смертность. Этот факт заставляет его искать смысл своего существования, ставит проблему самоопределения. Никому не хочется потратить жизнь впустую, а значит, мы должны понять, для чего живем и чего хотим. Это сложный процесс. Для начала нужно выработать правильные представления об окружающем мире (перепроверив прежние взгляды), а для этого — научиться мыслить осмотрительно и непредубежденно, научиться искать истину. Затем — понять, есть ли у нас высшее предназначение и что нам следует делать, а также определиться с правилами и нормами, которые стоят выше сиюминутных желаний, и которым будем следовать на пути к цели.

Почти все люди рано или поздно задумываются над вечными вопросами, но очень скоро начинают сомневаться в целесообразности интеллектуальной жизни. Они думают: «Что дают мне глубокие размышления, ради которых нужно жертвовать мирскими радостями? Разве такая жизнь гарантирует материальное процветание, избавляет от повседневных забот и невзгод?». Появляется искушение жить полегче, не обременяя себя метафизическими думами. Но легкая жизнь — дорога, ведущая в никуда. Она не позволит выбраться из трясины повседневности, бессмысленного движения, в рамках которого повторяются день ото дня одни и те же чувства и действия. Даже если человек чуточку прозреет и попытается положить конец убогости своего бытия, то, будучи лишенным высоких идеалов, не сможет подняться выше пьянок, любовных походов и пр. Рано или поздно он вынужден будет признать, что жизнь прошла напрасно. Ничего существенного не сделано ни для себя, ни для кого бы то ни было. Миллионы людей проходят через жизнь, так и не поняв, зачем жили.

Я же хочу побудить читателя к раздумьям, к поиску. Вообще, если бы человек хотя бы иногда не задавался глобальными философскими вопросами, то он был бы кем или чем угодно (минералом, растением, обезьяной и т.п.), но только не человеком. Философия помогает оставаться человеком, она просветляет разум и душу, поднимает из низменного мира слепых инстинктов и примитивных страстей, где действует закон взаимопоедания, в мир подлинно человеческий. На последующих страницах, к тому же, я пытаюсь получить максимальную пользу от мудрых мыслей, все рассуждения будут иметь только одну цель — *практическое применение*.

Приверженцам религий данная работа не должна стать бесполезной. Во-первых, она учит быть объективным, а это всегда пригодится. Во-вторых, религии не ограничивают человека в выборе целей, которые будут соседствовать с целью праведной жизни. Праведность — скорее способ, и верующие могут выбрать многое другое в качестве одного из главных жизненных стремлений. В-третьих, моё произведение расширит ваш кругозор и широту мысли. Знания о мире состоят далеко не только из положений священных книг (они содержат только самое главное, что нужно знать), поэтому глупо руководствоваться только религиозными понятиями о мироздании. В-четвертых, человеческий разум требует системности, которая присутствует здесь. Вы сможете во многом разобраться, придав своим верованиям структуру.

Я, однако, не исключаю, что моя философия совсем не принесет читателю прока. В каком-то смысле я пишу для того, чтобы системно выложить некоторые мысли, то есть, грубо говоря, чтобы удовлетворить свои потребности в творчестве и самовыражении. Но я преследую и другую, более важную цель: помочь читателю осознать мир и себя в этом мире.

Что касается читательской аудитории, к которой я обращаюсь, — это, по моему замыслу, подростки лет 15-16-и, которым ещё только предстоит выбрать свой путь, но которые уже осознали и жаждут этого выбора, жаждут изменить мир вокруг себя, прожить жизнь достойно и полноценно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧТО МЫ ИМЕЕМ?

ОСНОВЫ ПОЗНАНИЯ

Поиск истины важнее, чем обладание истиной.

Альберт Эйнштейн

*Непознанная жизнь не стоит того,
чтобы быть прожитой.*

Сократ

Итак, первоочередная задача: разобраться в окружающем мире, сформировать целостное знание о нём. Это не так просто, ибо в процессе познания нам приходится сталкиваться с ложью и ошибками, обусловленными несовершенством человеческого мышления и восприятия. Более того, даже избежав всевозможных ошибок, мы обнаруживаем, что наше знание всегда будет ограничено в связи с ограниченностью человеческого опыта. Мы не можем обладать полным, исчерпывающим знанием о мире, знанием более неопровергаемым и недополняемым (так называемой *абсолютной истиной*).

Однако при желании мы можем достичь *объективной истины*, то есть сравнительно адекватного знания, отражающего реальное положение вещей. Объективную истину можно определить как *знание, которое независимо от предпочтений познающего субъекта отражает действительность (1), и в то же время является достаточно полным, то есть в получении которого задействованы все доступные возможности познания (2)*. Такое знание носит приближенный и незавершенный характер, но оно соответствует действительности настолько, что эффективное его применение обеспечено. К тому же оно постоянно углубляется,

уточняется и совершенствуется. Поэтому, хотя некоторые мыслители и отмечают, что объективная истина *формально* равнозначна лжи, практического значения подобные заявления не имеют. Вопрос лишь в том, какой уровень объективности практически необходим.

Но почему объективную истину всё-таки приравнивают ко лжи? Поясню это на примере утверждения «мяч круглый». На первый взгляд оно кажется истинным, но на самом деле это не так. Мяч является таковым лишь в трёхмерном пространстве; между тем, многие учёные считают, что Вселенная содержит гораздо больше пространственных измерений, однако мы их не замечаем, поэтому в действительности форма мяча может сильно отличаться от той, которую мы наблюдаем. Несмотря на это мы принимаем утверждение «мяч круглый» за истину, потому что оно по большому счету *не зависит от воли и желаний* людей, и следовательно, объективно для них. Получается, что объективная истина вполне может оказаться ложью. Однако по сравнению с «обычной ложью» она имеет *несравненно более высокий уровень достоверности*, вследствие чего и сохраняет свою значимость в повседневной жизни. Объективная истина позволяет нам распознать обман и недомыслие, избежать многих ошибок при осуществлении своих целей.

Но чтобы её достичь, нам необходимо преодолеть свою *природную субъективность*. «Субъективность» означает мышление человека, предопределённое характерными особенностями его личности, его волей и предпочтениями. Объективность означает уход от такой ситуации, в некотором смысле от себя. Объективность — это суждение об объекте какой он есть, а субъективность — это то, что кажется познающему субъекту. Объективный человек смотрит на ситуацию с позиции стороннего наблюдателя, а не с позиции себя, вовлеченного в эту ситуацию, иначе говоря, *трансцендируется*¹. Значит, чтобы быть достаточно объектив-

¹ Трансцендентация, трансцендирование — 1) выход за собственные

ным, нужно «смотреть со стороны», достаточно независимо от своего прошлого, от чьих-либо личных побуждений (в том числе от своего же Я, эгоцентризма, потребностей), от норм и культуры общества, от чужих мнений и своих личных ценностей, своей слабости или силы, зависимости, других обстоятельств. (Подробнее о том, что мешает нам быть объективным, см. в следующей теме («Границы познания») и во второй главе, в теме «Судьба»). Если это условие будет выполнено, человек не станет преувеличивать или преуменьшать, «подменять понятия», использовать другие логические уловки, а попытается быть рассудительным, мыслить *sine ira et studio* («без гнева и пристрастия», лат.).

Нам всем следует к этому стремиться, поскольку объективное знание — залог всего, что у нас есть. Лишь правильно понимая действительность, мы будем действовать рационально, практично и успешно. «*Всеми силами души надо стремиться к истине*» (Платон). Субъективность же подразумевает пребывание в другом мире — мире ложных образов и нелепых идей. Человек, не желающий объективного знания, находится во тьме. Иллюзии искажают мировосприятие и миропонимание, он больше не может отличить правду от лжи. Кто он? Человек Разумный? Так где же его разум? — затуманен предрассудками! Это уже не великий покоритель природы, а ничтожное создание. Только прозрение снова сделает его независимым. «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иисус Христос, Ин 8:32).

Все что вы делаете, вы делаете на основе приобретенных знаний. Но что если эти знания неверны? Нелегко тогда будет признать, что вы целиком и полностью ошибаетесь. И когда вы понимаете это, понимаете, что идете по неверному пути, как трудно поворачивать назад и начинать все сначала! Как же нам избежать таких тотальных заблуждений? Как избежать полнейшего своего падения? Ответ может быть только один: надо стремиться к исти-пределы, за пределы реального; смена форм бытия; 2) переход от субъективного к объективному, выход из сферы сознания в сферу объективного мира, совершаемый в ходе человеческой практики

не, стремиться быть объективным и беспристрастным в познании, не *уходить от насущных вопросов самым легким и оттого очевидным путем*. Ибо правильным будет только тот поступок, который мы совершаем, опираясь на объективно воспринятые факты.

Знание истины обогащает человека, позволяет ему лучше ориентироваться в окружающей его действительности. Поэтому ложь не просто противна истине. Тот, кто лжет, как бы обкрадывает человека, мешает ему понимать происходящее и находить верные пути, стесняет его свободу, налагает на него оковы искаженного взгляда на мир. Неуважение к истине, безразличие к ней выражает неуважение, безразличие к людям.

Некоторые люди считают, что объективная истина принципиально недостижима, но они глубоко ошибаются. Их позиция ведет, в конечном счете, к бессовестному цинизму и самообману: за истину принимается любое понравившееся или выгодное суждение, а в качестве аргументации используются хитрые логические уловки или просто психологическое воздействие безо всякой логической подоплёки. Только полный невежда может подумать, что такое наплевательство приведёт к чему-то хорошему. Да — истина труднодостижима, но поиск её — наша первейшая обязанность. Есть лишь немного случаев, когда объективной истиной можно пренебречь: когда цель, с которой проводилось познание, уже достигнута или может быть достигнута без дополнительных затрат, когда ложь необходима во спасение и т.п. Но во всех этих случаях ни на миг нельзя упускать из виду, что истина была проигнорирована, и что последующее использование несоответствующего действительности знания может оказаться губительным.

Многие философы размышляли о том, как обеспечить истинность полученных в процессе познания выводов. Рене Декарт (1596–1650 гг.), например, считал, что познание должно отвечать следующим требованиям:

— Ясность и отчетливость исходных оснований.

— Детализация познания (расчленение на простые составляющие).

— Последовательность, поэтапность познания (нужно двигаться от одного к другому, не «перескакивая» отдельные ступени).

— Полнота рассмотрения вопроса.

Соблюдение этих правил, по Декарту, поможет нам приумножить знание и сохранить его изначальную достоверность, а поспешные суждения, чрезмерное доверие к чувственному опыту, аффекты — мешают нам в этом. Ясные, отчетливые, небезосновательные и методически выверенные построения разума подведут нас ближе всего к истине. Декарт провозглашал принцип своей философии: *de omnibus dubito*, что означает «во всем сомневаюсь». И действительно, сомнение зачастую помогает нам «превзойти самих себя», увидеть ситуацию со стороны. *Многие наши убеждения основываются на информации, в которой мы не смогли в своё время усомниться.* Но если мы тщательно их рассмотрим, то обнаружим: то, во что мы подсознательно верили годами, основано на ряде ошибочных предположений.

Ф. Бэкон (1561–1626) разделил источники человеческих ошибок, стоящих на пути познания, на четыре группы, которые он назвал «призраками». «*Призраки рода*» связаны с несовершенной природой человека, «*призраки пещеры*» — с предпочтениями, воспитанием, привычками конкретного познающего субъекта. «*Призраки площади*» возникают «из плохих и невежественных абстракций» — это неправильное и неточное употребление понятийного аппарата (слов, дефиниций, выражений). «*Призраки теорий*» обнажают негативное влияние на познание предшествующих концепций, ложных мнений других людей, слепая вера в которые встаёт преградой на пути к новому знанию.

Существует два способа познания: чувственный и рациональный. Чувственно мы постигаем мир с рождения и делаем это посредством четырех «органов чувств», или, точнее, способов чувственного восприятия: зрение, слух, обоняние и осязание (ча-

стью последнего является вкус). В результате такого познания мы получаем знания в форме образов посредством цепочки ощущение-восприятие-представление. Рациональный способ познания складывается из понятия, суждения и умозаключения. Извечному спору о превосходстве одного из способов познания над другим следует уделить особое внимание. Что все-таки лучше: эмпиризм или рационализм?²

Древнегреческие философы, например, полностью отвергали чувственный опыт. Демокрит (около 460–370 гг. до н.э.) даже добровольно ослепил себя, чтобы не быть обманутым собственными глазами. Как говорится, видит око далёко, а ум — еще дальше. Греческие философы свято верили, что на органы чувств полагаться нельзя (так как они несовершенны), что все можно познать «всемогущим» разумом. Именно разум проникает в глубины нашего мироздания, видит то, что не видят глаза, проникает вглубь человека, охватывает весь мир, а то и бесконечную Вселенную. Да, именно разум может объять бесконечность. Только разумом можно понять *сущность* явлений.

Однако в Новое Время в Европе появляются сторонники чувственного познания. Джордж Беркли (1685–1758), например, говорил: «Существовать — значит быть воспринимаемым» и никакие вещи не могут существовать «иначе как в духе, который их воспринимает». Беркли, в отличие от древних греков, отвергал гипотезу о том, что по ту сторону наших восприятий существует нечто непостижимое, совершенно не похожее на видимое и осязаемое. По мнению Беркли, эта мысль противоречит логике и основывается лишь на слепой вере. В целом, своей философией Д. Беркли пытался защитить здравый смысл от метафизических умствований. Шотландский философ Дэвид Юм (1711–1776) также утверждал, что понятие объективной материальной субстанции,

² **Рационализм** — философское направление, признающее разум основой познания и поведения людей, источником и критерием истинности всех жизненных устремлений человека. **Эмпиризм** — философское направление, видящее в чувственном опыте единственный источник познания.

независимой от наших восприятий, а кроме того, и любой духовной субстанции (Бога, души) недоказуемо. Юм, конечно, не считал чувственное познание идеальным — но лишь единственно возможным. Он предупреждал, что, пытаясь понять абстрактные вещи, мы часто теряем «эмпирическую почву», забываем обосновывать мысли опытом.

С другой стороны, все, чего добилось человечество, есть результат наличия у него разума. Если бы мы полагались только на чувственный опыт, то продолжали бы, например, думать, что Земля плоская, что Солнце и все звёзды вращаются вокруг Земли. Конечно, такие взгляды теперь нельзя назвать истиной. До истины же человечество смогло докопаться во многом благодаря *мыслительной* деятельности. Ещё Платон говорил: «...не во впечатлениях заключается знание, а в умозаклчениях о них, ибо, видимо, именно здесь можно схватить сущность и истину, там же нет».

Логическое завершение данного спора содержится в высказывании Джона Локка (1632–1704): *«Нет ничего в разуме, чего не было прежде в чувствах»*. Действительно, все, о чем мы размышляем, все, что лежит в основе наших мыслей, мы получили через органы чувств. Прежде чем размышлять о роли музыки, надо услышать музыку. Прежде чем говорить, что яблоко кислое, надо его попробовать и вообще знать, что такое кислый вкус. Знания эти получены нами опять же органами чувств. Но и чувства без разума — ничто; без него они бесполезны и хаотичны. Только сознаявая их, мы будем иметь практическую пользу.

Иммануил Кант (1724–1804) добавил к этому, что мы изначально познаем мир посредством некоторых доопытных форм (пространства, времени, причинной связи и т.п.), то есть все содержание как чувств, так и рассудка всегда дано нам в строго определенном виде, а «мир как он есть» нам никогда не доступен.

Из всей этой теории можно сделать вывод: нельзя пренебрегать каким-либо видом познания или признавать лишь один способ единственно верным. Возможны случаи, когда приемлемым

окажется только один из них; в иных ситуациях лучше использовать оба.

Все это нужно учитывать, чтобы иметь объективные представления о событиях и явлениях, уметь правильно выбирать средства познания. Упомянутый уже мной Ф. Бэкон, развивая эту мысль, выделил три пути познания. «*Путь паука*» представляет собой получение знания рационалистическим путем. Данный путь, замечает Бэкон, игнорирует либо значительно принижает роль конкретных фактов, практического опыта; рационалисты оторваны от реальной действительности. «*Путь муравья*» — это использование исключительно опыта. Таким способом можно получить внешнюю картину знания, увидеть видят проблему «снаружи», но нельзя понять внутреннюю сущность изучаемых вещей и явлений. Наконец, идеальный способ познания, сочетающий достоинства эмпирического и рационального путей и позволяющий изучить явление с разных сторон — тернистый «*путь пчелы*».

Отдельного рассмотрения требует вопрос проверки истинности полученных знаний. Проверить её можно *практикой*, но не стоит думать, что знания, проверенные таким образом, всегда истинны и неоспоримы. Так, долгое время опыты говорили о неделимости атома, но позже атом «расколосся» в прямом и в переносном смысле. Кроме того, практика может быть искажена отдельными исследователями, а основанным на ложных посылках выводам вряд ли можно доверять. Существует и другой способ установить истинность — это *логическое обоснование*. При использовании данного критерия знание основывается на какой-либо цепочке логических рассуждений, и его истинность зависит от верности каждого «звена» этой цепочки в отдельности. Таким образом, можно выделить два критерия истины: практический («опытный») и формально-логический. Причем *там, где это возможно, следует руководствоваться сразу обоими критериями*, потому как знание, согласующееся одновременно и с результатами опыта и с независимым от них логическим обоснованием, име-

ет больше шансов оказаться истинным. В естественных науках, как правило, так и происходит: учёные разрабатывают логически непротиворечивую теорию, а потом проверяют её на практике (а если результаты опытов оказались неожиданными — разрабатывают новую теорию). Но проверить истинность знаний обоими критериями возможно не всегда. Так, нам очень сложно логически обосновать веления своей *интуиции*, «внутреннего голоса», или же информацию, полученную во *снах* (подобные знания основаны на нашей повседневной практике, и могут оказаться очень полезными, но вопрос о том, следует ли им доверять, каждый разрешает сам для себя).

Интуицию многие философы причисляют к самостоятельному способу познания. Они отмечают, что хотя интуиция и не может быть объяснена рационально, но зато помогает перейти на новый уровень самой рациональности (иными словами, посмотреть на проблему с неожиданной стороны). Кроме того, в качестве уникальных способов познания в философии выделяются герменевтика (вчувствование в другого человека, сопереживание ему, сочувствие, эмпатия), интроспекция (самопознание, то есть улавливание своего внутреннего мира, своих глубинных чувств и состояний) и др. Таким образом, при более детальном рассмотрении оказывается, что практику и логику не стоит считать единственными путями к истине.

Критерием истины не может быть *всеобщее признание*. Если мнение разделяет большинство, оно еще не становится истинным. В противном случае истинной стали бы предрассудки (суеверия и стереотипы), которых держится большинство людей. Чтобы быть объективным, совершенно необходимо отбросить необоснованные верования и упрощенные представления (последнее — при подробном, доскональном изучении какого-либо вопроса). *Полезность* знания тоже не всегда означает истинность (наука веками ошибалась во многих взглядах, но при этом приносила ими пользу), но тут все зависит от того, как сформулировать утверждение. Со-

гласованность знания с предыдущим также не подходит на роль критерия истины. Если к уже существующему знанию непротиворечивым образом присоединяется новое, это еще не признак его верности. Тут дает знать о себе природная склонность нашего разума принимать за правду то, что логично согласуется с уже наличествующим знанием и не противоречит ему. Этой «склонностью», равно как и другими, не преминут воспользоваться те, кто пытается использовать других людей в достижении своих корыстных целей, поэтому нам нужно быть очень внимательными. Так, например, люди неосознанно доверяют тем, кто на них похож (в привычках, манерах, одежде, взглядах, целях), и этот стереотип могут использовать рекламные агенты. Люди легко верят тому, кто выглядит вежливым и привлекательным во всех отношениях, а также тому, кто внушает доверие и авторитет. Все это важно понимать, чтобы иметь возможность отличать правду от лжи, сохранять беспристрастие и объективность в любом вопросе.

Еще одно важное замечание: истинность характерна только для определенного промежутка *времени* — эпохи, времени года и т. д. Приведем пример: я сижу за столом и вижу, как за окном пролетает птица. Я говорю: «За окном пролетает птица». Обратите внимание, что это утверждение истинно только для определенного времени. Еще одно утверждение: «В нашей стране командная (плановая) экономика» — истинно только для советского периода нашей истории. Истина, таким образом, зависит от времени. И здесь уместно провести параллель с опытом, которым так дорожат взрослые, который они считают высшим своим богатством и всеми силами пытаются передать младшему поколению. Но не тут-то было. Очень вероятно, что поучения взрослых истинны только для прошлого, а в настоящем уже другие законы. Тогда получается, что четырнадцати-шестнадцатилетние подростки, не желающие слушаться своих родителей, гораздо объективнее в своих взглядах, так как познают этот мир заново. Но то конечно, при определенных обстоятельствах (так или иначе, взрослым

полезно помнить стихотворение Тютчева «Когда дряхлеющие силы...»). Здесь же можно отметить, что мнение любого авторитетного человека может оказаться ошибочным и тоже не должно быть критерием истины (за исключением тех случаев, когда предмет познания является, например, марксизм, и приводятся высказывания самого Маркса).

В связи с тем, что наши знания относительны, возникло еще одно предубеждение, будто истина у каждого своя, и каждый по-своему прав. Конечно, все в мире относительно, это факт, но нельзя забывать, что относительность, о которой говорит наука, объективна, обоснована. А в жизни под девизом относительности люди начинают оправдывать субъективизм, действуют по принципу «куда хочю, туда и ворочу». *Истина — одна*, и это надо помнить.

Подводя итоги рассуждений о теории познания, хотел бы напомнить знакомую нам всем пословицу: *век живи — век учись*. Мы, хотим того или нет, учимся *всю свою жизнь*, постоянно узнаем что-то новое, изменяем наши мнения, набираемся опыта на своих и чужих ошибках. В основе всего этого — познание («познание» это «учеба» в приведенной выше пословице), которое является залогом верных взглядов. Познание всегда сопутствует деятельности людей, а деятельность и жизнь — почти синонимы.

В связи с этим, выбирая жизненный путь, да и вообще — сталкиваясь с серьёзными проблемами, требующими ответственного выбора, нам следует проявлять разумность, уметь посмотреть правде в глаза, какой бы неприглядной она в ни оказалась. Бывает так, что принятие противоположной точки зрения будет фактически означать признание своего значительного провала, ошибочности всей жизни или нескольких её лет. Но если мы не превзойдём себя в такой ситуации, то продолжим и дальше оставаться в тени обмана, потворствуя самим себе — совершать те же ошибки по кругу. В то же время, если мы сможем измениться — это станет большой победой.

ГРАНИЦЫ ПОЗНАНИЯ

Одна из важнейших составляющих формирования правильного мнения заключается в том, что нужно представлять себе границы познания. Что это значит? Человек не просто не может знать и понять всё на свете, но и не может в силу несовершенства своей природы различать правду, видеть действительное положение дел. Далее я постараюсь показать, в чем конкретно это проявляется. В целом же, так как существует два вида познания, то и объяснение нашей ограниченности кроется в двух компонентах: несовершенство разума и несовершенство чувственного восприятия.

Зенон (около 490–430 гг. до н.э.), древнегреческий философ, разработавший метод доказательства «от противного», пытаясь доказать, что наш мир лишен какого-либо движения, что бытие неподвижно, приводил следующие примеры. Представим себе летящую стрелу и попытаемся определить ее местонахождение. Определить его, считает Зенон, невозможно, так как слово «находиться» само по себе означает «покоиться», или, по-другому, «быть неподвижным, стоять на месте». Если мы укажем место, где находится стрела, мы как бы подчеркнем, что она не движется. Вообще, стрела - она «либо здесь, либо там», само же ее движение логически мыслить невозможно. Следовательно, она не движется. Рассмотрим другой пример. Тело движется из точки А в точку В и мы видим, как оно проходит весь путь, достигая В. Но ведь для того, чтобы пройти весь путь, тело должно пройти $1/2$ пути, до этого — $1/4$ и так далее до бесконечно малых долей. Но возможно ли преодолеть бесконечно количество отрезков? Невозможно. Значит, тело не движется.

Все эти примеры были в устах Зенона доказательствами совершенства разума и несовершенства чувств (которые говорят нам о движении тел, обманывают нас). Однако ситуацию можно понять двояко, ибо есть два варианта: либо нас обманывают чувства, либо... разум. Я лично склонен ко второму варианту и рас-

сматриваю приведенные примеры, напротив, как доказательства несовершенства мышления. Зенон просто подменяет понятия. «Находиться» на самом деле не означает «покоиться» (Земля находится в космосе, но она не покоится, а летит со скоростью 30 км/с относительно Солнца и со скоростью порядка 200 км/с относительно центра Галактики и т.д.). Логические трудности, связанные с описанием движения, умаляют именно логику, а не чувства. Что касается второго примера, бесконечно здесь не количество преодолеваемых отрезков, а возможность их дробления (на сколько бы частей Зенон не разделил путь, отрезков будет определенное (конечное) число). Итак, наш интеллект допускает ошибки. Ранее мы говорили о двух критериях истины: практическом и формально-логическом. Случай с Зеноном показывает нам, что нельзя опираться только на логику.

Действительно, логические умозаключения могут оказаться неверными хотя бы из-за неполноты исходных данных. В любой ситуации можно утверждать: «Будь у нас больше информации, вполне вероятно, что мы пришли бы к иному выводу». Вместе с тем *ни в одной ситуации нельзя сказать точно, сколько вообще существует обстоятельств, которые следует учитывать в своих рассуждениях* (и которые мы бы учли, если б могли о них знать). Более того, в самих уже рассуждениях может оказаться столько «мыслительных» следствий и отношений, что ни один человек в силу интеллектуального несовершенства (да и нехватки времени) не сможет всецело проследить их соответствие логическим законам.

Всё это касается несовершенства только логического способа познания, то есть разума. Немецкий философ И. Кант достаточно ясно показал, что познать всё разумом невозможно. Он отмечал также, что познать всё чувствами невозможно тем более, потому что чувства нуждаются в обработке разумом. Кант ввел понятие «вещей в себе», то есть вещей с точки зрения их творца — Бога, который способен видеть истинную суть этих вещей. Вещи с точки

зрения людей Кант назвал «явлениями». Пытаясь познать «вещи в себе», а не «явления» (иначе говоря, то, что «есть», а не то, что «кажется»), человек, согласно Канту, неизбежно теряет логический фундамент, и возникают противоречия — «антиномии» разума. На один и тот же вопрос в этом случае можно дать два одинаково правильных ответа (например, на вопрос «есть ли Бог?» возможно, опираясь на какие-либо логические цепочки и суждения, ответить как «да», так и «нет»).

За более чем 2000 лет до И. Канта о невозможности узреть истину говорили Пиррон (около 360–270 гг. до н.э.), Секст Эмпирик и другие скептики. Их аргументы в большей степени указывают на несовершенство уже чувственного познания. Так, Секст Эмпирик в своём труде «Три книги Пирроновых положений» выделяет следующие препятствия на пути познания:

I. Сформировать правильное представление о явлениях и вещах невозможно, так как мы судим о них только четырьмя «органами чувств» (зрение, слух, обоняние, осязание). Слепой, например, не может сказать, что яблоко зеленое: он не видит его. А если человек слеп от рождения, то он и понятия не имеет, что такое зеленый цвет. Поэтому нельзя сказать, что глухой или слепой от рождения человек верно воспринимает окружающий мир. Предположим теперь, что есть существо, имеющее кроме основных четырех еще какой-то другой способ чувственного восприятия. Такое создание «увидело» бы нечто больше, чем обычные люди. Но ведь тогда нельзя говорить о том, что человек полно воспринимает действительность! Вообще, вполне возможно предположить, что окружающий мир столь разнообразен, что для его более-менее полного восприятия необходимы десятки, сотни органов чувств. И если это так, человек оказывается чрезвычайно ограничен в своём эмпирическом мировосприятии, поскольку все его знания исходят лишь от четырёх (с учётом вкуса — пяти) способов восприятия³.

³ Несколько большей информацией иногда владеют экстрасенсы (носители

II. Одинаковые предметы и события воздействуют на людей по-разному, потому что все люди разные: различна наследственность, физиологические особенности. Условия жизни, место жительства, обычаи, привычки, стереотипы — все это тоже делает людей уникальными и одновременно мешает объективному восприятию. Здесь мы можем сказать, что каждый воспринимает мир с позиции своей социальной группы (класса, народа и т. п.).

III. Как уже говорилось, наши орудия познания по природе своей несовершенны. Картина кажется глазу объемной, а для осязания она плоская. Мы знаем, что доверять в данном случае следует осязанию, потому что так говорит нам разум. Но что если и разум не сможет определиться? Наше доверие к какому-либо из органов может оказаться тогда ошибочным.

IV. В разных состояниях познающего события приобретают другие оттенки. Под состояниями понимается: настроение (в состоянии грусти и радости вещи действительно кажутся разными, если конечно не обратить внимание на свое настроение и не попытаться взглянуть на происходящее благоразумно), возраст (сравните восприятие мира подростка и пенсионера), здоровье или болезнь, сон или явь, движение или покой (с этим, кстати, полностью согласуется теория относительности Эйнштейна, исследующая влияние скоростей, близких к скорости света), голод или сытость, опьянение или трезвость, смелость или боязнь и так далее. Несомненно, все эти состояния оказывают без преувеличения колоссальное влияние как на процесс познания, так и на объективность полученного знания.

V. Место познаваемого объекта — также существенный фактор. Под водой мы видим все преломленным, издалека — уменьшенным и т. д. Немаловажно освещение.

ли т. н. «шестого чувства»), но эта информация, как правило, не является принципиально новой (способный видеть сквозь стены знает не больше, чем побывавший за стеной). Исключением является, например, способность общаться с умершими. Так или иначе, существование экстрасенсорных способностей в целом вызывает большие сомнения.

VI. Любую вещь, любое явление нельзя оценить обособленно от других вещей или явлений. Человек так устроен, что воспринимает все в «смесях». Примеси искажают представление об отдельном предмете. Один и тот же звук, например, слышится по-разному в разных помещениях. Тело, окруженное водой, легче окруженного воздухом. Запахи на солнце или в бане более отчетливы и сильны, чем на холодном воздухе.

VII. Мы знаем, что любая вещь может стать полезной, если ее будет в меру. Загар на солнце полезен лишь небольшими порциями, и вреден, если мы будем лежать на солнце целый день, то есть когда загара этого слишком много. Таблетки мы тоже принимаем не пачками, а именно тем количеством, которое написано в инструкции к применению. Стало быть, в меру — полезно, много — вредно. Это касается всего: *любая славная идея, доведенная до абсурда, становится своей противоположностью*. Явление это воистину удивительное, ибо если рассматривать вещь как совокупность плохих и хороших качеств, то просто непонятно, как соотношение этих качеств зависит от количества. Почему пропорция нарушается? Так полезна вещь или нет? Можем ли мы дать однозначный ответ? Не можем. Наиболее точным (но не абсолютно точным) будет ответ «в этом количестве, в этот момент времени и лично для меня — да/нет». Во всем есть две стороны медали, все недостатки — это продолжения достоинств.

VIII. Ну и наконец, влияет частота событий и вещей. Часто встречающееся, пусть оно даже неимоверно грандиозно, производит-таки меньше впечатления, чем безделушка, но редкая.

Под влиянием всех этих факторов у нас складываются искаженные «образы» предметов (у каждого есть свой определенный взгляд на мир и на окружающих людей, и эти взгляды составляют образы чего-либо). Мы все живем, руководствуясь не действительными фактами, а нашими представлениями об этих фактах, и ведем себя так, будто истиной являются именно наши представления о мире, а не сам мир. И если мы не воспринимаем мир правильно, наши

образы искажаются и все более не соответствуют действительности. Если вы вдруг пробыли вне круга своих друзей полгода или вроде того (болели, путешествовали, были в армии), то ваши образы друзей изменяются (если обстановка хуже, чем была раньше, представление о друзьях идеализируется, если лучше — наоборот), да и сами друзья меняются тоже. В итоге, вернувшись в их общество, вы можете чувствовать дискомфорт, так как всё совсем не так, как вам казалось. Обычно период адаптации занимает около шести недель. Но иногда дело доходит до психических расстройств. Поэтому важно, чтобы наши взгляды как можно больше соответствовали реальности. Однако в любом случае истинного образа быть просто не может. Названные восемь пунктов искажают их.

Итак, помимо проблемы объективности познания существует тесно связанная с ней проблема ограниченности познания. Это важно иметь в виду, чтобы оперировать лишь точными данными, и утверждать на их основе верные жизненные постулаты. Сократ (469-399 гг. до н.э.) говорил: «Я знаю, что я ничего не знаю». Он понял, что каждый из нас видит лишь часть той абсолютной истины, к которой веками стремятся мыслители. Он был мудр, ибо осознал свое незнание.

Сократ утверждал также, что *не в споре рождается истина, а в диалоге*. В споре люди пытаются доказать друг другу свою правоту, забывая, что они могут ошибаться, и что их знание в любом случае несовершенно и относительно, а в диалоге они вместе проходят тернистый путь к знанию. В диалоге, в отличие от спора, собеседники не защищают свою позицию, а ищут ее, так что их рассуждения гораздо менее зависимы от субъективных пристрастий, но более объективны (преодолеваются границы познания, описанные выше в пунктах №2 и №4). Многие ораторы и политики, напротив, используют отсутствие диалогичности как способ продвижения своих идей. Сидя у экрана телевизора или стоя в толпе на площади невозможно перебить непрерывную речь выступающего, возразить ему, задать уточняющий вопрос. Создаётся обстановка,

когда нельзя беспристрастно проанализировать каждый высказанный довод. В этом случае нужно постараться либо создать диалог, либо вообще покинуть сферу информационного воздействия.

Подобные ситуации наводят на мысль о том, что главным препятствием на пути к истине могут оказаться не естественные качества человека, а сами люди, пытающиеся в своих интересах скрыть истину или исказить её. Этот, второй, аспект ограниченности познания заключается в ограниченности возможностей сопротивления таким людям и организациям, а также в ограниченности нашего влияния на общественные институты.

Взять, к примеру, *государство* — один из многочисленных подобных субъектов. Принципы, которыми руководствуются политики в управлении страной, или открыто пропагандируются властью, или их правильность подсознательно внушается. Пытаясь разобраться в действительной политической ситуации, мы неизбежно натываемся на субъективность исходных данных (нарушается п. 1 правил Декарта) — чужой интерес ограничивает наши возможности. И мы уже не знаем, как в данный момент действовать правильно. Точно так же *реклама* мешает нам объективно оценить качество продукта и свою необходимость в этом продукте. Более того, реклама деформирует наши ценности, что коренным образом меняет всё мировосприятие. Невозможно говорить об объективности взглядов, когда происходит постоянная промывка мозгов. Ограниченность познания, таким образом, состоит в возможности манипулирования нашим сознанием, разумом, чувствами и инстинктами.

Однако мы можем значительно снизить опасность, зная, с какой стороны её ожидать и от кого. Для этого нужно понимать, что ничего не происходит просто так, и *за всеми суждениями и действиями стоит чей-то интерес*. Увидеть чужой этот интерес — значит обезопасить себя. Кроме этого не помешает знать основные *уловки, применяемые при манипуляции сознанием и внушении*:

1) Нагнетание обстановки:

- a. Чрезмерно быстрая или громкая речь,
- b. Поток никчёмных сообщений, дезориентирующих внимание,
- c. Постоянное повторение,
- d. Создание атмосферы сенсационности и срочности,
- e. Внушение невозможности выбора.

2) Активизация стереотипов (часто сопровождается попыткой пробудить *чувство принадлежности* к какой-либо общности, *сокрытием* неудобной информации, ложными *психологическими ассоциациями*). К наиболее распространённым стереотипам можно отнести следующие: «дорогое = хорошее», «дефицитное = лучшее», «понижено в цене = дешёвое», «это говорит авторитет = это истинно», «этот человек похож на авторитетного в данной сфере = он авторитет», «он плохой = он неправ», «он похож на меня = ему можно верить», «это что-то знакомое = этому можно доверять», «привлекательный = хороший», «так делает большинство = так правильно» и т. д.

3) Давление на чувства и личные ценности. Например: запугивание, давление на жалость, на совесть, попытка возбудить тщеславие, внушить доверие, использование стеснительности человека, создание мнимой контрастности (различия).

4) Дамский аргумент («Соломенное чучело»). Неудобное (либо противоположное выгодному) мнение представляется в чрезвычайно слабой форме и с лёгкостью опровергается, на основании чего делается вывод о правильности нужного мнения.

5) Подтасовка и сокрытие информации. Часто, чтобы помешать людям объективно посмотреть на явление или событие, политики прибегают к *дроблению целостной проблемы* на отдельные составляющие, изымают конкретный вопрос из необходимого контекста; после этого очень легко представить всё в выгодном свете. Не менее часто сознательно *используется незнание* людей для прививания им нужных мнений. При этом используются непонятные термины, заумные графики, некорректные статистические дан-

ные или заключения мнимых «специалистов», или же просто формулируется утверждение: «Аргументов против данного мнения нет, значит оно верное». Также нередко используется приёмы: *некорректная постановка проблемы, смешение факта и мнения о нём*.

б) Логические ошибки. К наиболее применяемым относятся:

а. Изменение/подмена первоначального тезиса (утверждения)

б. Ложная причина, ложное следствие (вывод), то есть несоответствие аргументов и утверждения

в. Ложные аналогии, лишь на первый взгляд выглядящие привлекательно

г. Ложная дихотомия (предлагают выбрать из двух вариантов, мысля их как единственные, как будто не может быть ничего третьего)

д. Неполные сравнения

е. Порочный круг (не приводится никакого обоснования, но используется связка «потому что», вызывающая невольное ощущение, будто был приведён аргумент)

ж. Распространение свойств целого на отдельные его части и наоборот.

Итак, мы рассмотрели две формы ограниченности познания: несовершенство разума и чувств и стремление отдельных людей этим воспользоваться. Но бывают случаи, когда никто сознательно не пытается ввести нас в заблуждение, и тем не менее, мы изначально предрасположены смотреть на вещи так, а не иначе. Я имею в виду всю культуру, все ценности и идеалы, свойственные какому-либо обществу, всю действующую на данное время конъюнктуру. Ранее я говорил о том, что мнение большинства отнюдь не всегда является верным, но дело в том, что в большинстве вопросов каждый из нас и есть часть того самого большинства. Каждый день мы подвергаемся влиянию общественности, окружающих нас людей, СМИ. Каждый день мы совершаем одни и те же действия, и в итоге у нас складывается определённый тип мышления (ещё Маркс говорил, что

производственная деятельность предопределяет все формы общественного сознания). Все мы являемся частями одной большой системы жизнеустройства, и требуются громадные усилия, чтобы в нужный момент заставить себя взглянуть на эту систему извне, оставаясь её частью.

Так, например, если в обществе, в котором вы живёте, массово распространена какая-то *религия*, если о ней (и ни о какой другой религии) постоянно твердят СМИ, если эта религия получает материальную поддержку со стороны государства, то вам будет достаточно сложно уйти от определенной предвзятости. Доминирующая религия оказывает воздействие на формирование общественных ценностей. А эти ценности воздействуют на нас, на каждого в отдельности человека.

Кроме религии влияние на общественное сознание оказывает *законодательство*, которое может ненароком стать заменителем этики, прописывая «что такое хорошо, а что такое плохо». Это касается не только конкретных норм, но и общих принципов. Разрешение частной собственности, свобода вероисповедания, принципы либерализма... Кто сказал, что это правильно? А между тем большинство граждан принимают все это за единственно правильное положение.

Наконец, характер наших суждений о мире, обществе, государстве предопределяет *образование*, которое в данный момент обязательно для всех. Школа дает нам первые знания о мире вокруг нас; позже мы ещё вернёмся к вопросу о том, как зависимы мы от первых полученных знаний, первых увиденных примеров. Но кто определяет, какие именно знания давать, а какие — нет? И каким способом их преподносить? Внешкольное образование, Интернет — все это более чем необходимо для того, чтобы иметь перед собой не только один шаблон, и расширять свои познавательные возможности.

СМЫСЛ ПОЗНАНИЯ

*Верно сформированное мировоззрение позволит человеку
в любых условиях максимально реализовать
и иметь счастливую жизнь.*

Анатолий Некрасов, «Материнская любовь»

*«Человек без веры вообще не может жить;
ибо вера есть не что иное, как главное
и ведущее тяготение человека,
определяющее его жизнь, его воззрения,
его стремления и поступки»*

И. А. Ильин, «Путь духовного обновления»

На основе познания складывается мировоззрение, состоящее из собственной интегрированной *картины мира* и прочих единичных *убеждений*, мнений и ценностей. Мировоззрение — это концептуально выраженная система взглядов человека на мир, на себя и на свое место в мире. Оно является основой для утверждения жизненных целей и выбора способов их достижения.

«Картина мира» состоит из научных знаний (естественных и гуманитарных наук) и из каких-либо других представлений (религия, околонучные знания, эзотерика, метафизика и т. п.). Убеждения и картина мира основываются на познании, причем второе — на познании уже и открытых, и систематизированных в науки и учения истин (это познание является, по сути, образованием, обучением) и их обобществлении посредством философско-мыслительной деятельности. Таким образом, суть познания заключается в формировании мировоззрения.

В этом и есть назначение изложенных выше мыслей относительно границ познания: помочь читателю сформировать мировоззрение, причем *правильное и объективное*. В свою очередь

все изложенные мысли относительно мировоззрения — логическое обоснование данной главы. Концепция взаимосвязи познания, мировоззрения, жизненных целей и средств их достижения находит подтверждение в философских энциклопедиях (напр., под ред. В. Кемерова): «Мировоззрение зависит от обыденного наличного опыта человека... представляет собой систему, которой присущи своя внутренняя структура и устойчивые элементы. Элементы — это, прежде всего, идеи, концептуальные образы, создающие определенную картину мира и человека. На основе этого концептуального миропонимания возникает оценка человеком себя, своего окружения, своей жизни в мире. Выявляется система смыслов и ценностей, вырабатываются идеалы, то есть всеобщие принципы представления о благе, истине, красоте, пользе и тому подобное. Ориентируясь на идеалы, человек определяет цели и задачи жизни, познания, практического преобразования мира и себя... Мировоззрение предполагает выработку жизненной позиции человека — результата жизненного и духовного опыта человека, его проживания и переживания. Позиция человека выливается в систему личностных убеждений, образует внутреннее духовное ядро личности».

Важным звеном в структуре мировоззрения являются *ценности*. По сути, жизненные цели и средства их достижения основываются на ценностях (например, добродетелей, семьи и пр.), которые исходят из картины мира. Ценность — это то, что приносит пользу чему-то или кому-то другому. Ценности выстраиваются в определённую иерархию, на вершине которой находится главная ценность (смысл жизни). «Мало кто задумывается о системе жизненных ценностей, а ведь это вопрос вопросов. Зачастую мы даже не представляем, насколько человеку важно понять, что является для него главным. Именно система ценностей определяет: куда направить усилия, что поставить во главу угла в каждый момент времени, какой путь выбрать на жизненном перекрестке и т. д.» (А. Некрасов, психолог).

Ценности являются предметом *веры* человека. А так как именно вера во что-либо определяет все поступки человека, ясно, что *верить можно только в то, за что стоит бороться и умереть*. Ибо если мы уверуем в торжество и всесильность зла и цинизма, в свою беспомощность и никчёмность, от веры такой будет только вред: *человек сам уподобляется тому, во что верит*.

Здесь нужно немного сказать о том, что почти все люди время от времени разочаровываются в жизни, и склонны тогда утверждать, что в ней нет ничего хорошего, что в будущем нас не ждёт успех, и что мы вообще вряд ли что-то можем изменить. Жизнь теряет для них ценность, и вера отсутствие этой ценности рождает *пессимизм и скептицизм*. Это, может быть, иногда и полезно, так как помогает осознать свои реальные возможности (вместо того, чтобы витать в облаке иллюзий), но с другой стороны, хочется задать таким людям вопрос: что даёт им такая вера? неужели что-то изменится к лучшему, если они будут повторять себе каждый день, что всё плохо? Бесспорно, что убеждения обладают созидательной или разрушительной силой: мысли материализуются. Так не правильнее ли верить в лучшее, ведь эта вера даст нам силы для продолжения продуктивной деятельности, поиска *новых* решений стоящих перед нами задач, и в итоге приведёт уже к реальному, «осязаемому» результату? Таким образом, у человека в некотором смысле нет выбора: *верить можно только в то, что заслуживает веры*. Все остальные убеждения не должны быть предметом веры как установки (нельзя, например, верить в несправедливость жизни, когда личный опыт говорит нам о такой несправедливости; но должно верить в *возможность* справедливости, в её *достижимость*, пусть и неиспробованными доселе способами).

Второе условие веры — её *разумность*. Это означает, что провозглашённая мной только что позитивная установка не должна быть слепа, иначе мы уйдём от принципа объективности, и совершим ошибки, которые приведут к плачевным результатам. Эко-

номисты говорят, что кризисы случаются лишь потому, что люди не хотят верить плохим прогнозам. Так что в оптимизме, как и во всём другом, нужна мера, и разумная вера означает уверенность в преодолении трудностей, а не в «закрытии глаз» на них.

Выражение «разумная вера» может ввести в заблуждение, ведь сегодня принято различать веру и разум: широко распространено мнение, что верить можно только в то, что еще не проверено экспериментально. Однако на самом деле вера и разум вовсе не противоположны, потому что вера основывается на мировоззрении, а последнее, в свою очередь, на познании. Другое дело, что правильное мировоззрение предполагает объективное познание. Так, можно выделить семь причин, которые заставляют нас поверить в некоторое утверждение:

1. В его поддержку были выдвинуты аргументы.
2. Оно встретилось в книге, газете и т.п. и против него ничего не было высказано.
3. В его пользу говорят различные факторы.
4. Оно согласуется с нашими прежними убеждениями.
5. За непринятие может возникнуть наказание.
6. За принятие может последовать вознаграждение.
7. Убеждение отвечает нашим психологическим нуждам.

Замечают, что из этого списка только первый пункт делает убеждение прочным и рациональным (доказанным). Убеждения, которые сформировались по остальным шести причинам, не являются рациональными и продиктованы предубеждением, корыстным интересом, влиянием авторитета, нежеланием анализировать и т.п.

Но если вера рациональна, она не противопоставляется знанию, а дополняет его, претворяет его в жизнь; возможна ситуация, когда одновременно знаешь и веришь в одно и то же в одном и том же смысле. Возьмём, например, силлогизм: человек смертен, мой друг Иван человек, следовательно Иван умрёт. Мы все не сомневаемся в смертности человека. Но позвольте, а где стопроцентная гарантия, что Иван умрёт? Я не могу утверждать это, пока

не увижу его труп (да и в этом случае возникнет вопрос, правильно ли я вижу). Но я почему-то верю, что он смертен. Это доказывают миллиарды примеров и научные данные. Поэтому хоть и есть вероятность, что Иван назло всем будет жить вечно, вера в это покажется нам абсурдной, в то время как вера в смерть одновременно будет являться знанием. Таким образом, вера — это форма знания, и неотделима от него (просто знанием мы называем такую веру, в подтверждении которой имеется очень большое количество фактов). Мы одновременно и знаем, что утром Солнце взойдет, и верим в это.

Почему же так важна вера? Во-первых, она является *гарантом независимости и самостоятельности человека, сохранности его индивидуальности*. Мало сформировать объективное миропонимание, и нужно еще и сохранить его, не поддаваясь дальнейшим воздействиям на жизненные позиции. И здесь помогает вера, но вера не беспочвенная, основанная на догадках и ненадежной интуиции, и не то чувство, которое было бы уместнее назвать надеждой, а вера осмысленная и зрячая. Рациональная вера — это определенность и стойкость, свойственные нашим убеждениям (которую не следует путать с невозможностью их изменения), и основывается она на могуществе мысли, то есть на способности индивида думать.

К. С. Льюис («Просто христианство») характеризует веру как способность держаться убеждений, с которыми мы однажды согласились на основе достоверных фактов и веских доводов, независимо от изменчивого настроения, желаний и чувств. В качестве примера он приводит ребенка, который учится плавать. Этот ребенок знает, что человеческое тело может держаться на воде без поддержки, ведь он видел множество плавающих людей. Но сможет ли он верить в это, когда инструктор уберет руку и оставит без поддержки именно его? «Пока вы не научитесь управлять настроениями, — пишет Льюис, — пока вы не укажете им на их место, вы... будете вечно мятущимся существом, чьи убеждения зависят

от погоды или от пищеварения. Следовательно, человек должен развивать в себе привычку веры».

Второй смысл веры в том, что она включает в себя не только «верование», но и еще два понятия с тем же корнем: «доверие» и «верность». То есть, если мы говорим, например, о вере в какое-то убеждение, то непосредственным проявлением этой веры должно быть *волевое действие*; если этого действия нет — то вряд ли можно говорить о том, что человек верит. В отличие от простого убеждения вера это не просто согласие с чем-то, но и желание действовать на основе этого. Она сочетает в себе два элемента — убеждение и волю, предполагает соответствующие поступки. Для христианина, например, вера это не только убеждение в существовании Бога, но и преданность Богу, доверие и послушание (для исправления своей грешной сущности), полное предоставление себя Ему. Таким образом, «вера есть волевое обязательство осведомленного интеллекта» (Д. Штанио), и значение её в том, что она является непосредственным *стимулом* для претворения личностных ценностей в жизнь, реализации своих целей. Вера порождает отвагу, способность идти на риск и жертвовать всем ради определенных ценностей, вера помогает не бояться разочарования и краха. Несомненно поэтому, что вера как одно из основных духовных качеств (не особая вера во что-либо, а черта характера, пронизывающая всю личность) должна быть присуща каждому здравомыслящему человеку.

Итак, познание образует мировоззрение, на основе которого, через веру в ценности, человек находит свой смысл жизни. Но теперь, изучая то, что уже открыто и известно человечеству в целом, нам нужны не столько навыки познания, сколько представление о том, что нам надо изучить. Поэтому в следующей части моя задача — указать на источники знания, из которых читатель сформирует целостное представление об окружающем мире.

СТРУКТУРА ЗНАНИЯ

Наши знания о мире можно разделить на *научные* и *вне-научные*.

Научное знание всегда основывается на множестве опытов, экспериментальной проверке, логически выверенных построениях. Ни одно утверждение в науке не может считаться верным, если не подтверждено убедительными доказательствами, которые могут быть проверены и в принципе могут быть опровергнуты. Научные знания характеризуются объективностью и универсальностью. Именно поэтому наука заслуживает наибольшего доверия из всей системы знаний. Это своеобразная вершина айсберга человеческих знаний.

Хотя и научные знания не абсолютно точны. Мы уже говорили, что абсолютной истины нет, есть только относительная. Наука эволюционирует, ранее выведенные постулаты уточняются, теории отвергаются. Возможности исследования растут, появляются новые данные, вносящие исправления в общую картину. Наука всегда только приближена (по возможности) к истине. И не таким уж глупым кажется высказывание немецкого философа-идеалиста Г.В. Гегеля (1770–1831): «Если факты противоречат моему учению, то тем хуже для фактов». Фактами можно считать только результаты опытов, а не обобщенный вывод.

«Поскольку законы физики выполняются только статистически, то, например, проникновение карандаша через лист бумаги при полном отсутствии следа (дыры) в высшей степени невероятно, но не абсолютно невозможно. Другое дело, что вероятность такого события, то есть проявления квантовотуннельного эффекта в макроскопическом масштабе, неслыханно мала. Космос должен был бы существовать в миллиард раз дольше, чем в действительности, для того чтобы один такой случай мог произойти...» (Станислав Лем).

Однако, несмотря на сказанное, следует признать, что науч-

ный закон все же *достаточно* верен.

С аналогичной проблемой сталкиваются научные теории. Всем нам известны, например, теория эволюции Дарвина, теория относительности Эйнштейна. Но действительно ли научная теория представляет собой высшее знание? Многие из выдвигавшихся в прошлом научных теорий были опровергнуты новыми фактами, другие оказались в принципе непроверяемыми (их можно было защищать сколь угодно долго, постоянно уточняя новыми данными или гипотезами). Множество теорий постоянно соревнуются между собой и в свете разных событий та или иная кажется ученым наиболее правдоподобной. В биологии, например, до Ч. Дарвина верными считались взгляды Ж.Ламарка, в физике до Эйнштейна — теория Ньютона. Но и сейчас предположения Эйнштейна и Дарвина признаются не всеми. Важно иметь в виду, что граница между теорией и гипотезой во многом зависит от имеющихся средств измерения, взглядов на методы исследования, мировоззрения общества в целом.

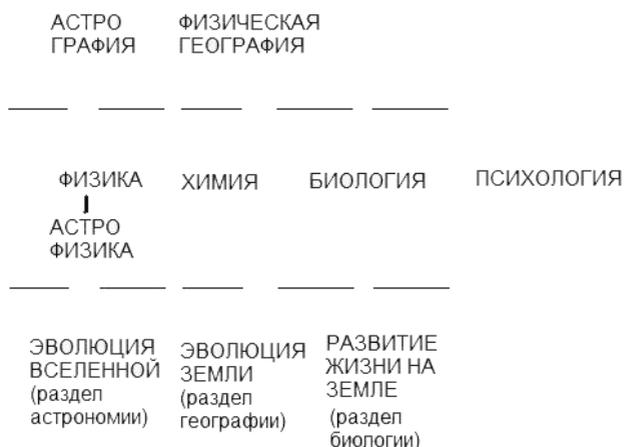
Все это — вступление, должное помочь правильно воспринимать науку. Научное знание, как и любое другое, изменяется со временем, изменяются и сами критерии научности.

Теперь перейдем непосредственно к структуре. Все наши знания о мире, подтвержденные научными исследованиями, «умещаются» в нескольких фундаментальных науках. Условно эти науки можно разделить на естественные и гуманитарные (общественные).

К *естественным* относятся химия, биология, физика, астрономия, психология, физическая география. Все они рассматривают природную организацию с разных сторон. Но, фактически, законы мира природы⁴ из них изучают только астрономия (частич-

⁴ Для составления цельной естественнонаучной картины мира советуем прочитать один из учебников по концепциям современного естествознания (например, А. П. Садохина), а также книги «Краткая история времени» (С. Хокинг) и «200 законов мироздания» (Д. Трефил). Подойдут и школьные учебники по физике, химии, биологии, астрономии.

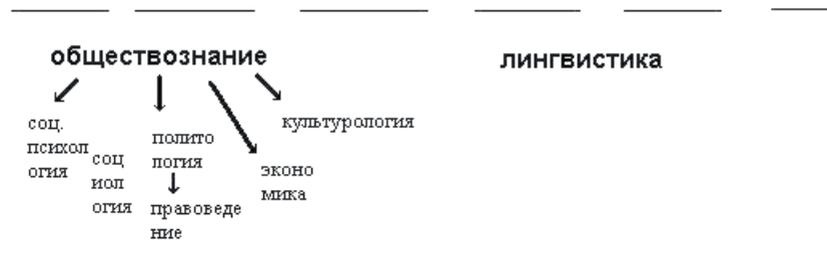
но, в виде астрофизики), физика, химия, биология (частично, за исключением изучения жизни в прошлом) и психология (частично, за исключением социальной психологии). К указанным наукам не относятся география и аналогичная ей часть астрономии (назовем ее астрографией), которые изучают распределение законов в пространстве, а также история природы (историю живой природы изучает биология, неживой — география и уже третья часть астрономии, специализирующаяся на развитии Вселенной), изучающая то же распределение во времени. География отличается от остальных естественных наук тем, что выявляет особенности регионов земного шара, а не рассматривает бытие в целом.

Большинство *общественных* наук охватываются понятием обществознание (обществоведение), которое суть школьная дисциплина, объединяющая основы этих наук (социология, политология, правоведение, социальная психология, экономика, культурология). Помимо этого, существует такая наука, как лингвистика (языковедение). Язык в той форме, в которой он изучается лингвистикой, присущ только людям и связывает их в общности, поэ-

тому вполне логично отнести эту науку к общественным. История, в свою очередь, показывает развитие всех тех явлений, которые изучаются вышеназванными общественными науками, во времени. Экономическая, политическая, социальная и культурная география отображают эти явления в пространстве, то есть на карте.

экономическая, социальная, политическая, культурная география

история человечества (по временным рамкам после истории природы)

Перечисленные науки не единственные. Я не назвал, например, математику, валеологию или технические науки, так как в строгом смысле слова они не призваны изучать мир. Я именую такие науки практическими (существуют исключительно для практического применения), их можно назвать также прикладными. И это даже не совсем науки, скорее «*области знаний*». Например, спорт сам по себе является культурой, и изучает его как явление культурология. Но когда речь заходит о спортсменах, медалях, турнирах, допинге и тактике команд, мы имеем дело со спортом как с обыденно-практической «областью знаний». Научное же знание о мире состоит из естественных и гуманитарных наук.

Итак, человек разбил все свои сведения об окружающем мире на отдельные науки, чтобы лучше его понять. В этом главная особенность (быть может и недостаток) человеческого разума: потребность в детерминизации. Чтобы составить единую картину мира,

нужно теперь изучить основы всех этих наук и объединить их в своем сознании (этой задаче посвящена идея *положительной философии* О. Конта, идея *всеединства* В. Соловьева и другие философские идеи).

Разум требует вычленения областей знания для их изучения - мы можем познать целое лишь через единичные вещи. Но и они при этом не могут быть поняты иначе как в рамках целого. Без понимания принципа всеобщей связи этих единичных вещей не может быть истинного знания. Неоспоримо, что все науки тесно связаны между собой, например биология с психологией (через изучение человека), физика с химией (через изучение элементарных частиц); география и психология вообще не принадлежат ни к естественным, ни к гуманитарным наукам полностью, как бы связывая эти два полюса. Из социологии вы можете узнать, что общество представляет собой сложную систему, в которой все взаимосвязано и взаимообусловлено. К примеру, социальная сфера общества не может существовать без экономической не только ввиду нынешнего устройства общества, но и по определению вообще. Социум всегда характеризуется какой-либо экономической деятельностью, изучаемой уже не социологией, а экономикой. Одновременно экономика немислима вне права, так как право задает сами общественные связи, изучаемые экономикой. Так взаимосвязаны и взаимообусловлены все науки. Вместе они составляют вместе единое, целостное знание.

Вненаучное знание — это непроверенные опытом или необъяснимые существующими законами (но так или иначе подтвержденные) сведения. Вненаучное знание появилось раньше, чем наука; многие научные знания появились в результате проверки вненаучных фактов научными методами. Сами эти методы, а значит и критерии «научности» знания меняются с течением времени. Кроме того, вненаучное знание может быть не изученным наукой только из-за своей невостребованности, но со временем оно будет исследовано подробнее и перейдет в разряд научного факта

с прилагающимися объяснениями в виде сформулированной закономерности. Таким образом, граница между научным и вненаучным исторически изменчива и очень условна. Это говорит о том, что *вненаучным знанием пренебрегать ни в коем случае нельзя*. Но чем больше авторитет науки в обществе, тем меньше обращают внимание на неподтвержденные данные. Наука, однако, может не все, поэтому в общей картине мира должны соседствовать и дополнять друг друга научные и вненаучные данные, пусть даже авторитет первых в различной степени выше. В конце концов, мы выяснили, что и в науке полная обоснованность и достоверность недостижимы.

Конечно, **квазинаучные** (насильственно навязываемое), **лженаучные** (сенсационные домыслы, не объединенные в систему знаний), **антинаучное** (отрицающее научные достижения) и **псевдонаучные** (популярные выдумки или маскирующиеся под научные теории, искажающие факты и отказывающиеся от полноценного исследования при наличии такой возможности) знания вредны и даже опасны. Я не призываю сейчас к ним. Я не буду говорить и о различных приметах, рецептах, традициях, которые также получены опытным путем, но не входят в систему науки. Эти знания (**обыденно-практические**) приобретаются неосознанно и помогают проще достигать результатов в повседневной жизни, без системного изучения всех подробностей мироустройства.

Но есть еще одна отрасль вненаучного знания: **паранаучное**. Оно включает в себя феномены, объяснение которых не является убедительным с точки зрения научности. Это и экстрасенсорика, о которой я рассуждал ранее, и различные способности магов и целителей (народная медицина), и многие другие способности некоторых людей, неподтвержденные или необъясненные наукой. Религии также основаны на паранаучном знании. А поскольку для верующего религия — главный источник вненаучных знаний и знаний вообще, то можно констатировать, что отношение к паранаучному знанию может чрезвычайно сильно влиять на мирово-

сприятие и поведение человека. Конечно, большая часть так называемого «паранаучного знания» даже не заслуживает называться знанием. Частью оно относится к необоснованной экстрасенсорике, частью к обыденно-практическим наблюдениям. Однако есть одна важнейшая часть паранауки - религия, и она заслуживает особого рассмотрения.

РЕЛИГИЯ

Это очень важный шаг — принятие какой-либо религии. Вера в Бога предопределяет ваши взгляды, ценности, деятельность, поведение. А значит, надо обязательно определиться в отношении религии. Однако, во всех самоопределениях есть одно «но»: нельзя раз и навсегда решить для себя что-либо. Это означало бы дальнейшую субъективность. Нельзя программировать себя установкой типа «этот выбор на всю жизнь».

Большинство религий являются в первую очередь нравоучениями, а не повествованиями о мире, о его структуре и законах. Поэтому не каждая религия может предоставить нам свой взгляд на мирозданье именно с точки зрения науки. Однако именно в этом одна из причин того, что *религия может гармонично соседствовать в сознании человека с научными знаниями*. «Что мы видим в природе, тому же учит Писание. И природа и Писание, если правильно будем вникать, показывают одно и то же» (Ефрем Сирин). Конфликт между наукой и религией может возникнуть только по недоразумению, если религиозные деятели станут диктовать, каким должен быть опыт, или ученые попытаются делать утверждения о сверхъестественных сущностях на основании своих теорий физического мира. Обе эти ситуации говорят о философской некомпетентности сторон.

В последнем доводе имеется в виду опыт как критерий научного знания. С этой точки зрения мы не можем доказать ни суще-

ствование Бога, ни то, что Бог создал Вселенную, ибо не можем поставить опыт. С другой стороны, опровергнуть сверхъестественное мы также в принципе не можем (по той же причине). Это положение дает невиданную свободу религиозным воззрениям и вообще различным эзотерическим верованиям.

Но есть одно «но»: *если что-либо нельзя доказать опытом, это еще не значит, что это что-либо недоказуемо вообще.* Вспомним снова, что у нас есть два критерия истины: практика и логика. В энциклопедии «Британника» сказано: «Научные методы доказательства при всем разнообразии их определений сводятся к измерению явлений и поставленного опыта, или же к повторным наблюдениям». Здесь, очевидно, имеется в виду критерий практики. Но позвольте, как мы тогда научно докажем, например, что Наполеон действительно существовал? Или то, что Отечественная война 1812 года была? Мы же не ставим эксперименты, не проводим наблюдения! Научные методы (как их определяет «Британника») здесь бессильны, и нам нужно обратиться к так называемому *историко-юридическому методу доказательства*, который призван *логически* доказать или опровергнуть тот или иной факт. Здесь мы оцениваем не эксперименты и наблюдения, а улики и показания свидетелей. Принято считать, что такой метод менее надежен, а вероятность ошибки при его применении больше. Однако подобные предположения достаточно условны, да и к тому же мы видим, что в некоторых случаях проверить истинность другим способом принципиально невозможно. Пример с Наполеоном показывает, что этого нельзя сделать, когда речь идёт о событиях прошлого или будущего. Есть и другие случаи, когда нам доступен только логический критерий. Например, когда событие удалено от нас не во времени, а в пространстве (так, мы пока не можем проверить опытным путем наличие жизни на планетах, удаленных от нас на миллиарды световых лет). Возможны и другие обстоятельства, препятствующие эмпирическому познанию (так, учёный может логически прийти к какому-то заключению, и лишь впоследствии подтвердить свой тезис экспериментом, так

как до этого он просто не знал о необходимости именно такого эксперимента, и потому практика была «невозможной»).

Итак, мы пришли к выводу, что утверждения о существовании чего-то сверхъестественного нельзя опровергнуть «научным методом», их можно оценивать лишь логически. В то же время безусловного, стопроцентного ответа историко-юридический метод, конечно, дать не может, и отсюда следует другой важный вывод: *и атеистические, и религиозные взгляды могут оказаться как верными, так и ошибочными*. Так, верующий скажет: «Часы доказывают существование часовщика. Вселенная доказывает существование Бога. Ни один ученый не сможет объяснить, как из ничего образовалось все бытие, все теории на этот счет несостоятельны, появляется все больше ученых, убежденных в существовании Высшего Разума». Атеист ответит: «Это не чудо! Просто наука не может это *пока* объяснить, но придет время, и нам откроется истина». Далее атеист продолжит: «Животные не верят в богов, только люди. Неужели не ясно, что бог и все сверхъестественное — это порождение человеческого разума, стремящегося объяснить действительность и обрести ясность?!». Но верующий парирует: «Как же ты тогда объяснишь существование Христа? Большинство ученых считают, что такой человек был, а путем анализа Нового Завета и логических рассуждений доказывается его божественная сущность»⁵. Так, каковы бы ни были доказательства, точно утверждать нельзя ничего. Ещё древнегреческий софист Протагор справедливо отмечал: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду».

Умберто Эко (20 в.) — итальянский ученый, философ, историк-медиевист, специалист по семиотике, писатель — человек неверующий, но при этом не отличающийся узколобым скептицизмом в вопросе религии. Он не противник религии, к любой вере Эко относится с уважением. Его позицию я считаю рассудительной

⁵ Например: Джош Макдауэл — «Неоспоримые свидетельства» в трех частях (и публицистическое сокращение — «Не просто плотник»)

и обоснованной и хочу поставить ее в пример всем «убежденным» атеистам. Эко считает, что Бога нет, но он всегда стремится к истине и не отстаивает «с пеной у рта» отсутствие сверхъестественной силы. Вот его слова из письма к кардиналу католической церкви К.М. Мартини: «...психология атеиста для меня загадочна: подобно Канту, не могу взять в толк, как возможно не верить в Бога, утверждать, что Его существование доказать нельзя, но при этом свято верить в Его отсутствие, полагая, что уж это-то доказать можно!».

Религия демонстрирует, насколько важно вненаучное знание в вопросе самоопределения. Религиозные взгляды у верующего доминируют даже над научными. Но именно поэтому у него часто возникает проблема соотношения данных науки и религии — ведь они могут противоречить! Эта проблема имеет несколько решений. **Во-первых**, учитывая то, что знание всегда относительно, некоторые противоречия религии и науки можно объяснить *неточностью науки*.

Во-вторых, книги, входящие в Библию, писались обычными людьми, с их субъективными взглядами и личными желаниями. И пусть часто при этом присутствовало некое «божье озарение», сути это не меняет. *Человек понял посланную Богом информацию так, как смог понять, и изложил так, как смог изложить. Так мы имеем фактические неточности*. В конце концов, авторы были людьми разных профессий, возрастов, разного социального положения. Как не взяться ошибкам? Их настолько много, что все верующие вынуждены признать, что в Библии действительно попадаются исторические неточности и ошибки, сделанные или евангелистами и апостолами, или позднейшими переписчиками. Умберто Эко писал кардиналу Мартини: «Даже верующий согласится, что библейские авторы очень зависели от распространенных в их культуре обычаев, традиций и способа мышления».

Другой вопрос, почему Бог допустил такую ситуацию. Рассмотрим, например, общую для иудаизма и христианства Книгу Бытия, в которой рассказывается о сотворении мира. Начнем с того,

что изложить историю мироздания в доступной форме в принципе довольно сложно. Человек не имеет ничего кроме своих умозрительных образов, и вдруг его постигает Божественное откровение. Как автору книги передать то, что он видел в своем сознании? Язык человека в то время был слишком беден для того, чтобы точно изобразить величайшие картины космических явлений. Сейчас мы пользуемся специальной терминологией, но это сейчас. Для того чтобы точно поведать о сотворении мира, Богу пришлось бы доступно объяснить *всем* людям (а не только автору, ведь в таком случае книга оказалась бы бесполезной для остальных) все естественнонаучные законы (то есть всю физику, химию, биологию, астрономию и многое другое), теории, даже те, которые до сих пор не открыты, а также отдельные элементы эзотерики. Человеку по природе невозможно понять всю глубину замысла Творца. Ада и нужно ли это? Мы имеем небольшой рассказ о создании мира и жизни на Земле (не более страницы) вместо тысяч томов научной литературы, но именно эту цель, пожалуй, мог преследовать Бог. *А менять сознание человека в этом случае означает противиться собственному же творческому замыслу.*

Так, при чтении «Бытия» нужно учитывать невозможность точного описания событий. Библия — это текст, вдохновленный Богом. Не случайно, пытаясь выразить непостижимое, авторы противоречат друг другу; не передают информацию точно, четко и ясно (как следствие — противоречие науке). Авторы, пытаясь донести до нас информацию, прибегают к различным литературным приемам, употребляют слова в несколько ином смысле. Дословное понимание написанного в таком случае только исказит картину; иносказание необходимо для выражения мысли Бога. Поэтому если понимать текст буквально, можно подумать о нем как о низкопробном фантазировании. Но вот парадокс. Это фантазирование — вынужденно завуалированная истина, представляет собой настоящее сокровище! Богословы утверждают, что Библия содержит ответы на все вечные вопросы, решение всех злободневных

проблем. Психиатр Д. Т. Фишер отметит: «Уже две тысячи лет... мир держит в руках текст, в котором есть все без исключения ответы на смятенные и бесплодные вопросы человечества». Многие психиатры читают Библию своим пациентам. Это лучшая терапия, утверждают они.

Но чтобы понять Библию (да и то хотя бы отчасти), требуется подготовка и концентрация мысли. Философ-теолог Ориген (185–254 гг. н.э.) вообще говорил об эзотерическом, т.е. скрытом христианском учении, способствующем сохранению веры «от болтовни и насмешек не понимающих христианских таинств». Мысли Писания нужно понимать не буквально, а аллегорически, утверждал Ориген. Он, правда, говорил и об основополагающих догматах, которые нельзя никак интерпретировать. С этим, конечно, можно спорить, так как в любом языке одно слово может иметь несколько значений, поэтому как первоначальный текст, так и его последующие переводы утрачивают много смысла при дословном разборе. Переводы Библии — отдельная тема. Не случайно существуют католики, православные, протестанты и прочие конфессии христианства. Каждый язык имеет свои особенности, и это мешает понять Писание абсолютно точно. Наконец, еще один любопытный факт. К. Ф. Берни в своей книге «Поэзия нашего Господа» (1925) высказывает теорию, будто слова Христа передавались в виде стихов на арамейском языке — так их было легче заучивать наизусть. Не секрет, что в еврейской религии принято, чтобы ученик запоминал слова учителя наизусть, поэтому теория вполне обоснована. Из этого два вывода. Первый — стихотворная форма способствовала устной передаче данных, что говорит о достоверности книг Нового Завета (то есть, что в Евангелиях нет никакой исторической выдумки). Второй вывод — стихами нельзя точно передать события, значит обращать внимание нужно только на общий смысл. Это другая причина не постигать Библию буквально. Ориген говорил о трех уровнях понимания Библии. Так же как человек состоит из материи, души и духа, так и Библия понимает-

ся дословно, морально-назидательно и философско-мистически.

В конце концов, если понимать все дословно, любое учение превратится в чушь. Вот пример. Христиане никогда не должны отвечать на насилие, ибо сказано: ударили по одной щеке — подставь другую. Но получается, что христиане обязаны терпеть только удары по щекам (да еще просить о втором ударе)! Но неужели если их ударят в живот или в глаз, то они имеют полное право взять бейсбольную битку и надавать обидчику так, чтобы мало не показалось? Конечно нет, просто не следует извращать мысли и слова.

Итак, Библия понимается аллегорически. Это **третий пункт**, позволяющий нам объяснить противоречия Священного Писания. На самом деле с помощью такого толкования можно объяснить абсолютно любые неточности. «Бытие» говорит, что женщина появилась из ребра мужчины? Достаточно вспомнить, что на древнееврейском «цела» — это не только «ребро», но и «грань», «сторона». Простая логика указывает нам, что никакой биологии в рассказе о сотворении женщины не имеется. Другой пример: если заняться подробным разбором, то выяснится, что библейское повествование о сотворении мира совершенно точно *не* противоречит науке. Даже наоборот, чудесным образом за тысячелетия до того, как этот факт подтвердила наука, Библия заявила, что свет появился раньше Солнца и других звёзд. И так далее.

Подведем итоги. *Невозможность отвергнуть религию опытом (1), отказ от буквального понимания Библии (2), учет «человеческого фактора» (3) и относительность даже научных данных (4) ведут к полному оправданию существования религии; историко-юридический метод подтверждает обоснованность (но не истинность!) христианства.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ?

*Высшая задача таланта — своим произведением
дать людям понять смысл и цену жизни.*

В. О. Ключевский

В предыдущей главе я попытался привить читателю стремление к истине, которое должно лежать в основе познания, ведь познание очень важно: оно формирует мировоззрение и личные ценности, от которых зависит, какие мы цели себе поставим, чему посвятим жизнь, насколько правильно проживем свой век. В этой главе я сначала хочу поразмышлять на некоторые вечные темы, чтобы помочь читателю лучше осознать этот мир и себя в нем, а потом перейти к главной теме — выбору главной жизненной цели, способов и средств её достижения.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

*Наполни смыслом каждое мгновение
Часов и дней неумолимый бег
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь человек.*

Киплинг

Психологи, повествуя о деятельности человека, отмечают, что причина ей — мотивы, формирующиеся на основе потребностей. Деятельность, таким образом, это попытка индивида удовлетворить потребность. Человек, согласно психологам, есть энергетическая система, стремящаяся к равновесию при воздействии извне. Если на человека что-то оказывает влияние, появляется *напряжение* (люди называют эти напряжения «желаниями»), которое не-

обходимо снять, не создав при этом еще большего напряжения. (Желание убить кого-нибудь надо удовлетворять так, чтобы потом не возникло еще большее желание сбежать из тюрьмы на свободу, ведь получится только хуже; для такой регуляции инстинктов **Ид** существует специальная система — **Эго**.) Опять получается, что в основе деятельности — желания. Кроме этого можно сделать вывод, что все наши желания вытекают из-за влияния на нас окружающих людей, событий, явлений.

Иногда, правда, бывает, что мы желаем сделать чего-то, что не принесёт нам никакой пользы, и это желание не продиктовано Ид (инстинктами). Об исполнении этого никто нас не просил, этого не нужно близким нам людям... Например, если у машины спустило колесо — для водителя это настоящее происшествие, а для проходящих мимо зевак — развлечение. Но почему кто-то из этих зевак все-таки подумает: «Какое у человека горе! Ему надо помочь!»? Дело в так называемом **Суперэго**⁶. Условно говоря (психологи меня поправят), Суперэго состоит из привычек и принципов. Привычки — это автоматизированная деятельность, бессознательное принятие решений. Под принципами понимаются представления о хорошем и плохом, возникающие под воздействием близких людей, родителей и воспитателей. Принципы — это «осознанные

⁶ **Суперэго (Сверх-Я)** — в психоанализе так называют моральные установки человека. Представление человека о том, что в этом обществе он должен делать, а что — нет, совесть, стыд — все это проявления Суперэго. **Эго (Я)** — согласно психоаналитической теории, та часть человеческой личности, которая осознается как Я и находится в контакте с окружающим миром посредством восприятия. Эго осуществляет планирование, оценки, запоминание и иными путями реагирует на воздействие физического и социального окружения. Согласно Фрейдю, Эго является посредником между внешним и внутренним миром, как и между Ид и Суперэго; оно обеспечивает последовательность поведения, реализует личную точку отсчета, благодаря чему события прошлого (сохраняемые в памяти) соотносятся с событиями настоящего и будущего (представленными предвидением и воображением). **Ид (Оно)** — в психоанализе являет собой бессознательную часть психики, совокупность врожденных инстинктивных влечений.

привычки». И привычки и принципы это нечто, заложенное в нас и управляющее нашими действиями наравне с Ид (потребностями) и Эго, регулирующим Ид. «Желание» действовать в соответствии с принципами (ценностями) вопреки потребностям (даже если это будет хуже для себя самого) называется совестью. Говоря в будущем о Суперэго, мы будем иметь в виду только его следствие — совесть.

Значит, мы не всегда действуем сообразно нашим врождённым потребностям. Кое-что закладывается в человеке позже и также управляет им. Стремясь сделать хороший поступок, человек инстинктивно «вспоминает» образ авторитетных людей, их мнения, свои мнения, формирующиеся благодаря отдельным событиям, «вспоминает» образ Бога и поступает в соответствии с этими интуитивными «воспоминаниями». Отбираются эти принципы разумом (который включает и ранее усвоенные принципы). Так наши воззрения ограничивают действия. Если стремление соблюсти долг явно противоречит собственным потребностям, возникает конфликт — «антиномия практического разума» (термин И. Канта). Кант метко выделил эти два вида человеческих стремлений, и уже после гласил об этом психоанализ. К слову, начало вся эта теория берет еще от Платона (5—4 вв. до н.э.). Тот выделял три начала в человеке: *разумное* (= Эго и Суперэго), *вождеющее* (= созидающие инстинкты Ид) и *яростное* (= разрушающие инстинкты Ид).

Такова вкратце схема внутренней мотивации деятельности человека, предложенная Фрейдом. Однако его концепция в настоящий момент подвергается резкой критике, в частности вот в чём. Фрейд считал, что все страсти и тревоги людей коренятся в их биологической природе, а социальные нормы либо сдерживают их, либо направляют в нужное русло (тем самым удовлетворяют потребность с одновременной пользой для остальных людей). На самом деле общество тоже формирует личность, и человек, безусловно, это продукт всей человеческой культуры; его *потреб-*

ности определяются не только биологической природой, но и социализацией. Исследователь Д. Фридман доказал это экспериментально. Из всего набора детских игрушек он выбрал самую популярную (робота), и убедил детей, что играть с ней — это плохо. Авторитет взрослого сыграл свою роль — даже в отсутствие контроля и угрозы наказания дети не играли с роботом, так как их потребность была изменена.

Таким образом, следует признать, что в человеке не так много «природного», что определяло бы его жизненный путь. Мы сами формируем свои потребности и желания, мы способны следовать самым, казалось бы, противоестественным (но лишь на первый взгляд) идеалам, как то христианское «непротивление злу» или «любовь к ближнему», аскетизм — и в этом нет ничего ненормального. Значимо не только то, какой человек по природе, но и то, что он считает правильным, направит ли он свою «природу» в нужное русло, найдет ли эффективный способ её преобразовать. И это важно понимать, чтобы выбрать верную дорогу в жизни.

А жизнь, в свою очередь, это бесконечная деятельность, и мы не можем ничего не делать. Человек так устроен, что всегда должен созидать, создавать смысл своего существования, ибо прежде всего прочего он пытается избавиться от скуки (или, точнее, однообразия). Вообще, полноценная жизнь — это жизнь, наполненная множеством ощущений, а по настоящему доволен своей жизнью тот, кто не скучал, а жил, вкушая много радости и много страданий; и не тот, кто непрерывно получает удовольствие, а тот, кто терпит еще и неудовольствия, потому что это — хотя бы что-то, а скука — это полная пустота. Таким образом, скука, жажда разнообразия является первопричиной наших действий. Нас не долго устраивает имеющееся, и мы вновь хотим чего-то, вновь чем-то недовольны. Человек всегда требует всё новых развлечений и страстей. По меткому выражению А. Шопенгауэра, «каждая человеческая жизнь — это путь от боли к скуке и обратно».

В поиске ощущений (которые необходимы, чтобы избежать

скуки, пресыщенности, сенсорного голода) мы порой тратим время, скажем прямо, откровенную чушь, на бесполезные занятия. Так появилась мода (не случайно среди привилегированных сословий), этикет, так появились неписанные порядки и авторитеты «на зоне», так приобрели популярность сериалы... И ведь страдаешь вместе с главными героями, переживаешь! В общем, как ни крути, нам нужны ощущения. Компьютерным играм можно приписать тот же смысл: на грани жизни и смерти плурует герой, переживает невиданные передрыги, однако - без риска для жизни того, кто управляет этим героем. Ощущения без последствий — притягивают.

Впрочем, чем более развита в духовном плане личность, тем меньше она подвержена скуке. Умный человек, как правило, вполне удовлетворяется одиночеством, тогда как даже непрерывная смена собеседников, спектаклей, поездок и увеселений не ограждает глупца от терзающей его скуки.

Но не только скука, банальная жажда ощущений, склоняет людей к такому образу жизни. Дело в том, что человек, как существо сознающее, понимает бренность и ненадёжность своего существования, бесконечную малость своей личности и чрезвычайную краткость и хрупкость своей жизни, которая суть лишь миг между двумя вечностями в безграничном пространстве. В связи с этим он чувствует опасность такого положения, и это заставляет его обратиться к вечным вопросам: задуматься о мире, о своей жизни и её смысле. Так человек пытается найти хоть какую-то опору в этой чудовищной реальности и обрести уверенность, в том числе позаботившись о грядущем после смерти. Но на то эти вопросы и вечные, что ответов на них не существует. Мир не предоставляет нам никакого объективного смысла и системы ценностей (о чем будет сказано далее в главе о смысле жизни). Их можно найти только в религиях (для этого они и существуют) или во всякого рода умозрительных идеологиях, которые люди, остро нуждаясь в ответах и определённости, склонны принимать на веру, совершенно не ду-

мая. (Это, кстати, даёт нам основания полагать, что потребность в стабильности, уверенности и безопасности является второй базовой потребностью человека, наряду с потребностью в ощущениях; из неё исходят, в частности, желания человека познавать мир, поддерживать общественный порядок, властвовать над природой и другими людьми и др.)

Если человек всё же не находит желаемого, страх возвращается вновь. Страх всегда возникает, когда есть неопределённость или неизвестность. Это естественное ощущение, необходимое как способ остаться в живых. вспомните, как вы кричали в детстве, увидев незнакомого, страшного жука. Это было что-то вроде инстинкта самосохранения: «вдруг это существо опасно?».

Чтобы преодолеть этот страх и уйти от назойливых вечных вопросов (иными словами, обрести уверенность), люди вступают в различные секты, некритично принимают первые попавшиеся идеологии. Но кроме этого они могут так же, как и при скуке, прибегать к развлечениям, или, по выражению великого ученого Б. Паскаля (1623–1662), к «забавам», то есть к той самой бессмысленной деятельности⁷. Паскаль, в духе своего времени, приводит такие примеры: охота, флирт, войны, интриги и пр. В наше время «забав», разумеется, намного больше, и далеко не все из них безопасны и безвредны. Большинство, наоборот, ведут к *подрыву здоровья, моральному и духовному разложению личности*. «Нет для человека задачи неразрешимее его самого», говорит Паскаль. Именно этот факт заставляет нас «уйти в будни», увязнуть в повседневности, насытить жизнь «забавами». В. Франкл был близок к этому соображению. Он полагал, что утрата смысла жизни приводит к попыткам заполнения «экзистенциального вакуума» с по-⁷ Шопенгауэр (1788–1860) в своей философии также обращал внимание на *иллюзии и придумывание занятий*, с помощью которых человек пытается уйти от самого себя, и относил к ним также религиозные и философские течения, направленные на то, чтобы сделать жизнь выносимой, придать ей мнимый смысл. Он писал: «Основное свойство мировой воли состоит в том, что она ни к чему не направлена... нет никакой конечной цели, то есть, нет никакого смысла».

мощью псевдосмыслов — потребления, стремления к власти и т.д.

Но человек не может изменить свою природу, и окончательно уйти от Вечности или Скуки с помощью развлечений, поэтому со временем всё отчетливее проявляется чувство *тоски по трансцендентному* — страстное желание вырваться за пределы себя, за границы обыденного, и обратиться к чему-то высшему. Человек переживает разрыв с миром, чувствует своё несовершенство, в то же время сам мир представляется ему тленным и таким же ничтожным. Возникает ощущение одиночества и душевной пустоты, что в конечном итоге может привести к полному отчаянию. И хотя лучшим выходом из этой ситуации является развитие высших, подлинных человеческих качеств (достоинство личности, любовь и добродетель), большинство людей предпочитает продолжать устранять скуку посредством «забытья» и ложных ценностей.

Но необходимо помнить, что любая цель в жизни должна основываться на понимании смысла своего существования, а не на «забытии». Если же человек не хочет искать смысл, то вся его деятельность направлена на получение удовольствия посредством удовлетворения низменных инстинктов (тот самый — нежелательный — путь большинства, путь *нисхождения*). У таких людей (их довольно много) есть какие-то цели, но в итоге они понимают, что прожили жизнь зря. Есть увлечения, но хобби — это лишь занятие, удовлетворяющее сильнейшую из жажд индивидуума или удовлетворяющее наибольшую сумму вождлений. Получается, что такие люди живут просто-напросто в удовольствие. С другой стороны, почему нельзя просто получать от жизни наслаждение, не задаваясь разнообразными целями? Конечно можно, но как правило такая позиция является следствием принципиального нежелания думать. Если же человек рационально избрал для себя удовольствие главной ценностью и целью, то уже сама эта предпосылка рациональности избавит его от многих бед. Прав ли в принципе такой человек в своем выборе, станет видно из следующей темы.

СЧАСТЬЕ

*Жизнь есть рай, и все мы в раю,
да не хотим знать того,
а если бы захотели узнать, завтра же
и стал бы на всем свете рай.*

Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы».

Вопрос «в чём счастье?» вытекает из предыдущей темы, где я сказал, что человек всегда гонится за чем-то новым. Я также сказал, что это заставляет его постоянно чувствовать неудовлетворение, и заниматься глупыми вещами, тогда как эту жажду познания, преобразований, творческой деятельности можно было бы обратить в разумное русло — к этой мысли я вернусь в теме «Цели и смысл жизни».

Согласно Большой Советской Энциклопедии понятие счастья соответствует «наибольшей внутренней удовлетворённости условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения». Заметим, что акцент в этом определении сделан на некоем «внутреннем» удовольствии, основанном на осознании своей истинной природы, своего места в мире! Счастье, как утверждается в БСЭ, тесно связано с моральным сознанием и, по сути, представляет собой определённое *состояние сознания*. (А это значит, что животные не могут испытывать счастья (им доступно только удовольствие), так как не обладают сознанием.) Следовательно, счастье — это не столько удовольствие или положительные эмоции, лишь способствующие счастью, сколько гармония с самим собой и окружающим миром. Счастье — это не физическое, а моральное и даже духовное удовлетворение.

Неправильно понимать счастье как полное отсутствие всех желаний. Человек может испытывать состояния счастья и оттого, что есть перспективы и возможности для достижения каких-либо целей (от обычного сытого удовольствия это чувство отличается

своеобразным душевным порывом). Я думаю, счастливый человек вполне может иметь неудовлетворённые желания, но — что важно — они не причиняют ему неудобств, он или уверен в их будущем удовлетворении, или не огорчается невозможности их удовлетворить.

Чаще всего, однако, люди понимают счастье именно как удовлетворение всех желаний, когда «всё есть и всё получается». Но из такой позиции следует, что быть счастливым — это чуть ли не утопия. Во-первых, мы осознаем далеко не все свои «напряжения», многие из которых скрыты в «бессознательном». И если человек ставит в жизни цель стать счастливым, он вряд ли понимает, как этого добиться. Во-вторых, эта цель предполагает *умение* удовлетворять свои желания при минимальных затратах и не создавая еще больших проблем. При этом со временем под воздействием внешнего мира у нас появляются всё новые напряжения, и если мы не сможем их вовремя снять, то они разрастутся как минимум до разочарования. В-третьих, многие из желаний в принципе невыполнимы.

Да и вообще надо сказать, что понимание счастья как главной цели приводит к тому, что все явления начинают оцениваться по принципу: «А ведь могло быть лучше!». И снова повод к недовольству: более критичное восприятие реальности становится катализатором для новых целей и желаний. Больше того, в стремлении к счастью мы подразумеваем, что оно будет постоянным явлением (вроде рая), но счастье всегда кратковременно! Это лишь миг, случай. И мы снова и снова вынуждены «догонять», достигать уходящий идеал. Так мы приходим к недовольству. Короче говоря, мы не только неправильно понимаем счастье, но и неправильно идем к нему. Действительно, чем больше мы стремимся к счастью, тем более неудовлетворенными становимся.

Из этого видно, что с понятием счастья неразрывно связано понятие недовольства. Люди постоянно чем-то недовольны: низкой зарплатой, высокими ценами, соседями и т.д. В чем же здесь суть? Всё просто. Недовольство и удовольствие — единое целое! *Недо-*

вольство побуждает нас действовать, а удовольствие — награда за успех. Два этих феномена вместе постоянно заставляют нас делать что-либо. Потому жизнь — это деятельность. Удовольствие и недовольство являются условием прогресса, движущей силой бесконечного движения, развития. Если бы мы всегда были такими довольными как после хорошего обеда или секса, то нас бы ничего не подняло с дивана. Уже поэтому нашей целью не должно быть переполнение мозга гормонами счастья. Но и до сих пор ни в одной стране мира с сильной экономикой и высоким уровнем жизни количество недовольных не уменьшается. Всё потому, что нет предела динамике жизни. Ни одно достижение не сделает нас окончательно счастливыми, не избавит навсегда от недовольства. Ни один успех не перевесит от недовольства к вечному удовольствию.

Со временем мы привыкаем ко всему хорошему и желаем жить еще лучше (*не замечаем того, к чему привыкли → забываем, насколько дорого и ценно то, что у нас есть → хотим еще большего*). Мы сравниваем себя с более успешными людьми и становимся неудовлетворенными своим положением, уровнем жизни. Мы смотрим на звезд эстрады и хотим жить так, как они. Но мы и подумать не можем, что эти звезды только об одном мечтают: сесть и нормально поесть, не торопясь, не отвлекаясь на камеры и журналистов. Среди знаменитостей очень распространена депрессия. Почему? Да потому, что чем больше ты имеешь, тем больше ты можешь потерять, тем больше у тебя забот. И вот какой-нибудь состоятельный человек, привыкший есть за завтраком экзотические фрукты, не находит их у себя на столе, вместо этого в утреннем рационе «только» яблоко. Кажется, мелочь, ан нет. Это ухудшение уровня жизни, и таких мелочей может быть несколько за день, что и приводит к недовольству, а там и к депрессии. Еще раз повторю: чем больше благ есть, тем большие требования у человека к своему уровню жизни и тем больше благ можно потерять.

Так люди и ходят по кругу, вечно неудовлетворённые, и в этом «прогресс». Прогресс — это результат взаимосвязи удовольствия

и недовольства, и он не является движением к совершенству. Прогресс, лучше сказать, является просто движением. Вот почему вся жизнь состоит из «черных» и «белых» «полос».

Счастье не отрицает ни удовольствия, ни недовольства, однако отличается от них. Счастье не означает, что нам больше не к чему стремиться. Ведь если люди будут довольны существующим, это ещё отнюдь не означает, что они прекратят всякую деятельность, ибо природа человека пронизана духом творчества. Другое дело, что развитие человечества пойдёт по другому пути, но уж точно не по худшему, раз мы признаём, что прогресс имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Наоборот, роль счастья в том и состоит, что оно является стимулом к жизни, а не к потребительской удовлетворенности; оно существует для того, чтобы человек как существо духовное мог осознать ценность и полноту жизни, какой бы она ни была, и проявить свои самые высокие устремления, не боясь ничего потерять.

В то же время важно помнить то, что стремление к счастью как к главной жизненной цели не принесёт ничего, кроме разочарования. В философской среде такая «установка на счастье» была неоднократно раскритикована, в том числе «основателем» гедонизма (!) Эпикуром (4–3 вв. до н.э.). По мысли создателя Третьей (Венской) Школы психотерапии Виктора Эмиля Франкла (1905–1997), «человек, который отчаянно рвется к ощущению счастья, таким образом отрезает себе дорогу к нему».

Дело в том, что стремясь к счастью, человек, как правило, ориентируется на преходящие ценности, важные только с точки зрения удовольствия, и потому не может достигнуть постоянства. Народная мысль давно выявила эту мудрость:

Несчастья бояться — счастья не видеть.

Нет худа без добра.

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Не отведав горького, не узнаешь сладкого.

В горе — счастье ищи.

Вообще, истинное счастье не нужно искать: оно уже находится в каждом из нас.

Таким образом, нам 1) не следует страстно желать счастья и мечтать о нём; 2) следует поменять отношение к новым желаниям, чтобы недовольство существующим перестало переходить в ощущение «дискомфорта», «раздражения». Для этого нужно понять, что недовольство — наше нормальное состояние. У нас всегда много неудовлетворённых потребностей. Считать их чем-то плохим — абсурдно!

С учётом вышесказанного «стремиться» к счастью все-таки нужно, но речь здесь будет идти уже не об удовлетворении потребностей, не о получении плотских удовольствий, а об обретении душевной гармонии. Но как же именно надо «стремиться», чтобы не водить себя же за нос? Замечательные ответы на этот вопрос дали такие философы, как Будда (7–6 вв. до н.э.) и Эпикур.

Центральным положением учения Будды является тезис, что мы всегда стремимся к лучшему, к большему (удовольствию). Новые желания постоянно гонят нас вперед. Неудивительно, что возможности зачастую не совпадают с желаниями. Мы увеличиваем свои возможности, совершенствуем себя, чтобы достичь желаемого, но как только достигаем его, появляются новые потребности. Получается, что наши желания — стремительно убегающий вдаль горизонт, а жизнь — это бесконечное страдание. Мы страдаем, так как не можем иметь того, чего хотим.

Но вы, наверное, согласитесь, что новые цели и желания, а, следовательно, и новые страдания, появляются не совсем сразу после осуществления предыдущих целей. Небольшой промежуток удовлетворения очень схож с состоянием счастья. Будда предлагал решение проблем именно в этом ключе: *если мы сузим круг желаний до круга возможностей, наступит гармония и счастье*. Отказаться от невыполнимых желаний — путь к благополучию (и нирване). Счастье — в умеренном аскетизме.

Эпикур помогал решить проблему ограничения желаний (ведь не просто сказать своему Я, чего надо хотеть). Во-первых, гово-

рил Эпикур, удовлетворение базовых потребностей в еде и одежде уже есть счастье. А вообще, одно и то же событие может быть воспринято по-разному разными людьми. Один расстроится событию, другой — обрадуется. Значит, *счастье не в событиях и вещах, а в том, как мы к ним отнесемся*. Ведь во всём есть положительные и отрицательные стороны, плюсы и минусы; но мудрость заключается в том, что *надо радоваться всему хорошему, уметь замечать его в происходящем, и максимально пользоваться этим*. А что до плохого, стоит ли так переживать из-за своих бед? Да и беды ли это? Зачем, спрашивает Эпикур, нам богатый стол и роскошные кушанья, если и черствый хлеб может принести не меньше удовольствия, если ты действительно голоден? Не случайно говорят, что голод — лучшая приправа. На этот счет существует такой афоризм: *счастье — это не иметь все, что хочешь, а хотеть все то, что имеешь*. Зачем нам мягкие подушки и простыни, если и твердая постель принесет не меньше блаженства, если ты действительно хочешь спать?

Выходит, часто мы попросту *обманываем себя, когда говорим, что у нас всё плохо*, и в то же время не замечаем многих позитивных сторон. А часто обвиняемые в безосновательном идеализме оптимисты, на самом деле, наоборот — проявляют трезвость мыслей и благоразумие, и потому могут заметить очевидное: *счастье зависит не от внешних вещей, а от того, как мы на них смотрим; «хорошо» и «плохо» — зачастую лишь навешиваемые на объективную реальность ярлыки, зависящие от субъективного усмотрения*. Скажем, известно ведь: то, что нас не убивает, делает нас сильнее. То есть со временем оказывается, что это «что-то», грозящее смертью и оцениваемое нами как «плохое», принесло большую пользу. Но мы не только не увидели плюсов в данном событии, но и осмелились судить о нём как о плохом, даже не зная, к чему это событие может привести! Возьмем другой пример. Можно, конечно, огорчиться тому, что вы не успели на уходящий автобус, но кто знает, может он попадёт в аварию

через минуту? А может кто-то, находившийся в том автобусе, чудом успел на важную встречу, потому что водитель не мешкал на остановках? Блаженный Августин, о котором мы ещё скажем далее, верно заметил: *«человек испытывает страдания ровно настолько, насколько поддаётся им»*. Итак, вещи сами по себе не являются ни хорошими, ни плохими. Они становятся таковыми только по отношению к отдельному человеку или группе людей, в зависимости от взгляда этих людей на конкретную ситуацию.

Указанные мысли высказывались не только Эпикуром, но и философами-стоиками (например, Сенекой). Впервые же они прозвучали из уст скептика Пиррона. Он говорил, что раз мы не можем познать истинную сущность вещей (нам может только «казаться» что-то), то как позитивные, так и негативные эмоции в принципе имеют под собой мало оснований. В связи с этим Пиррон призывал стремиться к невозмутимости души и освобождению от страстей, я же в отличие от него говорю: раз положительные и отрицательные эмоции одинаково беспочвенны, почему бы не сделать выбор в пользу положительных? Впрочем, тут необходима умеренность. Так, в своём *поведении* (основанном на эмоциональном состоянии) мы не должны сознательно пренебрегать объективной истиной, за исключением ситуации, когда она вовсе недостижима и не прогнозируема (из-за недостаточности сведений или в ситуации, когда «поезд уже ушёл»). Иными словами, не стоит смотреть на мир сквозь розовые очки. Правильным будет согласиться и с мыслью Пиррона о подконтрольности страстей рассудку.

Поэтому замечу особо, что предложенной оптимистичной трактовкой реальности я никоим образом не призываю к самообману. Если я говорю, что стакан наполовину полон, то это действительно так (никакой лжи). Более того, я не отрицаю, что он наполовину пуст, то есть не закрываю глаза на имеющиеся негативные обстоятельства (этого делать никак нельзя!). Но *«здравый оптимизм»*, *обращая внимание на проблемы, говорит, что они не должны нас угнетать, даже наоборот — должны заставлять*

предпринимать какие-то действия, планировать, чтобы достичь лучшего.

В согласии с Эпикуром мыслил Шопенгауэр. В частности, он писал, что неправильно искать счастье в имуществе, чине, жене и детях, друзьях, в обществе — на самом деле счастье кроется в нашей *способности к восприятию действительности*, ибо всё происходящее существует непосредственно лишь в сознании человека. Главным фактором счастья посему является наша личность: «Как счастливейшая страна та, которая нуждается лишь в малом ввозе, или совсем в нем не нуждается, — так и из людей счастлив будет тот, в ком много внутренних сокровищ, и кто для развлечения требует извне лишь немного или ничего». Соответственно Шопенгауэр отмечал, что человеку алчному, завистливому и злomu, как бы богат он ни был, достичь счастья чрезвычайно сложно.

Таким образом, *источник счастья в нас самих, а не во внешних деталях. Дело не в деньгах, благополучной семье, хорошей работе (счастье у каждого свое, общие стандарты счастливой жизни ошибочны), а в том, сможем ли мы испытывать от этого счастье, и этому надо научиться.* Богатство, власть и уважение сами по себе не приносят счастье. Их могут отнять, их можно лишиться. Сложнее отнять наши чувства или отношение к чему-либо. Счастье есть чувство и ощущение; это *отношение* к богатству, власти и уважению. Отсюда вывод: счастливым может быть даже самый бедный, опущенный и несвободный человек, а богатый — оказаться несчастным (как я уже сказал, привыкшему к праздной жизни богачу требуется больше благ для удовольствия, ведь ко всему хорошему быстро привыкаешь и перестаешь его замечать). Счастье можно сделать совершенно независимым от своего материального благополучия и возможностей. Такой случай в поэме «Кому на Руси жить хорошо» описывал Н. А. Некрасов («...счастье мужицкое! дырявое с заплатами, горбатое с мозолями...»). Неплохой пример приводит современный писатель М. И. Веллер в книге

«Все о жизни»: даже в тюрьме, в камере-одиночке, человек может быть счастливее многих успешных людей. В тюрьме есть: жилплощадь, бесплатное питание, спокойствие («жена не пилит, дети не теребят»), возможность письменного творчества. И, если условия совпадают с потребностями, вот оно — счастье!

Из всего вышесказанного виден вред сравнения. Не надо сравнивать себя с более преуспевающими, счастливыми и богатыми людьми. Сравнение порождает зависть, а зависть — это источник всех бедствий. Казалось бы, чего плохого в обычной, белой зависти? Разве нельзя завидовать близким, не желая им зла? Нельзя, отвечу я. Так ответили бы многие мыслители и философы. Вдумайтесь в учения Эпикура и Будды — они полностью отвергают зависть как таковую. Счастье доступно только при отсутствии зависти и сравнения благополучности. Становится ясным, почему сказано в десятой христианской заповеди: не желай ничего, что есть у ближнего твоего. «Что плохого в обычном желании?» — спросите вы. Но эта заповедь — не запрет. Это наставление на будущее для вашего же блага.

Изложенная концепция счастья, на мой взгляд, является залогом верного миропонимания. Она также заставляет сделать переоценку ценностей и планов, ибо возникает вопрос: стоит ли вообще добиваться чего-то во внешнем мире, если достаточно изменить кое-что внутри самого себя? Я думаю, что раз уж люди всегда жили не по книжкам (пусть даже иная книжка называется Евангелие), раз уж они всегда стремились к чему-то, мечась от скуки к боли, то вряд ли откажутся от своих замыслов и желаний. Но изложенная концепция поможет им усмирить, преодолеть боль сопутствующих неудач. Она обратит взоры потерпевших крах людей вновь внутрь себя, и, может быть, они поймут, что всё, что они хотят, уже лежит у их ног.

Кроме того, используя метод положительного закрепления⁸, можно

⁸ Когда ребёнку дают конфету за хорошее поведение, у него закрепляется ассоциация данного поведения с получением удовольствия. Это самый простой пример данного метода.

но заставить себя (свою психику) чувствовать удовольствие в нужных случаях, тем самым *мотивируя* себя на достижение той или иной цели. Мы можем сколь угодно отрицать это, но факт остаётся фактом: наше поведение обусловлено не столько разумным расчётом, сколько инстинктивной реакцией на страдание и удовольствие. Но в том и суть, что мы *разумным расчётом* с помощью психологических тренингов и упражнений можем выработать реакцию удовольствия от совершения необходимого действия. И это другая польза от изложенных выше теоретических положений.

В конце концов, «теория счастья» хоть и говорит нам, что всё хорошо, но *вовсе не утверждает, что больше не к чему стремиться*, и потому не противоречит замыслу данной книжки. Более того, убеждение, что счастье при любом раскладе в наших руках, ещё сильнее мотивирует людей, пробуждая в них творческую активность, давая силы идти к тем целям, которые их интересуют и в возможность достижения которых они имеют разумную веру.

СМЕРТЬ

Другая наиболее актуальная тема: тема смерти. Она также требует своего рассмотрения, если мы хотим взглянуть на жизнь глобально, развеять свои сомнения о самых главных «вечных вопросах», и только после этого определиться со своими целями и высшим смыслом жизни. Важно расставить все точки над «и» в таких злободневных, острых вопросах.

Особенно важна данная тема потому, что смерть и есть тот самый двигатель, который побуждает нас искать жизненный путь. Ибо «только перед лицом смерти по-настоящему рождается человек» (Св. Августин). Не осознавая человек своей смертности, предпосылок для написания этой книжки было бы гораздо меньше. Так что смерть отнюдь не убивает жизнь, а наоборот, обогащает её! Многие философы, задумываясь над смертью, приходили

к такому выводу. Физически смерть разрушает человека, — говорили они, — но мысль о смерти спасает его. Смерть побуждает нас к полезной и продуктивной жизни. По мнению немецкого философа М. Хайдеггера (1889–1976), осознание смерти побуждает нас к переходу на более высокий уровень существования. Из состояния забвения бытия, из мира вещей и жизненной рутины, мы переходим к осознанной жизни. Фрейд в своём духе писал, что «ограничение возможности наслаждаться повышает ценность наслаждения», то есть жизнь ценна лишь потому, что есть смерть.

В некоторых знаменитых литературных произведениях отмечается положительное влияние смерти на личность. Особенно преуспел в этом Л. Н. Толстой: в своём романе «Война и мир» он подвергает многих своих героев «испытанию смертью», показывая, таким образом, что осознание смерти способствует духовному рождению, что человек, поняв смерть, понимает кое-что в жизни, и чему-то учится. Андрей Болконский, например, лёжа при смерти под небом Аустерлица, понимает, что «все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба». Этим «всем» были его мелкие устремления и честолюбивые мечты. Герой переживает «просветление», обретает себя. Уже второе ранение пробуждает в нём страстное желание жить; князь задумывается над глобальными вопросами, о своём месте в мире. Другой яркий пример — Пьер Безухов, который после дуэли с Долоховым понимает, как глупо и бессмысленно из прихоти убивать человека. А после того, как Пьера чуть не расстреляли во французском плену, он понимает, что можно наслаждаться жизнью самой по себе, такой, какая она есть в данный момент (по сути, постигает раскрытую уже нами философию счастья). И так далее: Наташе Ростовой смерть Пети помогает опять полюбить жизнь и начать жить ради близких; смерть жены князя Андрея заставляет его увидеть собственный эгоизм и равнодушие...

И странно, видя такие примеры, что многие люди боятся смерти. Как же не видят они столько положительных сторон в ней?

К тому же, как замечал Эпикур, *«когда мы есть, то смерти ещё нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет»*. То есть мы не можем встретиться со смертью лицом к лицу: когда приходит смерть, мы уже уходим. Мы не увидим смерти, не испытаем ее и не познаем. Так зачем ее бояться?

Конечно, многие хотели бы завершить все свои начинания до того, как умрут. Воспитать сына, дописать роман, поехать, наконец, на чемпионат мира по футболу... И, если человек не успеет это сделать, получится, что довольно большой промежуток времени он прожил зря. Он умрет, а дети не успеют впитать в себя весь его опыт, воспитаются наполовину! Он умрет, и грандиозное произведение окажется ничтожным, ведь оно не завершено, замысел не выражен! Умрет, и получится, что зря много лет стремился попасть на какое-то соревнование... Это тоже пугает, пугает не меньше самой смерти. Но опять же: человек не может разочароваться, если он мертв. Так стоит ли забивать голову пустыми страхами? Что изменится в жизни, если мы будем бояться?

Многие жалеют, что их близкие умерли. Но зачем жалеть умерших, если им самим все безразлично? (Предположим, что душа существует и она бессмертна. Но и в этом случае скорбь по умершим имеет смысл лишь если душа на том свете получает с этого некий энергетический заряд, пользу.) Поверьте, они не считают себя неудачниками, не считают смерть горем! Чаще всего, когда умирают близкие, мы жалеем именно самих себя, что потеряли нужного человека. Но это свидетельствует лишь о нашей эгоцентричности и несамодостаточности.

Сам процесс умирания может оказаться мучительным, что тоже становится поводом для страха. Но сколько раз вы уже чувствовали мучения, сколько раз переживали физическую боль или отчаяние? Мучение при смерти — достаточно «бытовой» эпизод. Представьте себе футбольного вратаря, который перед каждым своим броском боится боли, которая, возможно, будет при падении. Настолько же глупо бояться страданий при умирании (в обоих

случаях процесс неминуем и редко бывает болезненным).

Еще один распространенный страх — что зависящие от нас люди не смогут позаботиться о себе после нашей смерти. Это существенный аргумент. Однако и он не может оправдать страх перед смертью, который в любом случае не приведёт ни к чему хорошему. В жизни часто бывают случаи, когда просто необходима некоторая осторожность, предусмотрительность — в основе они имеют чувство опасности. Но голый или чрезмерный страх никогда не послужит на пользу. И уж тем более страх смерти, которую, как явление сугубо человеческое (раз только он может её осознать), правильнее было бы просто принять с достоинством (тоже свойственным лишь человеку).

Это есть *путь внутреннего превосхождения* — когда человек становится выше смерти, примиряется с ней без всякой потери, перестает страдать. Точно так же человек может возвыситься над болью (физической и душевной), болезнью, злом и т.д. Такое отношение к смерти является частным проявлением ухода от собственных желаний, поэтому полезно сопоставить его с темой счастья; а также с темой объективности, так как преодоление таких обстоятельств, как боль и страх, ведет к более объективному познанию.

Что касается большинства религий, о страхе умереть здесь обычно речи не идет. Смерть в них не является концом бытия — это перевоплощение, переход в другой мир или в другое тело в этом же мире. Поэтому проблемы смерти в религии как таковой нет, есть лишь проблемы перехода. В частности, в отдельных религиях постулируется невозможность человека повлиять на последствия этого перехода (так, в кальвинизме утверждается, что Бог изначально определил каждого из нас либо в рай либо ад, и мы уже не можем ничего изменить). При таких обстоятельствах страх, подобный страху смерти, действительно может возникнуть, но рассмотрение способов его преодоления - задача уже другой книги. Нам следует лишь отметить, что сами постулаты той или иной религии всегда должны быть обоснованными.

СУДЬБА

Судьба заключена в характере.

Пословица

Яблоко от яблони недалеко падает.

Пословица

Тема предопределения также является одной из самых важных при выборе жизненного пути. Для начала я попробую рассмотреть точку зрения приверженцев той или иной религии. И для этого нужно ответить на вопрос: какие у нас есть основания полагать, что кто-то «сверху» управляет нами и решает, куда мы пойдем и что мы сделаем? Основание одно: Бог всемогущ, и он может делать все, что хочет. Но обратите внимание, что в большинстве религий нет речи о тотальном, полнейшем предопределении людских судеб, есть только ограниченное вмешательство Бога. К тому же, это вмешательство вовсе не непременно, да и не мешает кардинально нашей свободе выбирать. Если же речь заходит о предопределении базовой линии жизни, основополагающих ее сторон, важнейших наших поступков, то делается ссылка на *обычные* обстоятельства, условия и события, но этим естественным вещам придается (в силу религиозной субъективности) сверхъестественный характер. В итоге, религия не убеждает нас в нашей несвободе.

Однако я сказал об «обычных обстоятельствах», которые наводят нас на мысль о существовании предопределения. Эти обстоятельства на то и обычные, что поддаются разумному объяснению. В большинстве случаев все сводится к тому, что разум ограничен в предвидении. Мы не можем предвидеть все последствия наших действий и искренне удивляемся, почему «так получилось». «Вот ведь как судьба сложилась», — говорим мы. Одно это вовсе не судьба, это самые обычные обстоятельства.

Зенон и другие философы-стоики пламенно защищали мысль, что ни один человек, будучи лишь крошечной частичкой мироздания, не может подчинить себе весь мир, напротив, мировое целое постоянно диктует нам свою волю, определяет нашу жизнь. Оно и является, в сущности, судьбой. Бенедикт Спиноза (1632–1677) писал: «В душе нет никакой абсолютной или свободной воли, но к тому или другому хотению душа определяется причиной, которая в свою очередь определена другой причиной, эта — третьей и так до бесконечности».

Попробуем в связи с этим взглянуть на судьбу с точки зрения науки. Как ни странно, именно ограниченная в сфере познания наука представляется нам наиболее общий, и в то же время четкий подход к данной проблеме.

Один из принципов научной картины мира — принцип *детерминизма*. Суть его состоит в исключении случайности из природы. Все в мире подчиняется строгим законам, все явления определяются предшествующими явлениями, событиями, состояниями. Нетрудно догадаться, что такая позиция неизбежно приводит к фатализму, признанию предопределенности судьбы человека. Случайность с этой точки зрения равнозначна незнанию, а мир представляется грандиозной машиной. Такую идею высказывал, в частности, Пьер Симон Лаплас (1749–1827). В современной науке от подобных воззрений пытаются отойти (и все чаще употребляют термин *индетерминизм*). Уточняется, что наряду с детерминистическими законами есть законы стохастические, то есть имеющие вероятностный характер. Они не являются полностью достоверными и однозначными, а указывают лишь на ту или иную степень вероятности события. Существование стохастических законов объясняется чрезвычайной сложностью и многоаспектностью протекающих в природе процессов. Чтобы лучше понять суть этих законов, вспомните высказывание С. Лема, которое я приводил в первой главе, говоря о научном знании. Таким образом, необходимость и случайность соседствуют в науке. Однако

заблуждением будет утверждать, что некоторая «свобода действий» в природе все же существует. Ученые, говоря о случайности, обычно ссылаются на то, что измерительные приборы являются макротелами, и потому при изучении микротел (атомов, элементарных частиц) неизбежно воздействуют на последних. Отсюда и невозможность точно предсказать поведение мельчайших частиц. Невозможность предсказания следует также и из множества факторов, влияющих на рассматриваемую систему, и не поддающихся точному измерению. Таким образом, вероятностные законы существуют только из-за ограниченности познавательных возможностей человека. Это означает, что *предопределенность все-таки есть*, и притом полная, о которой и в религиях-то порой умалчивается. В христианстве вообще центральным положением является дарование Богом свободы человеку.

Может показаться, что у нас нет стопроцентных гарантий того, что в мире не существует какой-либо случайности, не подчиняющейся *никаким* законам. Однако, если задуматься, вышеописанный детерминизм вообще-то является непрременным условием познания окружающего мира (так, в отсутствие причинно-следственных связей и законов природы мы бы вообще не смогли воспринимать окружение). Поэтому детерминизм все же «стопроцентен», ибо заложен в нас самих. Это убедительно показал И. Кант. У Б. Спинозы есть знаменитое и многозначное изречение: «Свобода — это осознанная необходимость». Оно означает в том числе то, что свобода с учётом детерминизма отнюдь не является возможностью выбирать, она может быть лишь смирением перед судьбой. Но тогда возникает вопрос: зачем вообще стремиться к чему-то, искать высшее предназначение, если всё предрешено?

Ну, **во-первых**, существование судьбы еще не значит, что единственно правильное решение — бездействие и апатия. Это обстоятельство почти никак не мешает нам ставить цели и к чему-то стремиться. С научной точки зрения, судьба — это, прежде всего, то, что мы не можем пренебрегать законами природы. Однако

это ни для кого не секрет. Человек не всемогущ — отсюда судьба, логичное следствие обычных явлений. Согласитесь, это можно пережить. Если форма моего тела предопределена природой, то это ещё не значит, что тело не моё. Точно так же и мои желания и поступки, хотя они и являются необходимой и закономерной реакцией на объективные процессы, но всё-таки мои собственные.

Во-вторых, заслуживающий внимания ответ на наш вопрос был дан христианским мыслителем Аврелием Августином (354–430), после смерти причисленным к лику святых. Он признавал, что все изначально предопределено, но придавал значение очень важной мысли о том, что мы этого предопределения не знаем и будущей участи своей не ведаем, в результате чего само это *незнание и открывает пространство для свободы воли*. И действительно, если все тотально предуготовлено, но я об этом ровным счетом ничего не знаю, то это предначертание никак не влияет на мою повседневную жизнь! Если я ничего не знаю о будущем, то волей-неволей должен сам строить его и сам принимать решения. Таким образом, наличие изначально предопределенности (сложившейся, по-видимому, в момент образования Вселенной) нисколько не умаляет свободы воли. Просто *раз уж свобода является субъективным ощущением, то и понимать её надо не как фактическую детерминированность процессов, а как наличие или отсутствия чувства свободы*.

В-третьих, опираясь на И. Канта, можно сказать, что детерминизм на самом деле не свойственен окружающему миру, а представляет собой лишь способ, которым мы смотрим на этот мир. Следовательно, о детерминизме правильнее говорить только в отношении прошлого, но никак не будущего, потому что в будущем еще нет явлений, подлежащих познанию.

Так я разрешаю проблему судьбы в самом общем виде, но замысел моего повествования диктует мне не только такой подход, но и более специфический анализ судьбы, связанный с самоопределением и выбором жизненных целей.

В этой связи я хотел бы начать с концепции фатализма Лао-Цзы, основателя даосизма (6–5 вв. до н.э.), которая раскрывает суть пословиц из эпитафии. Суть её в следующем. В детстве нам заложили первые представления о мире. Понятно, многие из этих представлений не отличались объективностью, это были предрассудки и стереотипы. Тогда же сформировался характер, предопределивший наши взгляды и жизненные позиции, установки. Так вот это и есть настоящая судьба: любой человек является продуктом воспитания и прочих внешних условий (в первую очередь образования и общения). В отличие от обычного детерминизма подобное предопределение *не является естественным*, а потому сильнее уязвляет «ощущение свободы». Кроме этого оно и *более значимо*, ибо жизненный путь больше определяется именно такими (социальными, а не природными) факторами, а мы, в свою очередь, имеем потенциальные возможности этим факторам противодействовать (мы не можем уйти от физических законов, но можем уйти от социальных).

«От Бога и природы устроено так, что люди «вливают» друг на друга не только преднамеренно, но и непреднамеренно; и избежать этого нельзя» (И.А. Ильин, 1882–1954). Наши ценности, убеждения, взгляды, желания, воля, действия диктуются окружающим обществом и событиями. Предопределение, вызванное не законами природы, таким образом, сильнейшим образом сказывается на самоопределении, на поиске истины и т.д. И тут мы действительно несвободны.

Сам факт нашего рождения уже демонстрирует нашу несвободу. Кто меня спрашивал, хочу ли я родиться? Выбираем ли мы свой пол, наследственность, изначальные способности, родителей, социальную среду и эпоху существования? Выбирали ли мы воспитание, которое нас сформировало? Нет. Так принадлежим ли мы сами себе? Особенность натуры. Склад ума. Чье это? Ведь получается, что мы только наблюдаем свою жизнь со стороны и не в силах повлиять на нее! А вот пол, наследственность, среда и воспитание и еще множество других обстоятельств — все это влияет

на наши поступки, предуготовляет жизненный путь. Мы наивно полагаем, что решение, которое мы приняли, исключительно наше, но ошибаемся. Это решение — следствие нашего характера, а тот — независящих от нас факторов. И нам лишь кажется, что мы поступаем свободно, но на самом деле это не так. Мы не выбираем себя, стало быть не выбираем и свою судьбу. Мы вынуждены пройти свой путь — Дао, так же как и стрела вынуждена пролететь установленное расстояние в определенную сторону. Полет зависит от того, куда направила лук рука, от сопротивления воздуха, от степени натяжения тетивы, от препятствий, встречающихся на пути. Но сама стрела не может изменить направление, скорость, или решить не лететь вовсе. Так и человек, утверждает даосизм.

Но оставим следующие из этого учения выводы даосизма и пойдем дальше. С другой стороны, так ли мы несвободны? Представим себе человека, которому вдруг случайно в голову пришла мысль (а может и под воздействием внешних раздражителей, что не меняет сути): «Я — субъективен! Все мои представления о мире — умозрительны, неточны или неправильны. Мой характер содержит определённые недостатки, мешающие мне на жизненном пути. На меня особенно сильно воздействуют такие особенности моих родителей, как жажда внимания к себе и стремление к денежной прибыли. Мои поступки часто продиктованы волей моих знакомых». И тогда этот человек захочет измениться. Он встанет на путь объективного познания и если не преодолеет, то, по крайней мере, сделает лучше свою «изначально заложенную» судьбу. Моё произведение (NB!) и есть внешний раздражитель, который призван сотворить такую мысль.

Настоящую свободу, иными словами, следует определять не как противопоставление причинности (что уже было сказано), а как противопоставление иррациональности, или неразумности. Разумность и независимость от антропогенных, социальных факторов — это второе условие свободы, помимо собственно «ощущения свободы». «Если человек одержим страстями — он

раб, если он подвластен разуму — он свободен» (Э. Фромм). Но по-настоящему рационально и разумно действует только тот, кто, во-первых, *осознаёт не просто свои желания, но и лежащие в их основе силы*, а во-вторых, *полностью отдаёт себе отчет в последствиях своих действий*. Возможность свободы именно в таком смысле является ключевым моментом в христианстве: эта религия говорит, что каждый из нас способен быть разумным, и наш долг - реализовать эту возможность.

Жан Поль Сартр (1905–1980) говорил: *«Важно не то, что сделали из человека, а то, что он сделал из того, что сделали с ним»*. Этой фразой он подчеркивал, что человек всё-таки свободен (в вышеназванном смысле). Более того, он обречен быть свободным, и отвечает за все свои поступки, потому что способен многое изменить в себе, если действительно захочет. Можно, конечно, посоветовать на «друзей», которые привили вам жизненные взгляды, но не вам ли решать, принимать эти взгляды или нет? Это ваш выбор, кого слушать, а кого — нет. Да и не вам ли решать, кто будет вашим другом? Ведь выбор не ограничивается одноклассниками, однокурсниками или коллегами по работе! То же и с государственной идеологией, рекламой, необъективностью средств массовой информации — все это можно преодолеть, окружив себя другим информационным полем. Есть, однако, факторы, которые человек изменить не может. Но у него же есть рассудок, чтобы осознать их влияние на свою личность? Так что многое еще в ваших руках. При этом надо помнить о влиянии на личность *информационного пространства* (хотя, конечно, не только оно на нее воздействует). Интернет, телевидение, радио: объективны ли они? говорят ли они правду? чьи интересы выражают? Каждый из нас должен периодически задумываться над этими вопросами.

Но в раннем детстве, скажете вы, очень сложно, и даже невозможно быть непредвзятым. Такова наша природа! Я соглашусь с этим. Хуже того, в детстве мы имеем *очень* мало свободы выбора, очень мало возможностей изменить что-то вокруг себя.

И поэтому важно подчеркнуть: *родителям стоит задуматься над тем, как дать детям максимально приближенное к истине знание, чтобы период рефлексии был психологически не столь мучительным, чтобы ребенку не пришлось менять себя в корне, и, главное, как не искалечить его судьбу воспитанием. Судьба должна быть в руках самого человека, а не его родителей и других агентов социализации (то есть всего, что влияет на формирование личности). Надо только помогать ребенку стать свободным, а не управлять им как вещью.*

Родители должны помнить, что они предопределяют всю жизнь ребенка. И потому те люди, кто собирается заводить семью, должны отнестись к этому шагу более чем ответственно. Влияние родительской семьи на будущую жизнь личности огромно. Почему известный литературный герой Обломов постоянно лежал на диване? Все детство — тихая и размеренная жизнь, мягкая природа, материнская любовь и ласка — сделало его таким недееспособным. Почему Катерина (у Островского) покончила жизнь самоубийством? Потому что из мира *детства*, которое сделало ее беззаботным «ангелом», она попала в безжалостную будничность, в новый, жестокий мир. В первой главе я писал о важности мировоззрения. Родители очень часто закладывают детям искаженное мировоззрение прямо с первых лет. Но если мудрость родителей хоть немного прирастет, у детей судьба изменится коренным образом.

Периодом рефлексии выше я назвал время, когда мы волею-неволей начинаем переосмысливать этот мир (чаще это подростковый возраст, 14–17 лет), вырываемся из психологической опеки своих родителей, становимся личностями — самостоятельными и самодостаточными. Это наиважнейший период, в который можно отвергнуть и пересмотреть все, это данная от природы возможность пересмотреть свои принципы. И тут-то необходимо откаться от своей естественной субъективности, ибо только знание истины позволит верно самоопределиться. Вспомним еще раз

слова Иисуса Христа: «...и познаете истину, и истина сделает вас свободными». Теперь, в контексте темы судьбы, мы имеем возможность по-новому осмыслить эти слова.

Не только семья предопределяет наше мировоззрение. Есть и другие важные социальные институты: *государство, право* (законодательство), *образование, религия* и др. Социальный институт — это способ организации совместной деятельности людей, представляющий собой совокупность норм и правил, и направленный на удовлетворение фундаментальных потребностей человека. Все институты в той или иной степени оказывают влияние на людей, предreshая их судьбы. Об их влиянии на личность уже было сказано в первой главе («Границы познания»). Тогда я не затронул только институт семьи ввиду его особой важности.

Недаром говорят, что личность — продукт общественных отношений. Важно понимать, что «человек есть существо общественно зависимое и общественно приспособляющееся» (И.А. Ильин). Зачастую влияние общества становится причиной субъективных мнений и неправильного мышления. Поэтому нужно *сознавать это влияние и учитывать его*. Конечно, это не означает необходимость бороться против воздействия всего внешнего (кроме *преднамеренного* и *непреднамеренного* воздействия других людей это климат, звуки, вещи, запахи и краски и т.п.). Это было бы глупо и неправильно. Проблема в том, что многие люди просто не осознают свою зависимость, например, от политической организации, от таких явлений как власть, деньги, разделение труда, от культуры общества. Часто мы даже воспринимаем эти раздражители как свободу воли и поведения! Это большое заблуждение. Но хотя бы простое верное понимание действительности уже уберезет нас от ошибок.

Помочь человеку осознать воздействие внешней среды и в нужный момент освободиться от него; пересмотреть свои взгляды после первичного воспитания, изменить себя в соответствии с этими взглядами — в этом задача данной книжки. Ее девиз: «*самоопределение, а не автоматичность бытия*». Я предлагаю вам

полностью переосмыслить свои воззрения, чтобы вы могли удостовериться в своей свободе, в отсутствии всевластия судьбы. Мы можем выстроить из себя свой идеал, стать такими, какими хотим себя видеть.

ЦЕЛИ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

А. С. Пушкин

Смысл жизни можно определить как её ценность. Вопрос о смысле жизни задаётся, когда люди хотят удостовериться в том, что жизнь существует не зря. Между тем, мало кто замечает, что жизнь *в любом случае* имеет последствия, вопрос лишь в том, устраивают ли они живущего. Поэтому смыслов жизни всегда много, человек только решает, нравятся они ему или нет. В известной мере он также решает, устранять ли имеющиеся и создавать ли новые смыслы (последствия). Поэтому вопрос о смысле жизни в привычном аспекте стоять, в общем-то, не должен. Он только запутывает, сбивая ищущих с толку. Когда его задают, обычно не поясняют, идёт ли речь о чьей-то конкретной жизни или жизни как таковой, имеется ли в виду значение (смысл) жизни лично для спрашивающего или для кого-то (чего-то) другого, ищется ли смысл тот, которому должно следовать или тот, который фактически получается. Неточностью исходного вопроса и вызвано бесчисленное множество иногда прямо противоречащих друг другу ответов. В то же время, какая именно трактовка вопроса предпочтительнее — воистину не может быть решено однозначно, ибо у каждого свои причины спрашивать о смысле жизни.

Но если жизнь имеет и может иметь много ценностей для многих существей, возникает другой вопрос: существует ли какая-то абсолютная ценность, которая признаётся всеми, и для достижения которой необходима жизнь? С одной стороны, существует — её можно обозначить как личное счастье, благо или удовольствие. С другой стороны, нет никаких оснований считать эту *общую* для всех ценность — *высшей*, хотя бы потому, что действия, вызывающие удовольствие, могут иметь совсем иную, отличную от удовольствия цель, а само удовольствие может оказаться лишь стимулом (отличный пример тому — секс: его смысл в воспроизводстве, а не в наслаждении). Кроме того, нет никаких оснований считать удовольствие *обязательной* ценностью. Почему я не могу, например, решить жить не ради своего счастья, а ради счастья других? Ведь зачастую нет даже оснований считать личное счастье достижимым!

Хорошо, но существует ли тогда какая-то абсолютная нравственная норма, которая укажет нам обязательный смысл жизни, и существует ли высшая ценность (пусть даже эгоистичная), которой окажутся подчинены все остальные? На эти вопросы человек уже не способен ответить, причём принципиально. Подобные ответы можно найти лишь в религиях, где божественный разум просто-напросто постулирует отдельные ценности и нормы в качестве высших и абсолютных (аргументации здесь быть в принципе не может, единственное основание для этих постулатов — сам Бог как Высший Абсолют).

Если же мы рассматриваем проблему смысла жизни с атеистических позиций, и принимаем точку зрения, согласно которой высшей универсальной ценности не существует, то в конечном счете мы можем заключить, что *смыслов (последствий, значений) жизни много, и человек способен создавать и устранять их, свободен выбирать среди них главные и второстепенные, равно как и считаться или не считаться со смыслами, которые он не в силах изменить*. Как указывал индийский гуру Ошо (1931–1990), «нет смысла жизни, следовательно, вы свободны создать его».

Таким образом, было бы большой ошибкой останавливаться на пустой фразе «смысла жизни нет», не учитывая тот факт, что мы можем смысл жизни *создать* (уже в другом значении этого термина).

Философы А. Камю (1913–1960) и Ж.-П. Сартр, будучи атеистами, в своих произведениях создали целое учение об отсутствии смысла жизни. Ситуация, по их мнению, такова, что человек есть существо в каком-то смысле чуждое миру, ведь мироздание не имеет никакого смысла (Бога не существует), а человек по своей природе к смыслу стремится. Люди в таком понимании — «нравственные существа»: они требуют от мира объективной основы для нравственного суждения, объективной системы ценностей, но мир ее не предоставляет, он безразличен к нам. Противоречие между стремлением человека и безразличием мира Камю называл «абсурдной» человеческой ситуацией. Сартр высказывался в связи с этим: «Все сущее рождено без причины, продолжается в слабости и умирает случайно. ...Бессмысленно то, что мы рождаемся, бессмысленно, что умираем». Однако Сартр вовсе не имел в виду при этом, что можно делать всё, что вздумается. Он говорил лишь, что при таком раскладе человек вынужден сам решать, как оценивать события и явления, и как в конечном счёте поступать. Но это означает обдуманность, а не бездумное потакание всем своим желаниям. «Человек ответствен за то, что он есть».

Продвинемся немного дальше. Ответ на вопрос «в чём смысл жизни?» необходим нам, чтобы ответить на другой вопрос: «что делать?». Здесь речь идёт об установлении для себя уже конкретных жизненных целей. Хотелось бы высказать несколько практических соображений относительно этих целей, которые мы себе ставим.

Во-первых, избирая цели, всегда надо помнить природную субъективность нашего разума. В глобальном вопросе вероятность ошибки много выше, так как он представляет собой систему более простых вопросов, в каждом из которых есть риск ошибиться. Следовательно, нужно разбирать каждый тезис и каждый вывод отдельно.

Цель может предполагать изменение окружающего мира. Но один человек редко может эффективно воздействовать на объективные для него структуры. Большие системы устойчивы к малым возмущениям (организм устойчив к болезням, общество — к преступлениям и антиобщественному поведению отдельных личностей), стало быть поступки должны быть максимально эффективны, воздействие — чрезвычайно сильным (поможет поиск временных союзников), и направленным в нужное место и в нужное время.

Данные размышления наталкивают на другую мысль: если мы решили чего-то добиться, мы обязаны совершенно чётко представлять себе, как это сделать. Основная причина, по которой люди при реализации своих амбиций терпят крах, заключается в том, что они просто не понимают, как именно достигнуть того, чего они хотят. И если мы говорим не о планах на ближайший уикенд, а о планах на всю жизнь, проблема эта встаёт ещё острее.

Мы уже выяснили, что стремясь к счастью, люди обычно достигают противоположного результата. И мы выяснили, что это происходит во многом потому, что люди не знают, как достигнуть счастья и что это вообще такое. Всё это — только частный случай. Можно предсказать результат почти всех действий наобум: будет только хуже. В свою очередь, любые ответственные действия основываются на нашей *компетентности*. Высказывают ещё такую мысль: чего ты больше всего боишься — то и придёт. В этом большая доля правды. И суть данного явления та же самая: боятся люди обычно то, что не знают как предотвратить; в страхе они совершают необдуманные действия, и это приводит к известному результату.

Здесь же возникает другой вопрос: а все ли цели достижимы? Любят говорить, что человек может всё — так ли это? Думаю, что в некотором смысле это верно, но на всё нужно время. Это элементарно: человек может летать, но ему нужно время, чтобы сконструировать летательный аппарат или заработать деньги на его покупку. А в более глубоком аспекте нужно заметить, что для реализации некоторых целей не нужно вообще ничего, кроме вре-

мени. Это касается и тех названных случаев, когда стремление к цели само по себе порождает неудачу из-за незнания (чрезвычайной психологической или практической глубины проблемы). Просто для осознания некоторых вещей нужно время, жизненный опыт, соответствующее миропонимание, и без этого не обойтись. В каждом возрасте имеются свои плюсы и минусы, и есть вещи, которые можно понять только в определённом возрасте. Но до этого времени остаётся лишь принять данность, не надевая сгоряча глупостей, которые только отдаляют нас от цели. Наконец, бывает и так, что всей человеческой жизни не хватает, чтобы дождаться нужного времени, получить необходимый опыт, и опыта всего человечества также недостаточно. В таких случаях тем более опасно прослыть несведущим идеалистом, и через «розовые очки» не увидеть очевидного, а именно невозможности достижения поставленной цели. И тогда единственный путь к победе — сдаться.

С темой возможностей человека связано понятие *воли*. Чтобы добиться своих целей, человек должен обладать достаточной силой воли. К сожалению, многие люди являются слабовольными. Однако важно то, что любой человек, пусть даже самый слабовольный, обладает хоть какой-то волей, и этого, безусловно, достаточно, чтобы начать развивать её и дальше. Общедоступна масса рекомендаций по укреплению силы воли. И я думаю, *каждый человек способен развить в себе такие качества, как энергичность, настойчивость (терпение, выдержка), самообладание, решительность, уверенность в себе*. Главное здесь — постепенность и вера в успех.

В целом при реализации каких-либо задач полезно соблюдать следующие рекомендации:

1. Сформулировать результат. Опишите его наиболее полно и конкретно: что, где, как и когда. Он должен быть магнитом, притягивающим к себе, манящим, и в то же время направляющим и упорядочивающим ваш разум так же, как магнитное поле намагничивает железные опилки и направляет их строго по линиям маг-

нитной индукции (этот опыт распространен на школьных уроках физики). Ориентируйтесь на результат, а не на проблемы, иными словами — формулируйте цель «позитивно».

2. Соотнести результат с личными ценностями, внушив себе, таким образом, необходимость его достижения. Неплохо найти людей, которые будут подталкивать и заставлять вас время от времени.

3. Составить план поэтапного движения к цели и двигаться к ней согласно этому плану, возможно каждый день, ни в коем случае *не отклоняясь* от графика (должно быть временное ограничение). Составьте, если нужно, иерархию долгосрочных и подчиненных им краткосрочных целей.

4. Хвалить и поощрять себя за *каждый* сделанный шаг к осуществлению цели, радовать себя. Замечательно, если вашим успехам будут радоваться и другие, это также сильный стимулятор.

5. Установить качественную обратную связь, иными словами анализировать все промежуточные результаты и последствия своих действий и корректировать на их основании дальнейший курс, быть гибким. Любое препятствие нужно уметь превращать в трамплин для дальнейшего прыжка (учится на ошибках), во всём видеть пользу. Не бойтесь потратить время на преодоления возникших трудностей, но ни в коем случае не забрасывайте цель, не опускайте руки. Не ошибается только тот, кто ничего не делает.

6. Быть настроенным на успех и уверенным в собственных силах. Устраивайте, если нужно, маленькие психологические тренинги, придумайте способы самовнушения. Поверьте, от вашего настроения, надежды, настойчивости и веры в себя очень зависит результат (вспомните вышеизложенные мысли о внушении, «здоровом оптимизме», вере). Попытайтесь вспомнить ваши предыдущие успехи и достижения, как находили силы добиваться этого, и как им радовались. Главное — преодолеть себя, свою внутреннюю неуверенность, лень и робость; поговорите со своей нерешительной сущностью, подумайте над обоснованностью аргументов, которые она приводит. Помните: никто не побежден, пока не признал своего поражения, а в каждом из

нас заложены колоссальные внутренние ресурсы.

Психологи дают ещё много разных рекомендаций: советуют одеваться как человек, уже достигший успеха (этот образ изменит отношение к вам окружающих, да и самооценку повысит), советуют «сжигать мосты», то есть совершать такие действия, которые лишат вас возможности отступить от начатого дела (решил найти новую работу — уволься со старой), советуют больше действовать и не бояться ошибиться и т.д.

Теперь я хотел бы перечислить наиболее распространённые версии «главных целей», то есть наиболее популярные ответы обычных людей на следующие вопросы: для чего вы живёте? чего вы хотите добиться? чему вы хотите посвятить жизнь?

Некоторые люди отвечают, что главное в жизни — актуализация заложенных в человеке способностей, саморазвитие и самореализация. Однако в некотором смысле самоактуализация — это не более, чем красивое слово. В каждом из нас заложено множество потенциальных способностей, и мы просто не в состоянии реализовать их все. Мы не можем даже определить все свои способности! К тому же если самоактуализация — это реализация всех своих действительных и потенциальных возможностей, но такое стремление противоречит правильному стремлению к счастью. Наконец, если такая версия смысла жизни предполагает стремление к большим достижениям, занятию высокого места в обществе и в памяти людей, то это не более чем уход от страха смерти.

Виктор Франкл решительно возражал против такой цели, как самоактуализация. По его представлению, чрезмерная озабоченность самовыражением противоречит подлинному жизненному смыслу. В качестве иллюстрации он использует метафору человеческого глаза, который видит что-то в себе (какой-то объект в хрусталике) только тогда, когда неспособен видеть вовне себя, и метафору бумеранга, который возвращается к метнувшему его охотнику только если не попадет в цель (так же люди возвращаются к занятости собой, когда упускают свой смысл).

Творчество — еще один распространенный ответ на вышеназванные вопросы. Создание чего-то нового — сильное противоядие ощущению бессмысленности. Однако творчество оправдывает лишь само себя, но игнорирует вопрос «зачем?». Оно не является оправданием человеческой жизни, разве что преодолением смерти. По крайней мере, без религиозного подтекста.

К наиболее популярным версиям относится и «польза». Как писал Гете, «без пользы жить — безвременная смерть». Главное в жизни, согласно такому подходу, — принести максимум полезного близким и/или обществу. В первом случае чаще всего идет речь о семье («жить ради семьи»), во втором — о любимой работе, о преданности своему делу («моя работа — мой смысл жизни, добиваясь в своей области успехов, я принесу пользу окружающим, семье, а может и всему человечеству»). Интересно, что по одной из версий смысл в жизни — в понимании смысла жизни. Такой выбор делают философы, мыслители, пытающиеся познать тайны мироздания. Чаще всего они делятся своими результатами с окружением, а значит приносят остальным «пользу» своей «работой», поэтому данную версию смысла жизни можно свести к пользе.

Высшая форма «полезной жизни» — альтруизм. Однако не все люди согласятся, что подлинный альтруизм действительно возможен. Да, иногда в своих стремлениях человек полностью отождествляет себя с близкими ему людьми, и расценивает интересы друзей, семьи и других людей не ниже, чем свои. Но такая ситуация встречается очень редко. Гораздо чаще человек не считает нужным спросить другого, что ему нужно, а сам решает это. Он действует на свое усмотрение, то есть, по сути: «в своих личных интересах». *Такое поведение только внешне похоже на альтруизм, но на самом деле это насилие.* Каждый здравомыслящий человек будет решительно против такой «пользы». Особенно важно разобраться этот вопрос в контексте проблемы родители-дети. Если родитель сам домысливает, что нужно ребенку, не учитывая имеющиеся способности ребенка к самостоятельному мышлению

(особенно если ребенок уже достаточно взрослый, чтобы сам мог определять, что ему нужно), то это уже *далеко не* альтруизм, а *ребенок превращается в раба*. Вообще, в основе альтруизма так или иначе лежит эгоизм, и весь вопрос в форме его проявления. Иногда человек внешне альтруистическим поведением просто пытается отгородиться от своих личных проблем и неудач, пытаясь решить подобные проблемы других людей; в других случаях он сам не осознает, что в основе его поведения — ожидание взаимной услуги, стремление заслужить одобрение и т. п.

Закончить разговор о смысле и целях в жизни я хотел бы той мыслью, что целеустремленность вовсе не означает осуществление какой-то глобальной акции, призванной изменить мир к лучшему. Жизнь — это не фильм про супермена. Прав писатель Сэлинджер, что пишет: «Признак незрелости человека — то, что он хочет благородно умереть за правое дело, а признак зрелости — то, что он хочет смиренно жить ради правого дела».

СРЕДСТВА

Последний важный вопрос, который мы рассмотрим: какими способами можно добиваться своих целей? По каким моральным принципам мы должны жить? Конечно, далеко не каждый человек осознанно выбирает собственную, четкую и весьма определенную позицию в вопросе нравственности (далеко не всем это хочется). Однако данное эссе создано для людей думающих, а потому подвергнем и этот вопрос анализу.

И. Кант на этот вопрос отвечал примерно так («категорический императив»): **поступай так, как хочешь, ты свободен и разумен, но только подумай, хотел ли бы ты, чтобы все другие люди в аналогичной ситуации поступали сходным образом**. Изречение это, казалось бы, гениально: никто и никогда более так точно и метко не формулировал всю нравственность, всю этику.

Но с подробным анализом возникают недоразумения. Есть другая схожая фраза: **поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой** («золотое правило» морали).

Отмечу сначала, что существуют противники естественности такого принципа взаимоотношений, которые опираются на утверждение, что каждый человек по природе своей эгоистичен. И это утверждение в принципе правильно. Мы чуть ли каждый день сталкиваемся с ситуацией, когда один человек удовлетворяет свои потребности за счет других людей, ущемляя их интересы. И никого не удивляет такая ситуация, ведь вполне естественно для человека думать о личной выгоде, улучшать свою жизнь, следовать инстинкту (а значит чему-то природному, естественному) самосохранения, проявлять эгоизм. Такова вся природа: одно растение устремляется к солнцу и заслоняет свет другому, хищник (чтобы выжить!) убивает других животных. Все это понятно и само собой разумеющееся. Вся природа эгоистична. Но ведь ранее, рассуждая о мотивах человеческой деятельности, мы пришли к выводу, что человек — существо биосоциальное, и на него оказывают влияние как биологические, так и культурные факторы! Не удивительно поэтому, что иногда человек все-таки поступает вопреки природе: бросится в ледяную воду, чтобы спасти утопающего, хотя понимает, что сам может погибнуть (и при этом очень не хочет умирать), отдаст последний кусок хлеба нуждающемуся, хотя знает, что сам завтра будет голодать. Как возможно такое желание? Причина в Суперэго. Определенные принципы заставляют нас поступать *вопреки своей пользе*, хотя мы всё же *испытываем желание* их исполнить. Невыполнение принципов карается угрызениями совести. Совестью мы отличаемся от природы. Кто же станет отрицать совесть? А если она существует, значит есть в нас что-то неприродное — то, что заставляет нас отойти от эгоистических начал во имя чего-либо, что мы считаем важным.

Это «важное» косвенно может приносить пользу тому, кто действует во имя него, но далеко не всегда. Желание помочь, например, может иметь в глубине самовыгоду, ведь есть основания рас-

считывать на ответное расположение, доброту, снисхождение — но не менее часто бывает так, что человек, совершая нравственный поступок, не задумывается о том, какую пользу в будущем это ему принесёт. Я бы даже сказал, что такое бывает чаще, чем «продуманный эгоизм», когда лицо намеренно жертвует чем-либо для того, чтобы в будущем обрести выгоду. И дело тут вот в чём. Правила морали складывались веками и преследуют цель создать условия, при которых люди могли бы ужиться в обществе, не опуститься до состояния «войны всех против всех», анархии. Око за око, зуб за зуб — это природный принцип поведения, особенность человеческой психики, а мораль потому и нужна, что если ты поступаешь с другими хорошо, то и они отвечают тебе тем же. Налаживая отношения по принципу «золотого правила», мы приходим к выгоде для себя самих. И хотя так происходит не всегда, но тем не менее — если все будут действовать согласно этому принципу, в обществе просто исчезнут конфликты и восторжествует добро и порядок; и всем хотелось бы жить в таком мире. Так вот эти оптимальные правила складывались и передавались из поколения в поколение, и потому люди не нуждаются в подтверждении целесообразности этих правил: они доверяют многовековому опыту предков, доверяют и своим родителям, которые привили им привычку соблюдения сих норм. Таким образом, *личная выгода заменилась в сознании конкретного индивида личностной ценностью*. Так, переплетаясь, сочетаются природный эгоизм и мораль. Естественными оказываются поступки, не заложенные самой природой.

Нравственное воспитание можно считать и насилием над личностью, но: во-первых, воспитывая детей в духе добра, мы, напротив, подразумеваем, что их личность ещё только предстоит сформировать; во-вторых, мы выяснили, что все люди воздействуют друг на друга (желая того или нет), так не правильнее ли тогда будет воздействовать целенаправленно — ради самого человека и ради общего блага одновременно? Следует учитывать и то, что без нравственных основ не может существовать ни человек, ни общество в целом.

Теперь попробуем разобраться, каково то универсальное правило, в соответствии с которым нам нужно вести себя. «Золотое правило», на первый взгляд, не понуждает идти всем на уступки, ведь важно как *ты* бы поступил на месте человека, а не то, как *он сам* хочет поступить: возможно, в определенной ситуации вы хотели бы, чтобы кто-то остановил вас от злого, безнравственного деяния, значит и вы вправе остановить своего обидчика. В этом противоречие: желания у людей разные, значит и поступки по принципу «как хочешь, чтобы с тобой поступали» тоже разнятся. Вас, например, бьют за плохой поступок, и не хотят, чтобы вы дали сдачи. Но и вы тоже не хотели бы получить удар в ответ на их месте! Значит, сопротивляться наказываемому вас — безнравственно. Так сопротивляться или нет обидчику? Правило весьма неконкретно. Но если вы подробно разберете эти два примера, то, скорее всего, найдете суть. Это — Суперэго. Надо ли учитывать свои желания «поступать по совести», ведь совесть у всех разная? Пожалуй, что Суперэго нужно отбросить. Почему?

Предположим, я *убежденный* вегетарианец. Я вижу голодного, нищего человека, которому наконец-то удалось раздобыть еду и он сидит теперь с отлично приготовленным куском свинины, но... Я не должен есть мясо, это безнравственно и жестоко (на мой взгляд)! Если следовать «золотому правилу», то я должен отобрать еду у голодающего, ведь на его месте я бы предпочел умереть с голоду! Разумеется, вегетарианец не станет отбирать еду, он просто будет порицать действия других, но не подгонять их под свои нормы. В противном случае его поведение в соответствии с «золотым правилом» нравственным, несомненно, назвать нельзя (отбирать неуютную *мне* еду у каждого встречного). Конечно, *совсем не такое поведение имел в виду Кант*⁹, *совсем о другом говорится и в «зо-*

⁹ Доказательством того, что Кант мыслил совершенно иначе, служит следующее его высказывание: «Никто не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет (как он представляет себе благополучие других людей); каждый вправе искать своего счастья на том пути, который ему самому представляется хорошим, если только он этим не наносит ущерб

лотом правиле». Возникнет полная неразбериха. И так, о личных убеждениях при осуществлении «золотого правила» надо забыть. А так как само правило теперь — тоже убеждение и часть Суперэго, то все противоречащие ему уже имеющиеся в сознании правила должны быть отменены. Подчеркнутое ранее предложение говорит, что мы вправе помешать агрессору, так как этого требует долг (индивидуальные принципы поведения). Оно неверно, если следовать «золотому правилу», которое понуждает нас *не сопротивляться* чужому эгоизму во вред собственному («Я разрешаю этому человеку поступить со мной жестоко, потому что, потакая своим естественным желанием, сам на его месте хотел бы так поступить»).

Получается, что при применении «золотого правила» надо отбросить все свои убеждения, привычки и принципы, и руководствоваться только естественными для любого человека в силу его природы желаниями. Эти желания практически одинаковы у всех людей — полному тождеству мешают только наследственность и влияние ранее неудовлетворённых желаний (кои у всех разные). Эта поправка позволяет оставить в силе тезис: мысленно «перемещаясь» на место другого человека надо учитывать, какая реакция была бы у вас.

Как видно, мы неизбежно тонем в дебрях умозрительных заключений. Доходит до того, что прежде чем оказать сопротивление преступнику, который пытается отобрать у вас мобильный телефон, вам придётся выяснить некоторые факты из его прошлого, в том числе характер его родителей... Поэтому «золотое правило» эффективно только в самых элементарных повседневных ситуациях и означает практически самопожертвование, альтруизм.

А теперь вспомним, что у нас существовало два практически одинаковых утверждения: «золотое правило» морали и «категорический императив». До сих пор мы разбирали «золотое правило», но посмотрите еще раз на «императив» и убедитесь, что разница огромна. Хотели бы вы, чтобы каждый человек давал отпор свободе другого стремиться к подобной цели».

ступнику, чтобы все преступники сидели в тюрьме? Хотели бы вы, чтобы все люди жили, не препятствуя своей эгоистической природе? Хотели бы вы, чтобы все люди не ограничивали себя целомудрием? Обратите внимание, что, действуя по одному принципу, человек может дать ответ, действуя по другому — иной. Я, например, хочу, чтобы все преступники сидели в тюрьме, хотя бы потому, что это отвечает моей потребности в безопасности. Но если бы я сам был преступником, то я хотел бы быть прощенным. Значит, действуя по «золотому правилу», я бы не сдал преступника правоохранительным органам. Итак, результаты действий различны. Два правила отличаются друг от друга. В «категорическом императиве» Канта, к тому же, есть хоть какой-то смысл только при учете собственных взглядов. Если задается вопрос, подобный приведенным выше, то подразумевается, что будут задействованы личные убеждения, на основе которых и дается ответ. В этом главное различие.

Кроме того, существует и другая формулировка «категорического императива»: **«Поступай так, чтобы всегда относиться и к себе, и ко всякому другому, хотя бы отчасти как к цели, а не только как к средству»**. Это значит, что нужно стремиться не только удовлетворить свои потребности и желания, но и к добру, к взаимопомощи. Общаясь с приятным вам человеком, вы всего лишь удовлетворяете желание поговорить с «хорошим человеком», расслабиться и т.п. Вы относитесь к собеседнику как к средству. Но если вы отвечаете на заданный вопрос, который вам неприятен или на который не хотите отвечать, то вы относитесь к собеседнику как к цели. Ваша цель теперь — дать человеку нужную ему информацию, пожертвовав собственным желанием общения, желанием опустить вопрос и т.п.

Так какой из предложенных тезисов верный?! Стремление следовать хотя бы одному уже приводит к противоречиям, а их несколько!

Путаница не случайна. Попытка человека дать одно универсальное правило на все случаи жизни не удалась. Вообще, до-

казать, что поступать надо именно так а не иначе, очень сложно. Все правила — лишь приблизительные, указывающие направление, но не дающие точного ответа. Существует и такой популярный тезис: **«Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого»**. Однако где именно эти начало и конец - здесь остается без ответа. Близко ко всему вышесказанному и библейское: **«Возлюби ближнего своего как себя самого»** (интересно, что человек может себя ненавидеть, но тогда он имеет право ненавидеть других (!), что приведет к злым деяниям; наблюдается полное расхождение с «золотым правилом», и, особенно, с «категорическим императивом» обеих формулировок). Но помимо приведенных утверждений существует еще множество других, и все они, кажется, говорят об одном, но ни одно из них нельзя взять за эталон или аксиому. Все они хоть немного, но все-таки противоречат друг другу. Какое из них наиболее верное? Очевидно, что ни одно. Евангельская цитата, хоть и является изречением Бога в Иисусе, полностью суть нравственного поведения не раскрывает; возможно, это связано с тем, что не все можно четко выразить человеческим языком. Уместнее выразить сущность всех этих высказываний, их ключевую идею и смысл, который гласит: *чтобы успешно сосуществовать вместе, нужно (корме своих собственных) учитывать интересы других лиц, мысленно ставить себя на их место и относиться к другим людям не хуже, чем к себе.*

Главная идея, лежащая в основе всей нравственности — это *идея всеобщего блага*. Если какая-нибудь нравственная норма не служит ей, то есть не приводит к добру, надежности существования и благополучию, то мы можем утверждать, что в этой норме нарушена *мера*, и не соблюдать её, ибо она представляет собой вредоносный стереотип. Подаю я, допустим, милостыню нищему, а он её пропьёт, да ещё и привыкнет к легкой наживе. Хорошо ли я сделал? Принято считать, что хорошо. А вот пьянки и разврат, наоборот, считаются нормой, и лишь малая часть населения осоз-

наёт их вред. Таким образом, не всегда стоит ориентироваться на общественные стандарты поведения. *Мы ответственны за свои поступки*, и потому обязаны задумываться, какие из них ведут к общему благу, а какие его умаляют.

Разобравшись, наконец, с нравственными ориентирами, я хотел бы поговорить в заключение об их природе. Само существование сознательной совести уже говорит о том, что мы в результате эволюции получили некое свойство, которое позволяет нам уживаться вместе, примирять крайние интересы для общего блага. Возможно, поэтому человечество встало выше других животных. Тогда совесть является компонентом разума, а нравственность — его порождением, и призвана регулировать отношения индивидов и групп в обществе и вообще делать возможным объединение в общества. Для этого существуют социальные нормы, частью которых и являются нормы моральные. Не случайно светская мораль изменяется во времени. Это доказывает, что ничего «высшего» в ней нет. Она есть изобретенный самими людьми регулятор, причем для каждого времени и каждого общества нормы нравственности индивидуальны. К.С. Льюис так писал на эту тему: «Девушка с Тихоокеанских островов, которая едва-едва прикрыта одеждой, и викторианская леди, облаченная в длинное платье, закрытое до самого подбородка, могут быть в равной степени приличными, скромными или благопристойными, согласно стандартам общества, в котором они живут; и обе... могут быть одинаково... нескромными... Отдельные слова и выражения, которыми целомудренные женщины пользовались во времена Шекспира, можно было бы услышать в девятнадцатом веке только от женщины, потерявшей себя». Итак, в морали нет высшего предназначения, но она — важное достижение эволюции живой природы. Все просто: птице — крылья, человеку — разум.

Другой интересный вопрос: как развитие головного мозга стало причиной появления совести? Скорее всего, сыграл роль тот факт, что у человека слабее, чем у животных развиты инстинкты.

Животное не задумывается о тех своих поступках, которые управляются инстинктами. Человек же, будучи свободным от многих инстинктов, задумывается. Но что будет, если люди станут рассуждать над каждой мелочью? Очевидно, они лишатся возможности нормальной деятельности. Поэтому и нужны неосознанные привычки и осознанные принципы. У животных привычки развиты не хуже людских. А вот принципов и норм поведения у них совсем нет. Человек «жертвует» инстинктами ради разума, поэтому появляется помощник — та часть Суперэго, где закладываются принципы, послушание которой ведет к угрызениям сознательной совести (подобно спутнику разума). *Человек, следовательно, имеет острую потребность в нравственности, и без неё существовать не может.*

С христианской точки зрения, Бог наделил человека разумом и свободой (почти одно и то же, ведь разум, в отличие от инстинктов, это свобода выбора). Но так как у нас нет инстинкта следовать добру (таков замысел Творца), Бог указал нам верный путь через сознательное Суперэго. Суть в том, что инстинктов послушаться почти нельзя (если нет разума и воли, то и совсем нельзя), а совесть можно не только «не послушать» но и изменить по своему усмотрению (изменив свои взгляды, круг общения и т. п.). Нормы нравственности, который каждый для себя избирает, есть для христианина моральный выбор, который делает человек, пользуясь своей свободой. Для него нравственность имеет высший смысл.

Религиозная мораль отличается от светской. Она не изменяется во времени и едина для всех людей, независимо от их национальности, места жительства и других критериев. Это объясняется тем, что религиозная мораль не ставит цель регулирования общественных отношений. Она является Божественным словом, которое ставится выше, чем идея «всеобщего блага» светской морали. Так что для верующего и для атеиста мораль имеет совершенно разный смысл. Два разных понятия скрываются за одним словом. Общая только их биологическая природа. Наглядно по-

казывают это различие слова Христа о том, что не нужно сопротивляться ударившему вас по щеке. Люди светского мышления найдут справедливым воздать в подобных ситуациях обидчику по заслугам. Но в том-то и дело, что христианство вообще не претендует называться справедливой религией (так бы не прощались закоренелые грешники, и не страдали невинные дети). Христос призывает поступиться принципом справедливого возмездия ради принципа нравственного самопожертвования, нарушить «золотую середину» между ними, которой пытается придерживаться практичная светская этика.

У религиозной морали существует ещё одна особенность. Анализируя её, К. С. Льюис сравнивает человеческое общество с кораблями, плывущими в определённом порядке, и говорит, что плавание будет успешным, если корабли не сталкиваются и не преграждают пути друг другу, и кроме того каждый из кораблей годен к плаванию. Светская мораль обычно обращает внимание только на первое условие, второму же (техническому состоянию кораблей) отводит посредственную роль, и в этом её недостаток. Религиозная мораль более продумана, поэтому требует от человека не совершать дурных поступков даже тогда, когда он находится наедине с собой, и его поведение никому не может навредить. Ведь поведение входит в привычку, а потому мы не должны давать себе никаких поблажек, если, конечно, беспокоимся о своём нравственном развитии (двойные стандарты нравственного воспитания не дадут). Льюис приводит и другой пример: слаженная игра оркестра зависит не только от того, насколько хорошо каждый музыкант знает свою партию, но и от того, настроен ли каждый инструмент. Поэтому не стоит понимать мораль только как общественное явление: она имеет основания также и в самой личности.

В любом случае мораль ограничивает не только выбор средств, но и выбор самих целей. Каждый человек, выбирая что-либо целью или смыслом своего существования, руководствуется в немалой степени своими моральными принципами.

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

1. ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА.

*Только ею, только любовью
держится и движется жизнь.*

И. С. Тургенев

Человек — уникальное существо. Обладая разумом, он способен сознавать мир и себя в нём, познавать природу, и в соответствии с полученными знаниями планировать свою деятельность. Так, всегда и во всём человек ищет смысл. И если он не находит его в окружающей вселенной и своей жизни, не может обозначить для себя их важность, то они теряют для него ценность. Возникает чувство некоторой отчуждённости от мира, никчёмности и абсурдности существования и даже страха. Чуждость миру соединяется с ощущением беспомощности, ибо человек осознаёт наряду с этим невозможность что-либо изменить в глобальных природных и социальных процессах. Человеческий разум, как достижение эволюции позволивший нам подняться над царством животных, обнаруживает здесь свой недостаток. Одиночество становится главной проблемой всех людей, которые ещё задумываются о мире, о том, кто они и как им следует поступать.

Конечно, если человек даже не помышляет о возможности существования чего-то, что недоступно нашему восприятию, не считает нужным применять здесь свои интеллектуальные задатки, а только потребляет и развлекается, то проблема одиночества, в том виде, в котором её обрисовывают философы, и не возникнет. Я имею в виду чувство тотального одиночества, связанное с бессмысленностью и безысходностью человеческой участи, оторванностью от мира, а не простой недостаток общения. Это чувство попросту замещается периодически возникающим чувством апатии или скуки

(впрочем, эти ощущения тесно связаны, разница только в степени осознанности). В то же время такие люди не могут похвастаться лучшей жизнью. Отстраняясь от умственных усилий, они становятся *марионетками в большой игре* — вещами в пользовании торговцев и политиков, рабами своих страстей и собственной же глупости. Так или иначе, их поведение — это тоже выбор, связанный со всё той же «человеческой ситуацией», когда исключительность человеческого разума ведёт к проблеме исключительно человеческих чувств. Платой за возможность любить и ненавидеть, смеяться и плакать, словом — чувствовать себя человеком, становятся всевозможные душевные расстройства и зависимость от внутреннего состояния.

Так существует ли альтернативное решение «проблемы одиночества», которое в неприкаянном (пограничном между небом и землей) положении человека можно было бы противопоставить безудержному потреблению и самозабвению? Великая истина заключается в том, что в этой двойственности людей и есть выбор между раем и адом, между хорошей жизнью и плохой. Ведь рай и ад здесь, на земле, и каждый сам себе судья! И будем ли мы счастливыми — зависит только от нас. Ведь счастье — это же не просто удовольствие, а чувство *осознания* блага, и раз нам дан разум, то *мы просто рождены для счастья!* И надо сказать, рождаемся-то мы все **оптимистами**, но просто не умеем сохранить это качество. Существует такая игра-упражнение для детей: в каждой скверной ситуации найти 5–10 «зато» (позитивных сторон). Когда ребёнок находит их, он понимает то, до чего многие из нас доходят лишь в преклонном возрасте: что всё действительно к лучшему, что богатство в нас самих, в нашем отношении, в умении ценить то, что есть. Как сказал кто-то из великих, *смейся — и весь мир будет смеяться вместе с тобой, плачь — и ты будешь плакать в одиночестве.*

Стало быть, *наш внутренний мир и есть решение нашей внутренней проблемы!* Если ты оптимист, настроен на борьбу и веришь в лучшее — у тебя всё получится, если ты пессимист — одно только отношение всё испортит. И так же: если мы смиренны, де-

лаем добро, умеем прощать, любим людей, то становимся богаче духовно, и испытываем блаженство от своего существования; если мы тонем в разврате, преступаем через мораль, завидуем, то в итоге теряем веру в добро, в себя, в этот мир, воспринимаем всё цинично и меркантильно, превращаем свою жизнь в ад. Достоевский верно подметил: «Мы не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять, и тотчас же он предстанет перед нами во всей своей красоте».

Вообще, мысль о том, что естественными являются **добро-детель**, а не эгоизм, **смирение**, а не вожделение, **любовь**, а не вражда (в том числе и любовь к себе, которую ошибочно приравнивают к эгоизму), свойственна многим религиозным учениям, является вполне разумной. Судите сами. Человек единственный среди всех животных способен поступать вопреки природе. Если в природе в борьбе за самку один самец убьёт другого, то человек в схожей ситуации может сделать выбор в пользу добра и воздержаться от жестокости, поняв, что если подобное поведение будет разрешено, то общество придёт к состоянию «войны всех против всех», и наступит настоящий ад. Так, мы хоть и обречены на постоянный выбор между добром и злом, но в этом и заключается наш шанс сделать свою жизнь лучше, чем жизнь животных. Далее, человек постоянно стремится к чему-то большему, его желания безграничны, но разум его даёт возможность научиться смирению и кротости, и наряду с совершенствованием своего быта мы потенциально способны смириться с тем, что нам неподвластно. И вот подобно этому оптимизм тоже есть естественное состояние, о чём я и говорил. Он даёт нам возможность почувствовать себя счастливыми, радоваться жизни, добиваться поставленных целей. Наконец — любовь, которой многим из нас не хватает, отсутствие которой мы порой так болезненно переживаем. Здесь я возвращаюсь к проблеме одиночества людей, ощущения ими «заброшенности» в бессмысленный и жестокий мир. Что как не любовь, которая опять-таки заключена внутри нас как потенциальная способность,

помогает нам преодолеть эту ситуацию? Воссоединение человечества в любви и есть истинное решение «проблемы человека». «Да любите друг друга», — говорит Иисус, — «Бог есть любовь».

Люди вообще стадные животные, потому что в абсурдной человеческой ситуации соединение с себеподобными более чем необходимо, зачастую это становится главной целью в жизни. Мы стремимся слиться с коллективом, обществом, стать похожими на остальных, частью серого стада, работать и даже развлекаться по негласному регламенту, и внушаем себе, что мы оригинальны и индивидуальны (в одежде, музыке), наши эмоции спонтанны, а не запрограммированы, и что если наши убеждения совпадают с общественными, то это означает их правильность, а отнюдь не нашу интеллектуальную смерть. Но, как пишет современный психолог и философ Э. Фромм (1900–1980), «единение, достигаемое приспособлением к шаблонам, лишь кажущееся и не снимает тревоги одиночества. Случаи алкоголизма, наркомании, эротомании и самоубийств в современных западных обществах являются тому красноречивым свидетельствами. Более того, этот мнимый выход из тупика затрагивает в основном ум, а не чувственную сферу... Стадный конформизм обладает только одним достоинством... Индивид осваивает образцы требуемого поведения в 3–5-летнем возрасте и впоследствии уже никогда не изменяет стадному чувству».

Есть и другие способы, с помощью которых люди пытаются избежать безответных вопросов. Например, забыть в мелких увлечениях, «псевдосмыслах», иллюзиях. Многие превращают жизнь в потребительство и собственничество (главные проблемы современного общества). Многие погружаются с головой в науку, философию или творчество. Можно бороться за власть, влияние, внимание, вогнать себя в состояние транса с помощью наркотиков, смотреть телевизор, вступать с кем попало в половую связь, пьянствовать. Но все это только на время, а потом «трезвеешь» и хочешь еще, и возникает зависимость...

Для обретения смысла, пожалуй, и придуманы религии, а сов-

ременное единобожие, возможно, мало отличается от древнего поклонения стихиям: просто по мере накопления знаний об окружающем мире человек отказывается от многих верований.

Но всё что нам действительно нужно — это любовь. Только она способна дать человеку новую точку опоры взамен отживших инстинктов, и сохранить при этом уникальность человека как такового, его свободу и индивидуальность. Без любви, без веры в неё, человечество не смогло бы выжить. Любовь — это единственный реальный способ изменить жизнь к лучшему, это фундаментальная потребность и универсальное лекарство; люди нуждаются в ней и друг в друге так же, как нуждаются в еде и воздухе. При некоторых допущениях любовь можно рассматривать как смысл и главную ценность жизни (ибо «проблема человека», по сути, есть проблема поиска смысла жизни, а любовь — тот самый смысл). Далее я попытаюсь кратко сформулировать, что же такое настоящая любовь, и как её достичь.

2. ПРИЗНАКИ ЛЮБВИ.

*Любовь долго терпит, милосердствует,
любовь не завидует, любовь не превозносится,
не гордится, не бесчинствует, не ищет своего,
не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде,
а сорадуется истине; все покрывает, всему верит,
всего надеется, все переносит.
Любовь никогда не перестаёт.*

(1 Кор.13:4).

*Истинная сущность любви состоит в том,
чтобы отказаться от сознания самого себя,
забыть себя в другом «Я» и, однако, в этом
исчезновении и забвении обрести
самого себя и обладать самим собой.*

Г. Гегель

Беда современного общества в том, что все давно забыли, что на самом деле есть любовь, и чем люди живы. Сегодня слаженность брака, его «исправное функционирование», отсутствие конфликтов между влюблёнными стали критериями любви. Но «слаженность» часто скрывает за собой «эгоизм вдвоём», некий симбиотический союз двух людей, в котором они больше напоминают служащих или рабочих, чем свободных и любящих существ. Что до конфликтов, то они неизбежны, но конфликты между любимыми никогда не выльются в ссору, а будут поиском согласия, путей примирения, желанием разобраться в причинах несогласия с целью их устранения. Поклонение партнёру, благоговение перед возлюбленным(-ой) также считаются признаком любви, причём даже какой-то возвышенной, почти святой. Однако в действительности всё совсем наоборот: не надо изобретать себе кумира. Что же такое настоящая любовь? Попробуем сформулировать её основные признаки.

1. Любовь предполагает **отсутствие отношения к партнёру как к собственности**. В капиталистическом обществе мы привыкли воспринимать всё с точки зрения пользы для нас, однако любимый человек ценен не потому, что доставляет нам благо или удовлетворяет наши потребности, а просто — сам по себе. Это очень важно понять, чтобы не относиться к людям как к вещам. Людьми нельзя владеть. Они ничего нам не должны, и даже от самых близких мы не в праве ничего требовать за свою к ним доброту, ибо доброта есть бескорыстие. Поэтому *любовь — это не обмен услугами, не сделка, она бескорыстна и не ставит условий*. По этой же причине любовь предполагает отсутствие желания переделать человека «под себя», под свои потребности. Любовь должна быть к реальному человеку, а не к тому, которого вы хотите «сотворить». Если мы любим кого-либо, значит мы уже принимаем его таким, какой он есть, непохожим на нас, обладающего индивидуальными чертами; мы признаём его право быть другим,

иметь свой образ мыслей, свои вкусы и предпочтения, поступать согласно личному жизненному опыту, мы уважаем его личность. При этом, конечно, следует помнить, что общность целей в жизни, схожесть ценностных ориентаций сильно подкрепляют отношения, но тут вопрос сводится к выбору партнёра. Мы же говорим о том, что важно не поработать человека. Если вы думаете, что, переделав его, вы станете счастливее, то вы сильно ошибаетесь, ибо источник счастья, как я уже говорил, только в вас самих. Сказанное, однако, не означает отсутствие всякого воспитательного воздействия на любимых. Но исходит оно уже не из эгоистических, а из альтруистических мотивов. Так, если мы видим в душе любимого человека истоки зла, вредящие ему и разрушающие его личность, нам следует бороться с ними, даже если лично нам они не вредят. Следовательно, *принятие человека «целиком» должно соотноситься с тем соображением, что любить можно человека как такового, и его добродетели, но нельзя любить в человеке злое начало.* Безусловно, принятие «человека-каков-он-есть» никуда при этом не исчезает. В целом же, *очень важно отсутствие собственности, то есть, отсутствие восприятия объекта любви как наиболее подходящего по качеству и цене товара на рынке.*

2. Хемингуэй утверждал: «Когда любишь, хочется что-то делать во имя любви. Хочется жертвовать собой. Хочется служить». **Любовь — это процесс давания. Когда любят — делятся.** А самое ценное, что человек может отдать — это он сам, его жизнь, его духовный мир, поэтому любовь — это самоотдача. Так человек обогащает другого человека, повышает его жизнеспособность, но при этом обогащает и себя самого. Ведь богат не тот, у кого есть, а кто может отдать; кто психологически не готов отдать, у того ничего и нет. К сожалению, мы совсем забыли эту истину с распространением мнения о «естественности», «природности» эгоизма, с возвеличиванием частной собственности. Увлёкшись материальным миром, мы забыли, что любовь есть главное, а лю-

бовь — это духовное. Но в духовном мире всё иначе: *чем больше мы даём, тем больше имеем. Ибо умение жертвовать само есть духовное богатство.*

3. «Любить, — по мнению Аристотеля, — значит желать другому того, что считаешь за благо, и желать притом не ради себя, но ради того, кого любишь, и стараться по возможности доставить ему это благо». Таким образом, если конкретизировать понятие любви как *самоотдачи и добродетели*, то необходимо также назвать такие её признаки, как **забота о партнёре, постоянный труд**. Любовь — не только чувство, но и **деятельность** ума, души и тела. Она требует постоянного *приложения усилий*, и, как любое искусство, требует совершенствования (этой деятельности). Известный психолог Карен Хорни писал: «Наше образование так мало касается брака, что большинство из нас даже не знает, что влюбленность мы получаем в подарок, а хороший брак нужно строить шаг за шагом». Но если мы говорим о деятельности, нужно сказать и об **ответственности**. Любовь — это разумный, решительный, а следовательно и ответственный выбор. В этом смысле человек должен отвечать за свои поступки, и это естественно. Но если два человека стали теперь одним целым, они должны уметь отвечать еще и друг за друга. Ответственность за судьбу партнёра также логична, потому что исходит из того, что судьба эта оказалась теперь в ваших руках. Из всего этого исходит положение, что любовь может быть только здесь и сейчас, она не слово, а действие, акт.

4. Любовь это *внутреннее состояние, а не внешняя связь*, это установка, ориентация характера, которая задаёт отношение человека к миру вообще, а не только к объекту любви. В понимании любви связь малозначима, но мы обычно думаем, что кроме связи ничего и нет. Однако же, она нужна лишь потому, что любящий имеет потребность дарить свою любовь кому-то. Но при этом он способен оставаться совершенно один, без объекта своей любви, и всё же безмерно блаженным. Он **непривязан** и благодаря этому **независим ни от кого и остаётся самим собой**. Он не принижает

себя, не преклоняется перед возлюбленной(-ым), не благоговеет.

Раскрывая сущность любви, я также хотел бы привести некоторые соображения С. Франка, анализировавшего на примере любви понятие смысла жизни. Он пишет, что смыслом жизни может быть только благо, которое имеет не только объективную, но и субъективную ценность: «служение даже абсолютному началу... которое не красит и не согревает моей собственной жизни, не может осмыслить последней. Но и одно благо в субъективном смысле — субъективное наслаждение, радость, счастье — тоже не дарует мне смысла, ибо... даже самая счастливая жизнь отравлена мукой вопроса «для чего»». И далее Франк замечает, что любовь отвечает названным условиям: «Хотим ли мы только вкусить личных радостей от нее, использовать любимое существо и наше отношение к нему как средство для наших субъективных наслаждений? Это было бы развратом, а не подлинной любовью, и такое отношение прежде всего было бы само наказано душевной пустотой, холодом и тоской неудовлетворенности. Хотим ли мы отдать свою жизнь на служение любимому существу? Конечно, хотим, но не так, чтобы это служение опустошало или изнуряло нашу собственную жизнь; мы хотим служения, мы готовы на самопожертвование, даже на гибель ради любимого существа, но именно потому, что это служение, это самопожертвование и гибель не только радостны нам, но даруют нашей жизни полноту и покой удовлетворенности. Любовь не есть холодная и пустая, эгоистическая жажда наслаждения, но любовь и не есть рабское служение, уничтожение себя для другого. Любовь есть такое преодоление нашей корыстной личной жизни, которое именно и дарует нам блаженную полноту *подлинной жизни*, и тем осмысляет нашу жизнь».

3. ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ЛЮБВИ.

Настоящая любовь встречается очень редко. Большинство людей никогда её не испытывали, удовлетворяясь чувствами лишь с отдельными признаками любви. Логично, что многие поэтому разочаровываются в любви. Но кто-то скажет, что любовь — это бредовая выдумка, а кто-то — будет верить, и будет идти к любви, ибо нет веры разумнее и важнее, чем веры в себя, в свои возможности.

Возможности — ключевое понятие. Они исходят из способностей и обстоятельств. Любовь — это искусство, которому надо учиться, и у всех нас разные возможности для этого. Однако в любом случае потребность любить заложена в самой сущности человека, и мы идём к этому всю жизнь.

Нормальное удовлетворение этой потребности ведёт к развитию способности любить. Но следует особо подчеркнуть, что в процессе взросления на эту способность чрезвычайно сильно влияет пример родительских отношений в семье. Не замечая того, мы перенимаем эту единственно доступную нам модель поведения: определённые стереотипы поведения, отношение к миру, себе и людям, свойственные родителям, заносятся в наше подсознание, и во взрослой жизни, в роли мужа или жены, мы неосознанно воспроизводим их. В связи с этим логичным будет вывод, что главное для нормального развития ребёнка — это любовь родителей друг к другу. Если ребёнок не видел перед собой примера живой любви, ему будет очень сложно научиться любить во взрослой жизни, когда его личность уже во многом сформировалась. Любовь родителей к ребёнку производна от любви их друг к другу; только при любви друг другу их любовь к ребёнку не станет диктатом над ребёнком или благоговением (чрезмерной заботливостью) перед ним, не будет корыстной. Если ребёнку не доставало родительской любви, внимания и уважения, в будущем будет испытывать соответствующие затруднения.

Но не всё так трагично, неспроста я говорил о вере. Если вас в раннем детстве не научили немецкому языку, это ещё не значит, что вы не выучите его в будущем — так же и в любви: воспитание, конечно, сильный фактор, но в конечном-то счёте умение любить основывается на других важных умениях, овладеть которыми никогда не поздно. О них и пойдет сейчас речь:

1. Первое, с чего нужно начать, это изменить отношение к самому себе: *понять, что человек — высшая ценность, вспомнить чувство собственного достоинства, всецело принять себя как уникальное существо (даже со всеми теми качествами, которые в обществе принято скрывать, которые считаются нравственным подавлять), почувствовать себя частью природы*, прекрасного мира. Это нужно потому, что любить другого можно только тогда, когда *любишь самого себя*, ощущаешь себя полноценной, достойной любви личностью; иначе мы просто не увидим личность в другом человеке. Любовь к себе в этом смысле — совсем не эгоизм. Эгоизм (собственно о нём речь в следующем пункте) это излишняя (поставленная выше интересов других людей) забота о своем материальном благополучии, и, надо сказать, представление о благополучии это довольно примитивно, ведь человек — существо духовное, а эгоист как раз таки забывает о духовном богатстве. Если же мы заботимся о своём духовном мире, это неизбежно выливается добродетелью вовне. Такова предпосылка нравственности, характеризующей человека как существо социальное, коллективное. Социальность вообще важный фактор эволюции, единение — условие выживание и главная наша потребность, поэтому эгоизм — это чувство неестественное. Эгоист, вероятно, наоборот, не имеет чувства собственного достоинства, и винит в своём несовершенстве окружающих, поэтому и считает разумно требовать от них поступиться своими интересами ради него. Итак, мы должны **полюбить себя и быть собой**; быть правдивыми с самими собой, не носить масок (ибо любовь это независимость, непривязанность, свобода). В том числе мы должны освободиться от уз социальной системы. Не по-

звольте другим манипулировать собой: все готовы изменить вас, контролировать вас, дать направление (желания, цели), которого вы не просили. У каждого из нас есть (или должен быть) определённый нравственный стержень, и у всех он разный, что нормально. Так вот этот стержень нужно сохранить, ибо в этом ваша индивидуальность, ваша независимость как личности. Выстоять перед ударами обстоятельств и поступать при этом в соответствии с личными убеждениями — это очень важная способность.

2. Второе, не менее важное умение, это **умение преодолеть собственный нарциссизм**, то есть *самовлюблённость*, восприятие мира с точки *самовыгоды* (и в более широком смысле — *субъективность*). Нужно признать, что не только во сне, но и бодрствуя, мы как безумцы можем принять за истину любую нелепость (если нам так удобнее, выгоднее, избегая посмотреть правде в глаза). Если мы любим кого-то, нарциссической ориентации места нет. Напротив, мы должны развивать в себе такое противоположное ей качество, как *скромность*. Она, в свою очередь, не может существовать, если рассудок не будет ограничивать многие наши желания. Поэтому установка скромности (и *смирения*) требует развития *разума* и *объективного мышления*. Только так вместо эгоистического сознания мы придём к важной составляющей любви: *заинтересованности* в жизни, благополучии и развитии того, к кому мы испытываем это чувство.

3. Если мы говорим, что любовь это забота и труд, то должны понимать, что для реализации данного признака человек должен обладать **дисциплиной, сосредоточенностью, терпением, чуткостью (внимательностью)**. Дисциплина не должна быть навязана извне, это продукт собственной воли и естественное состояние разумного существа (самоконтроль и собранность). Сосредоточенность — это контроль (концентрация) своих же мыслей. Чуткость — это умение чувствовать себя и других. Э. Фромм здесь приводит примеры матери, которая просыпается от плача младенца, хотя более громкие звуки её не будили, и водителя, который, находясь в состоянии

«расслабленной бдительности» чувствует каждый посторонний стук своего авто. Проблема в том, что мы прекрасно чувствуем даже незначительную перемену своего физиологического состояния, но гораздо сложнее уловить перемену настроения, душевные процессы. В целом, дисциплинированность, сосредоточенность и терпение необходимы всегда, когда мы хотим чего-то достичь.

4. **Знание партнёра** необходимо, потому что любить можно только то, что знаешь, а не то, что у тебя в воображении. Если любовь — это слияние в одно целое, то это же и открытие другому человеку самых сокровенных уголков своей души. Каждый хочет такой близости, ибо в ней суть любви, но каждый боится близости, ведь это и огромный риск. Без знания невозможна *уверенность* (в выборе), *готовность пойти на риск* (полностью открыться и быть уверенным, что партнёр всё примет и поймет, и не станет использовать откровенность во вред вам). Но даже если есть знание и уверенность, важны *смелость* и *отвага* показать себя другому человеку изнутри, позволить войти в себя. Только так можно преодолеть первоначальное отчуждение, но нужно быть уверенным в том, что быть уязвимым — безопасно. И это акт разума, руководствующегося знанием.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Любовь — это великая, всепобеждающая, жизнотворная сила, благодаря которой люди снова обретают себя. Она побуждает к постоянному развитию, к добродетели, даёт ощущение полноты существования. В 21 веке представление о человеке как об эгоистическом, злом по своей природе существе давно рассматривается как устаревшее не только с философских, но и с научных позиций. Поэтому смело можно утверждать, что любовь для человека не менее естественна, чем собственничество и корысть. В конечном счете, развитие тех или иных качеств зависит от социализации, и действительно «природного» в нас не так уж много. А это значит, что само устройство социума должно отвечать реализации положи-

тельных человеческих способностей, таких как оптимизм, смирение и любовь. Так или иначе, если мы признаём любовь естественным качеством личности, важно осознать, что и такая её разновидность, как любовь к ближнему (братская любовь) тоже естественна.

Многие люди отказываются признавать этот факт, представляя себе любовь исключительно в форме связи между мужчиной и женщиной. Но я хочу призвать их задуматься: если вы любите только одного человека, и при этом не любите остальных, ваша любовь строится, как сформулировал Э. Фромм, по принципу «обладания». И если мы признаём, что потребность в любви свойственна нам всем, а нравственность так же естественна, как и любовь (исходит из духовной природы человека), то давайте вспомним главный нравственный закон — «поступай с другими так же, как хочешь, чтобы они с тобой поступали» — и зададимся вопросом: хотели бы мы, чтобы нас любили? Судя по данному правилу, если вы хотите любви, то и сами должны любить остальных.

Наконец, любовь к ближнему обусловлена ещё и тем, что ранее мы признали любовь к себе как к уникальной личности нормальной и даже необходимой: другие люди ведь тоже уникальные личности! Мусульмане говорят: «Убивший одного человека виновен, как если бы он убил всё человечество». Смысл этого положения в том, что каждый из нас — Вселенная, и каждый достоин любви и восхищения. Принимая себя в целостности, вы должны точно так же принять других людей — возлюбить их, как себя.

Все мы в какой-то степени одинаковые, так почему бы лишний раз ни простить человека за плохой поступок, зная, что никто не без греха; почему бы ни воздать на зло добром, зная, что так мы возвысим духовно себя и творящего зло одновременно; почему бы ни посмотреть на себя самих, вместо того, чтобы поспешно судить о людях; почему бы ни проявить терпимость к чужим мнениям и действиям, разоблачив свою необоснованную неприязнь, эгоцентризм? Это будет правильный путь — я надеюсь, вы убедитесь в этом, если последуете ему. И будьте счастливы!

ЧЕЛОВЕК-МАССА

Человек или масса?

Во всём есть свои плюсы. Даже в таком, казалось бы, негативном явлении, как смерть. И хотя в каждом конкретном случае имеется свой такой плюс (погиб, например, преступник, который мог причинить много зла людям), можно выявить и общий для всех положительный аспект. Его очень ясно обозначил, например, Мартин Хайдеггер — философ XX века — в своей книге «Бытие и время». Суть этого аспекта заключается в том, что человек, осознавая свою смертность, поднимается над всей природой и олицетворяет собой новый уровень бытия, новую ступень эволюции. Человек — существо разумное, но разум как способность к осознанию предполагает и осознание смерти, без которого невозможна никакая разумная деятельность. В этом смысле именно способность оставаться собой перед лицом смерти делает каждого из нас достойным называться человеком. Осознание смерти заставляет нас ценить каждое мгновение своей жизни и не позволяет разменивать её на мелочи. Если же индивид «забывает» свою смертность, его существование, как полагает Хайдеггер, не является подлинным. Оно становится подобным существованию вещей или живых существ, не сознающих того, что они есть, что они пребывают в этом мире.

А «забыть» о смерти, «убежать» от мысли о ней можно. Люди слабовольные и недалёкие особенно этого хотят, что объясняется психологически. Но повседневные хлопоты о насущных проблемах, в которые все мы обычно погружены, заставляют не только таких, но и людей, действительно стремящихся к вечным ценностям и идеалам, забыть в круговороте жизни, в мирской суете, уйти от подлинного существования. Этому способствует ныне «das Man». Неологизм Хайдеггера, производный от неопределённо-личного местоимения, лучше всего перевести на русский язык словом «люд». Безликий люд — сегодняшняя реальность; люд не знает

смерти, ибо умирание — сугубо личный акт, а масса бессмертна (равно как и материальные вещи, в заботы о которых она погружена). Соответственно вырабатывается норма равнодушного отношения к смерти, а мысль о ней считается бегством от мира, слабостью.

В итоге мы наблюдаем явление, с тревожностью описываемое не только Хайдеггером, но и десятками других писателей, философов и культурологов. Среди них Х. Ортега-и-Гассет, С. Московичи, О. Шпенглер, К. Ясперс, Г. Маркузе, С. Кара-Мурза, Г. Гессе, Э. Фромм, Г. Лебон и др. Все они отмечают одно: на сцену истории выходит новый тип человека — **человек-масса**. Обычный человек — с руками и ногами — но при этом обладающий рядом признаков, позволяющих безошибочно выделить его как отдельный феномен. В частности:

1) Хочет быть таким, как все, и чтобы остальные также стали частью толпы (испытывает от этого довольство). Думает, говорит, одевается, живёт как все. Начинается это ещё в детстве: все носят джинсы — и я буду носить, у всех дома плакаты с любимыми группами — и у меня должны быть. А потом такой человек подтрунивает над теми, у кого ещё нет модных джинсов, и теми, кто вообще в костюме ходит, принуждая их, таким образом, к вхождению в массу. Такая же ситуация наблюдается и в других сферах жизни. На это могут возразить, что большинство людей, наоборот, стремится отличаться от других, тем или иным образом проявляя свою индивидуальность. Однако на самом деле они лишь стремятся либо похвастаться вещами, высоко ценящимися толпой (не имея, при этом, собственных представлений о том, что ценно), либо просто быть замеченными, что выливается во всеобщее «выпендрейничество», где все оказываются равны в своём щегольстве (при этом уже тот, кто не желает выделяться перед толпой, оказывается под её давлением). Очевидно, ни о какой индивидуальности здесь говорить не приходится.

2) Не стремится ничего переделать, принимает предметы обихода и формы жизни такими, какими их навязывает ему эконо-

мическая система, информационное окружение, и ощущает правильность и разумность такого поведения. Пассивно и некритично принимает господствующий порядок, нормы, ценности, традиции, законы; не ценит самобытность. Критика существующих порядков у человека-массы не идёт дальше праздной болтовни, и нужна только для того, чтобы создать иллюзию собственной независимости, индивидуализировав себя через приобщение к первому попавшемуся удобному для себя «мнению».

3) Не обладает чувством ответственности за себя и других, за будущее. Всё кажется индивиду предрешённым до него и за него; общество обладает несравненно большей силой, чем личность, а потому от личности ничего не зависит. Интересно в этой связи одно наблюдение социологов: чем более значима для человека ситуация, тем меньше он склонен к конформизму. Учитывая этот факт, остаётся лишь признать (раз уж мы всегда так покорно принимаем существующий уклад), что все плевать хотели на то, что будет с нами и нашими близкими завтра.

4) Приобретает чувство собственной силы и безнаказанности. Логика человека-массы такова: «Если я — часть толпы и разделяю её интересы, то всё, что она делает, она делает для меня и за меня. Слепое следование за чужим мнением избавляет меня от лишних трудностей, помогая осуществлять свои интересы. При этом ответственность за всё сделанное понесу не я, ибо моё существование в толпе безличностно и анонимно».

5) Управляем, внушаем. Так как индивид не обладает независимым мышлением, склонен избегать самостоятельных решений и характеризуется приспособленческой ориентацией, то он с легкостью воспринимает уже готовые решения, стандарты поведения, оценки, особенно если те хорошо преподнесены. Понятие истины при этом попросту игнорируется.

6) Не способен ни на какое усилие воли, кроме того, что является непосредственной реакцией на внешнюю необходимость: «Выгодно сторониться того, что могло бы обременить».

7) Лишён духовного начала. Интеллект снижен, преобладает бессознательное. Чувствителен ко всему материальному, в целом повышено эмоциональное восприятие всего, что он видит и слышит (не случайно популярные виды спорта — либо на рекорд, скорость, либо командные; а в искусстве всё больше зрелищности и всё меньше смысла). Учеными было выявлено, что тенденция к конформизму связана помимо прочего с низким интеллектом и уровнем развития самосознания.

Все эти качества, равно как и их негативные следствия, есть результат бегства человека от мира и от **подлинного существования**.

Стоит, правда, заметить, что «психология массы» — это древнейшая психология человечества, и с этой точки зрения вышеперечисленные явления можно было бы счесть естественными: ведь первоначально отдельный человек вообще не мыслился вне коллектива, и даже окружающие явления оценивал исключительно как «добро» или «зло» с точки зрения полезности для своего племени! Однако такая позиция была бы верна только для той же глубокой древности. Единение тогда было просто необходимым для выживания, невозможно было удовлетворить даже самые минимальные потребности в еде и безопасности в одиночку. Племя поэтому было важнее отдельного его члена. Но сейчас, при нынешнем уровне развития, напротив, общество рассматривается как система, состоящая из личностей, то есть личность признаётся основой общества, интересы её имеют наивысший приоритет (см. ст. 2 Конституции РФ). Отсюда и концепция естественных прав человека, которые не могут быть ограничены государством, так как государство само создано людьми для защиты этих прав. Человек больше не является рабом физиологических потребностей — их удовлетворение надёжно обеспечено — а потому *независимая индивидуальность — новый, революционный этап в развитии человечества, истинный показатель прогресса*.

Но вот незадача, есть две тенденции: *свобода зрелого разума и желание узаконить эту свободу*. Дело в том, что «влиться

в стадо» — это один из способов (коими могут служить также творчество, религия, легкие наркотики и т.д.) избежать чувства своей беспомощности, неизбежности смерти, неизвестности будущего, а следовательно также тревоги и отчуждённости по отношению к Миру, которые свойственны каждому человеку в силу его природы. Для независимой индивидуальности такой способ, конечно, неприемлем, но проблема экзистенциального вакуума остаётся и настоятельно требует решения. В древности-то она пряталась за коллективным сознанием и духом и верой в сверхъестественное, но теперь уже «индивидуальный дух», преодолев церковную опеку полностью, а государственную — частично, обрёл, наконец, долгожданную для него свободу, но сколь невыносима она оказалась! Дух этот на глазах становится продажным, разочаровывается в себе без идеала, и люди своим конформизмом пытаются опять уйти от свободы, завоёванной предыдущими поколениями; они находят утешительное забытие в любых увлечениях и умениях, не желая думать о смерти. Будь то умение играть в «Сапёр» на компьютере или умение управлять автомобилем, одержимость футбольных фанатов, коллекционирование очередной дребедени или другие глупые хобби. *Современный человек-масса — это возвратившийся к истокам эволюции человек. Вывод один: дабы не потерять завоевания предыдущих эпох и снова не опуститься вниз по лестнице эволюции, нужно найти новые ориентиры, которые станут опорой личностной свободы (то самое «узаконение свободы»).*

Я нахожу такой опорой духовное воспитание, любовь и гармонию. Но сможем ли мы когда-нибудь достичь таких высоких идеалов? Каждодневный опыт убеждает нас в обратном: люди сегодня вряд ли подошли ближе к осуществлению своих идеалов, чем это было тысячи лет назад. И раз ничего за это время не изменилось, почему же должно измениться теперь?

Наверно потому, что время нынешнее — особое. Чтобы понять это, обратимся к историческому анализу, попытаемся, хоть это всегда бывает очень сложно, посмотреть на современность в контексте

исторического процесса. Маркс в основу этого процесса поставил способ производства, но несомненно, что как экономика влияет на культурную и политическую жизнь общества, его социальную структуру, так и культура, политика и социальная структура оказывают влияние на экономику, что, в конечном счёте, и обеспечивает бесконечную динамику жизни. Поэтому в альтернативу формационного подхода Маркса целый ряд учёных занялся разработкой цивилизационного подхода, в основу которого положено циклическое развитие культуры. Л. Гумилев, например, рассматривал историю с позиции отдельных этносов, время жизни каждого из которых — 1200–1500 лет.

В своем развитии этнос, согласно Гумилёву, проходит ряд фаз. В акматической фазе людям свойственно стремление к идеалу успеха и победы, готовность жертвовать собой во имя идеала. В инерционной фазе, следующей после некоторого надлома, усиливается стремление развивать хозяйство, культуру. Далее наступает фаза обскурации, для которой характерны стремление к материальному благополучию, в искусстве идет снижение стиля, в науке оригинальные работы вытесняются компиляциями, растут коррупция, продажность, невежество и беспринципность. Этнос «увядает», даже если он не поглощается новым этносом, падает воля к жизни, падает рождаемость, растёт смертность. Этнос превращается в реликт, если сохраняются благоприятные природно-климатические условия, или полностью исчезает, если таковые разрушены на предшествующей фазе.

Я уже сказал о том, что теперешнее массовое сознание как бы отвергает те достижения, которые были достигнуты во многовековой борьбе людей за свободу, справедливость и достаток. Мы уже ни к чему не стремимся — только потребляем плоды, мало задумываясь о том, откуда они взялись. Пожалуй, вся западная цивилизация переживает сейчас фазу обскурации, то есть упадок. Культ материального благополучия, продажность искусства, превышение смертности над рождаемостью — лишь некоторые тому подтверждения. И это естественно, ибо «слишком хорошие

условия, как правило, поощряют возврат к природе, прекращение всякого роста» (А. Тойнби). Мы должны признать, что любая культура развивается циклично, в какой-то момент достигает расцвета, а потом неизбежен упадок; признать, что сегодняшняя стадия «самодовольства» этноса не есть высшее благо, напротив, это свидетельство смерти, ибо нельзя жить, ни к чему не стремиться.

Но отрицая прошлое, массы являются в то же время предвестниками «революции» и *нового порядка*. После падения всегда идёт взлёт, и кто знает, чем обернётся сегодняшний упадок — во всё есть свои плюсы. Массы вновь организуются в некую общность, появятся новые идеалы, к которым будут стремиться уже не отдельные индивидуальности, а целые народы. Будет создана новая культура, и возникнет она из неприязни к старой культуре и всем её недостаткам, в том числе ко лжи и разврату, и будет бороться против них. И вот тогда наступит новая эпоха — посткапиталистическая, и мы смеем по крайней мере надеяться, что это будет эпоха свободных индивидуальностей, достойных называться людьми. Уже сейчас мы располагаем многими предпосылками этой эпохи, потому я и назвал наше время особенным. Однако не исключено, что желаемый переход произойдёт лишь через сотню-другую лет, так что пока вопрос о том, сможет ли человек стать духовно независимым от толпы, остаётся открытым. Во всяком случае, мы должны помнить, что человек сам творец истории, и только от него зависит его будущее.

Есть и другой, неисторический контекст соотношения человека и массы. Речь идёт о том, насколько такое явление, как конформизм, естественно, насколько человек может и должен быть свободным от общества. Разумеется, о полной свободе никто не говорит. И тут у конформизма тоже есть свои плюсы. Он позволяет выжить в кризисных, сложных условиях (сохраняет единство группы), помогает быстро принимать решения, уменьшает время адаптации человека в коллективе, исправляет ошибочное мнение или поведение (если большинство оказалось право), защищает психику индивида. С другой стороны конформное поведение приводит к по-

тере способности принимать самостоятельные решения и ориентироваться в непривычных условиях, к потере индивидуальности, независимости, на нём строится любая манипуляция массами. Поэтому в любой ситуации целесообразно наличие лишь определённой, разумной доли конформизма. В конце концов, так называемый *нонконформизм (негативизм)*, если рассматривать его как общий принцип, а не как обдуманную стратегию поведения при конкретных обстоятельствах, тоже является примером психологически незрелого, детского поведения. Да и не всегда можно чётко определить, является ли поведение конформным или нет, — нужен тщательный анализ социальной ситуации, в которую заброшена личность.

Так или иначе, важно подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, *массы способны обладать несравненно более высоким уровнем интеллекта и нравственности, а также более развитым чувством ответственности, чем обладают сейчас*. Тогда и правящая элита окажется достойнее, чем в настоящее время, ибо элита суть отражение нравов народа, и воистину обществом правят те, кого это общество заслуживает. Тогда, к слову, и масса перестанет быть тем, чем она сегодня является. А сегодня она — объект всеобщей критики. Второе значимое обстоятельство заключается в том, что *лишь свободные и непредубежденные люди способны самостоятельно решать стоящие перед ними жизненные проблемы, верно оценивать сложившуюся ситуацию и совершать правильные поступки*. В противоположность этому, человек-масса, является ли он по натуре конформистом или нет, лишён такой возможности, он может лишь плыть по течению, уверовав в иллюзию своей добропорядочности и разумности и надеясь на то, что проблемы разрешатся сами собой.

Становление и развитие массового общества.

Особый интерес представляет вопрос, как докатились мы до жизни, в которой доминирующей формой существования стала толпа, масса, «люди», как получилось, что индивидуальности оказались на грани вырождения. Человек всегда был скован нормами

той социальной группы, в которой он состоит и от которой зависит. Но на сегодняшний день он, хотя бы и потенциально, но всё же обладает такой свободой от социальных институтов, которая раньше была доступна лишь ничтожному меньшинству населения. Так в чём же причина?

Это меньшинство однако, те же дворяне например, тоже не проявляло охоты пользоваться такой свободой. И вроде живи припеваючи в своём имении, независимо ни от кого: крестьяне тебя полностью содержат. Ан нет — есть же мода, этикет, обычаи, правила чести и т.п. А сегодня на месте меньшинства оказалось большинство, потому и получила неслыханное распространение человекомасса. О том, как это выглядело в более детальном рассмотрении, и о том, почему всё получилось именно так, а не иначе — рассказ далее.

И начать нужно, по всей видимости, с эпохи *буржуазно-демократических революций*, толчком к которым послужила церковная реформация 16–17 веков. *Именно тогда произошёл бунт разума, повсеместное обмирщение духа и утверждение новой этики гуманизма.* Началась эпоха в 16-м веке (крестьянская война в Германии, революция в Нидерландах). В Англии революция произошла в середине 17-го века, во Франции — в конце 18-го. В ходе этих революций индивидуализм впервые стал претендовать на роль официальной идеологии. Соответственно широкую поддержку получила теория естественного права, согласно которой все люди имеют уже по рождению набор неотчуждаемых прав.

Но даны ли нам на самом деле какие-то права от природы, если закон природы — борьба за существование? Современные учёные отмечают, что естественное право, как и право позитивное, является динамичным, и для каждого исторического периода оно своё. Так, военная диктатура является благом для народа в борьбе за независимость и становится злом, когда внешняя опасность устранена. Абсолютная монархия может оказаться как прогрессивным явлением, высвобождая массы из-под гнёта мелких

феодалов, так и застойным, лавируя между интересами нарождающейся буржуазии, выступающей за демократию и либерализм, и дворянства, которое обладает множеством привилегий, не принося при этом никакой реальной пользы обществу. Таким образом, естественное право хоть и исходит из положения, что отдельному лицу должен быть предоставлен максимум свободы, совместимой с благом общества как целого, но ключевым вопросом остается всё-таки вопрос: а что же современное общество способно гарантировать человеку от рождения как представителю вида, и что оно считает нужным отнять ради общего блага?

Всё это не учитывали идеологи Великой Французской революции, используя давно известную концепцию естественных прав как привлекательный для большинства лозунг, только для свержения старого строя. Действительно, в условиях феодальной эксплуатации и одобрения её государством тезис «частная собственность священна» выглядит заманчиво и естественно. Но для общества, живущего исключительно скотоводством, такая собственность была бы верхом абсурда. И слава Богу, что пока ещё не всё можно купить в собственность обычному человеку (вооружение, наркотики, объекты общественного пользования, неотделимые от личности нематериальные блага и т.д.). Так же и провозглашённые в ходе революций свобода слова, творчества и предпринимательства сами по себе хороши, но при определённых условиях приводят к отрицательным последствиям, и поэтому должны быть ограничены. *Сегодня мы сталкиваемся с такими проблемами, как фашизм, наркомания, экологический кризис, ложь рекламы, упадок искусства и нравов, власть денег* — и всё потому, что благо есть лишь то, что в меру. Либеральные идеи, таким образом, не абсолютны, оспоримы в других условиях и в другое время, однако факт в том, что с победой буржуазии и утверждением индивидуализма они получили всеобщее признание.

Этот факт значим для дальнейшего анализа становления массового общества, и прежде всего — его культуры. Не труд-

но понять, что массовая культура имеет своим началом именно творческую свободу, равенство всех людей и рыночный механизм хозяйствования. В отличие от настоящего, массовое искусство является, в сущности, предпринимательством, направлено на получение прибыли посредством удовлетворения потребностей потенциально безграничной аудитории, а не на самовыражение, утверждение ценностей, «чувство прекрасного» в человеке.

В этом её главное отличие от подлинного искусства, цель которого, как верно отмечено философом Вл. Соловьёвым, с одной стороны, в *одухотворении материальной красоты*, с другой — в *материализации духовных идей*, то есть в итоге искусство призвано воплотить в действительности духовные устремления человечества, его представления о совершенном идеале: «Понимаемое таким образом искусство перестает быть пустою забавою и становится делом важным и назидательным».

Массовое искусство, являясь, напротив, всего лишь удовлетворением усреднённых типов потребительских реакций, понижается в своем качестве и в своей ценности. Оно становится более дешевым, доступным и комфортабельным, но и более плоским. Логично, что теперь оно возбуждает лишь поверхностные эмоции, не подвергая испытанию умственные способности: какому потребителю хочется напрягаться в своём потреблении? Культурный товар в настоящее время должен отвлекать людей от реальной жизни, питать их вымышленными картинками, погружать в летаргический сон, избавляя от насущных проблем.

Однако не только искусством характеризуется духовно-культурная сфера жизни. Огромное влияние победа буржуазии оказала на развитие науки, о чём будет сказано далее. Причём получилось так, что научное познание с самого начала противопоставлялось религии, ибо католическая церковь, пытаясь остаться авторитетным носителем великой тайны Божьего мира, была против всякого самостоятельного, свободного исследования. В результате наука старалась объяснить мир «без Бога», и небывалое распростра-

нение в мире получил атеизм. Неизбежно последовал духовный кризис, выразившийся в тотальной разочарованности, душевной смуте, равнодушии и бесчувственности, релятивистской идеологии (всё условно! всё относительно!). Духовный вакуум во многом объясняет нынешние **безволие и гедонизм**.

Многие философы (в частности, Рене Генон) полагают, что именно забвение духовных традиций привело к нынешней жажде бездумного накопительства и алчного потребительства, а в более широком плане — к доминированию чувственно-эмоционального сферы в ущерб разума и приоритету всякого количественного превосходства взамен качества. Как следствие, в суматохе бессмысленной деятельности **людям стало безразлично**, к чему эта самая деятельность может привести. Со временем успехи в сфере материального производства вообще перестроили сознание человека исключительно под производство вещей, в результате чего **потеряло всякое значение понятие истины**. Истинным стало считаться то, что позволяет добиваться конкретных практических результатов, наращивать количественные характеристики (прочие же факты, позволяющие оценить изменение ситуации в целом, увидеть реальную пользу той или иной практической деятельности, стали попросту игнорироваться). Люди начали менять «истины» как перчатки, что ещё более усугубило ситуацию всеобщей потерянности.

Под влиянием перемен в религии, экономике и социальной структуре изменилась и вся этика. С утверждением капитализма и всеобщего стремления к прибыли, с признанием наживы самоцелью, такие черты, как успешность, деловитость и практичность стали цениться в людях больше прежнего, но при всей оправданности этих черт самих по себе, в целом указанный подход привел в итоге к **публичному оправданию цинизма, жадности и карьеризма; торгашество и эгоизм стали нормой**.

Что касается социальной сферы, то достигнутая производственная свобода привела к социальному расслоению, к необходимости сохранения социальных групп в отсутствие сословий и психо-

логической потребности в единении. В конечном счёте создаются иллюзорные социальные нормы, не имеющие никакой настоящей значимости. Так рождаются массы, ведь наряду со стремлением к свободе и независимости в человеке, как уже было сказано, укоренено и стремление к безопасности, бегство от свободы. За многими нормами, принятыми в отдельных социальных группах, не видно никакой пользы кроме обеспечения монолитности самой группы, хотя группа могла бы существовать и без этого. Большинство индивидов вынуждены следовать таким нормам, чтобы избежать пристального к себе внимания, осуждения девиантного поведения, непринятия их группой. В принципе, такая ситуация была во все времена, но сейчас она вошла в противоречие со вновь провозглашённой идеологией.

Наконец, важное следствие революций — установление демократических режимов с представительным парламентом (всё те же естественные права подразумевают «власть народа»). Такая ситуация заставила власть имеющих искать новые способы манипуляции общественным сознанием, совершенствовать PR-акции, разрабатывать способы парламентской борьбы.

В последнем случае наиболее типичен парламент Великобритании, где используются приёмы «кенгуру», «гильотина», «закрытие». Первый состоит в том, что спикер (представитель правящей партии) сам решает, какие поправки к законопроекту обсуждать, а какие нет, и сковывает таким образом всю оппозицию. «Закрытие» основано на том, что на любой стадии обсуждения вопроса может быть внесено предложение о прекращении дебатов, причём определяющую роль в принятии этого предложения играет верхушка правящей партии. «Гильотина» также направлена на ограничение свободы слова в парламенте.

Другой пример, убедительно демонстрирующий нам, что **в реальности людьми управляют как марионетками, но при этом у них создаётся ощущение собственной значимости** — это политические выборы. В канун президентских выборов в 1996-м рейтинг Ельцина упал до 6%, однако новая российская элита, почувствовав

себя в опасности, сделала всё, чтобы заставить россиян сделать «правильный» выбор. СМИ не переставали чернить Зюганова, пугали избирателей возрождением тоталитаризма, развернули грандиозную рекламную кампанию под действенными лозунгами. Чтобы отнять голоса у коммунистов появился кандидат от третьей стороны — А. Лебедь. Позже он призвал своих сторонников голосовать за Ельцина, который тем временем совершил рекламный полёт в Чечню, обещая военным мирный договор. Результат всего этого известен. Имидж кандидата, его репутация, личные качества (патриот, благодетель), удачные предвыборные обещания и речи, полные психологических приёмов, лживая биография, хорошо организованное турне по округу сегодня решают всё. Любыми способами агитаторы пытаются уверить людей, что именно этот человек лучше всего борется с коррупцией, бюрократической волокитой, преступностью, что он поможет одновременно и профсоюзам, и бизнесу.

Так стало ли государство более демократичным после свержения монаршего абсолютизма и установления целого спектра прав человека? Ответ уже напрашивается, но чтобы сделать окончательный вывод, надо сказать ещё о том, что вообще представляет собой государство, в чём его сущность. Изначально оно возникло в силу объективной необходимости регулирования общественных отношений, для защиты от нападений, организации общественных работ и распределения ресурсов. Но уже тогда, в древности, налицо было противостояние господствующего класса и закабалённого населения, то есть *государство с самого начала противостоит народу, закрепляя власть элиты*. Современные принципы демократии и правового государства поставили власть в иной ранг, безусловно. Но у государства всё равно могут возникать интересы, отличные от интересов общества, ведь это очень влиятельный и обширный институт. А так как управлять массами в значительной степени проще, чем индивидуальностями, которые верят в свои силы, государство в принципе заинтересовано в массовом сознании. Господство массовой культуры разрушает систему ценностей человека, он теряет

устойчивые ориентиры, отсюда — легкость манипуляции его сознанием. **Политики применяют «превращение в толпу» как технологию власти**, ибо в толпе исчезает сознательная личность.

Но все перечисленные последствия нового уклада (**стадное сознание, развращённое искусство, меркантильная этика, политическая профанация**), не сразу, конечно, достигли такого масштаба. Здесь факторами выступили другие, более поздние явления, которые, правда, тоже имеют своим условием свободу предпринимательства. Явления эти не хороши и не плохи сами по себе, они объективны, однако как они используются — вопрос другой. Я говорю сейчас, во-первых, о *новых знания в сфере кибернетики, психологии, социологии и маркетинга*, а во-вторых, о *новых технических возможностях* (то есть о теоретической и о технической сторонах научного прогресса). Все они — следствия инноваций, которые вызывают структурные изменения в экономике и перестраивают всё общество. Инноваций стало значительно больше с утверждением капиталистического «духа эффективности и пользы».

Благодаря новым знаниям теперь одни люди умеют эффективно воздействовать на сознание других, в нужное время определённой «сигнатурой» (совокупностью внешних признаков) воздействовать заложенные в человеке природой «поведенческие программы», достигая своих корыстных целей. В пример можно назвать нейролингвистическое программирование, технологию 25-го кадра и много других способов воздействия на сознание. И если раньше подобные знания составляли тайные учения, доступные только избранным, то теперь о них может узнать каждый (свобода слова!), но от этого они не стали менее эффективными, ведь человеческая природа осталась неизменной. А так как спрос на такие знания растёт, их становится всё больше: инновации в этой сфере ещё ждут нас. И вот люди уже не могут быть независимыми, и из актёров превращаются в жалких марионеток.

Развитие психологии и маркетинга проявляется особенно в рекламе — **«промывке» мозгов ради получения прибыли**. Рекла-

ма подсознательно внушает нам, что обладание определённым товаром сделает нашу жизнь счастливее и проще, что мы станем лучше других, если приобретём его, что это так естественно — купить этот товар; и наоборот — нас ждут разочарования и неудачи, если мы не последуем совету рекламы. Всё это происходит с помощью прямой фальсификации и наглой эксплуатации качеств человеческой психики и логики, давления на инстинкты. Все как будто знают, что реклама — это ложь, но ведь если бы она не действовала, её бы и не было, так?

Что касается техники, закономерно последовавший за революциями промышленный переворот 18-19 веков и дальше — научно-техническая революция середины 20 века существенно преобразовали мир. Прежде всего, следует сказать, что расширение возможностей производства неизбежно ведёт к кризису перепроизводства. Этот кризис преодолевается повсеместно созданием потребительского общества, то есть общества, где технические инновации и другие средства используются для возбуждения совокупного спроса, для увеличения потребления. Основная цель производителя здесь — внушить людям, что данный товар им нужен, что есть смысл отдать за него деньги. Чтобы разжечь потребность, развиваются мода, престиж, реклама, *создаются искусственные проблемы, на которые уже есть готовые решения (только плати)*. Потребление становится главным смыслом жизни, показателем благосостояния населения. Культуром материального благополучия и плотского удовольствия взращивается **«человек потребляющий»**. Хуже того, товар превращается в **дешёвый суррогат**: синтетическая пища с неизвестными добавками, постоянно ломающаяся или устаревающая бытовая техника. И уже позднее, после кризиса перепроизводства, вызванного введением машин, для увеличения прибыли продолжают использоваться те же успешные методы. Человек, мечтавший на заре Нового времени с помощью техники подчинить мир природы, в результате сам оказался поработщённым этой техникой, из «образа и подобия

Бога» превратившись в «образ и подобие Машины».

Всему этому способствовало, несомненно, такое следствие развития техники, как СМИ. Газеты стали печататься огромными тиражами, появились телевидение и радио. С помощью СМИ преформированием ложных потребностей стимулируется спрос, а также сохраняется иллюзия индивидуализма (рекламные лозунги типа «Выбирай!», «Отдыхай!», «Бери от жизни всё!»), иллюзия внутреннего разнообразия массовой культуры (на самом деле культурные подгруппы различаются ровно настолько, чтобы можно было демонстрировать данное различие как ценность). Политики используют СМИ для распространения мнения о демократичности действующей политической системы. Обходя стороной целостный характер проблемы и предлагая в качестве достоверных сведений отрывочные суждения и данные, **СМИ умело формируют нужное политическому руководству общественное мнение.**

СМИ «фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую... То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества» (Г. Лебон). С самого детства **через СМИ закладываются образцы поведения, потребности, образ мыслей, стереотипы.** Дети живут, подражая героям сериалов и боевиков и воспринимая их поведение как приемлемое и естественное.

При этом политическая, коммерческая и культурная элита сращиваются воедино ввиду общих целей (начался данный процесс примерно после Великой депрессии). То же спиртное — его продажа выгодна как фирме, которая имеет неплохую прибыль (раз уж в массового потребителя внедрили мнение о естественности питания), так и государству, которое имеет с этого налог (однако интересы элит совпадают лишь до определённого предела).

Огромная, в некоторой степени даже **отупляющая индустрия развлечений** — кино, концерты, клубы и дискотеки, популярная

музыка, любовные романы, фэнтези, компьютерные игры — также выгодна всем тем, кто хочет увести людей подальше от реальности. Массовое искусство не является духовным производством, так как направлено на прибыль. Ибо где начинается выгода, там кончается духовность. За деньги мы можем купить кровать, но не сон, секс, а не любовь и так далее. Массовая культура вытесняет подлинное искусство как неприбыльное — не только материально, но и в сознании самих творцов, талантливых людей, которые теперь гонятся за прибылью. Так, в современном обществе осталось очень мало духовных благ, духовный мир оскудевает, коммерческая основа постепенно приводит к восприятию обмана, лицедейства и цинизма как нормы. А направление внимания масс на бесчисленные развлечения позволяет скрыть истинное положение дел.

Параллельно такой массификации, техническому и научному прогрессу шёл другой процесс — всё большая специализация, спецификация труда. Знания о мире накапливались, технологии производства усложнялись, общие науки дробились на всё более частные. В итоге сами люди стали другими: новый человек — это профессионал, специалист, но специалист он только в своём деле, а в остальных сферах, будучи абсолютно некомпетентным, он ведёт себя как будто он и тут разбирается не хуже остальных, отрицает притом всякие авторитеты. Такой человек **отказывается признавать свою глупость и наивность**, а между тем «*общество специалистов*» представляет собой питательную почву для манипуляции сознанием. Другое важное следствие разделения труда заключается в том, что человек стал лишь «винтиком» в системе огромного механизма, действие которого он не в силах даже мысленно объять и понять, не говоря уже о том, чтобы как-то повлиять на его работу. Так, стремясь подчинить себе материальный мир, человек сам оказывается рабом своих же изобретений не только в сфере потребления, но и в сфере производства.

Итак, нынешний век толп могут объяснить только все глобальные исторические процессы вместе взятые: реформация, буржу-

азно-демократические революции, промышленная революция, научно-техническая революция и др. Исследователи начинают говорить о массовом обществе только в период между двумя мировыми войнами, не раньше. Человечество постепенно шло по пути «прогресса», открывая всё больше возможностей и идей, которые можно было использовать как во благо обществу, так и для своекорыстной манипуляции им.

На пути к новой революции.

Итак, что же мы получили по истечении нескольких веков капиталистического развития? Сознание народа одурманено иллюзиями, все мы погружены в вымышленный мир. Даже множество миров — у каждого свой, и это воспринимается как свобода. Но в действительности кое-кто водит нас за нос. И те, кто это делает, водят за нос и друг друга. Нет, мирового правительства нет, я думаю. Потому что я говорил обо всём обществе — всё оно оказывается в проигрыше. Я имею в виду, что политики тоже голосуют на выборах, а сотрудники и руководители коммерческих фирм тоже смотрят рекламу. «Разводят» друг друга все. Не обманешь ты, обманут тебя. Как в фильме «Револьвер»: жизнь — игра, а «в любой игре всегда есть соперник, и есть жертва. Вся хитрость — вовремя осознать, что ты стал вторым, и сделаться первым», начать вести игру. Таков сегодня закон сосуществования.

Однако вот что я думаю. Человек тем и отличается от животных, что он разумен. Следовательно, разум является главным его свойством и достоинством. Разум неразрывно связан с нравственностью, так как она суть порождение разума. Разумное планирование создаёт нормы, обеспечивающие совместное существование и выживание человека в мире природы, а также прогрессивное развитие всего человеческого рода. Важнейшие из социальных норм — нравственные и правовые. Следовательно, нравственность — основа человечества. Экономисты также говорят, что рыночная свобода — это отсутствие любых заранее установленных норм, кроме норм нравственности, которые также являются

условием экономического роста. Так что в отсутствие нравственных основ жить нельзя. Другое порождение разума — духовность, которая суть внутреннее состояние, с необходимостью порождающее нравственность (в то же время нравственность не всегда свидетельствует о духовности). Следовательно, духовность и то, что мы называем душой — также являются первичными человеческими ценностями. Ставя во главу физическое удовольствие, превращая искусство в доход, мы неизбежно отвергаем духовность как первичную ценность. С одной стороны, материальные потребности являются первичными, так как сначала нужно удовлетворить их, с другой — именно духовные потребности идентифицируют человека как вид. И если мы отрицаем всё вышеперечисленное, мы отрицаем человека разумного, всю человеческую культуру. Вот почему человек-масса равнозначен первобытному человеку или даже животному, вот почему он — как недоразвитое существо. Более того, оставляя из всех следствий разума только одно — интеллект, позволяющий добиваться реализации своих интересов, мы неизбежно теряем веру в себя, в мир. И это действительно страшно — осознать, что всё вокруг продажно и нет никакой морали, что всё дозволено, а другие люди — лишь средства достижения твоих целей, как вещи. Постепенно человек с таким миропониманием и себя начинает считать не более чем вещью. Свои физические силы и способности — средством заработка, самого себя — товаром. Да собственно сейчас и так мы «продаём рабочую силу». А чем вас тогда проституция удивляет? Логичное следствие глобального падения нравов, как и алкоголизм, как и наркомания.

На мой взгляд, мы просто рубим ветку, на которой сидим. А значит, пора выбраться из наших иллюзорных мирков, пробудить свой разум. Конечно, мы не привыкли думать, мы привыкли «забываться». Необходимость размышлений над собственной жизнью отдельными людьми воспринимается сегодня очень тяжело, так как они привыкли, что кто-то думает за них, сами же они либо развлекаются, либо тратят свои интеллектуальные ресурсы для работы

на систему в рамках служебных обязанностей. Но пора понять, что только мы ответственны за свою жизнь, и за то, что с нами будет. Хуже того, мы ответственны и за остальных, за своих ближних, потому что большинство наших поступков отражается на них. А потому нам нужно быть чуткими и внимательными, терпеливыми, заботливыми и ответственными, обладать трезвым рассудком и сильной волей. Всё это невозможно без возрождения разума, который является первоосновой существования человека, невозможно — без **революции сознания**.

Эта революция вернёт нас к подлинному существованию, к реальному миру, из которого нас вытеснили. А точнее, мы сами ушли, обманутые и замороженные. Революция сознания — это война за независимость сознания. И у каждого своя такая война, ибо начинать нужно всегда с себя, а власть над собой — наивысшая власть. Борьба будет трудной, но это и хорошо, потому что если мы победим, уже не будем бояться трудностей.

Революция заключается в том, чтобы освободить своё сознание. Эксперименты установили, что если хотя бы один человек в группе поддерживает не конформное поведение, то уровень проявления конформизма снижается до 6% — и это обнадеживающий факт. Так что не надо плыть по течению — надо плыть туда, куда надо. Куда именно — должен решить чистый разум. Глупо быть «как все», так же как и нет задачи быть «не как все». Надо думать, при необходимости прислушиваться к умным людям, и выработать собственные ценности.

Это первый шаг — научиться мыслить объективно и действовать независимо, искать Истину, сопротивляться техническому воздействию на сознание, не поддаваться чужому влиянию, если только вы сами разумно не пришли к такому решению. Основываясь на автономном, глубоком и непредвзятом анализе распознавайте ложные потребности в себе.

Второй шаг — определиться со своими целями. Разумная жизнь означает целеполагание и целедостижение. Люди, имею-

щие собственные цели, более уверены и независимы. Каждому из нас неплохо было бы прописать свои цели хотя бы на ближайший год, размышлять о своей жизни и своём жизненном пути.

Третий шаг — развивать свою уверенность. Уверенность в себе, согласно психологам, проявляется в следующих аспектах: *чувство уверенности* (внутреннее ощущение силы, права и правоты), *уверенное поведение*, демонстрирующее силу и характерное для людей с сильной позицией (в том числе отстаивание своих идей, даже если они идут вразрез с общепринятыми), *решительность* (уверенное принятие и определенность в решениях). Следует развивать в себе храбрость, мужество, выносливость и силу духа.

Четвертый шаг — возродить свою нравственность. Стремиться к добру, не совершать злых поступков, быть честными и доброжелательными, благодарными, внимательными, уважать других, помогать ближнему и любить его, ибо любовь — высшее проявление духовности и нравственности. Любить всё живое и всё сущее, ибо всё есть чудо. Иметь скромные потребности, отказаться от накопления вещей и гонки за деньгами. Ни в коем случае самим не прибегать к манипуляции чужим сознанием, если нет совершенной уверенности в том, что таковая временно необходима для общего блага. Безнравственны, в частности, советы Дейла Карнеги всячески демонстрировать человеку (лестью, комплиментами, внушением) его важность и значительность только для того, чтобы тот поддался вашему влиянию. Не следует вводить людей в заблуждение (специально внушая им доверие или нарочито демонстрируя своё уважение к ним) ради достижения своекорыстных целей. Нельзя допускать и самообмана: он происходит, когда люди ищут лёгких путей, искренне обосновывая таковые как правильные.

Наконец, пятый шаг — привлечь на сторону революции сознания государство. Из фактора массовизации оно должно превратиться в фактор разумности, институты государства должны использоваться для обеспечения свободы индивидуальности. Нужно использовать всевозможные средства воздействия на госу-

дарство: обращайтесь к партиям, органам и депутатам, вступайте и создавайте свои партии и общественные объединения, организуйте митинги и демонстрации; особо целеустремлённые могут даже организовать референдум по какому-либо вопросу или баллотироваться в депутаты или президенты.

Да, государство имеет свой интерес. Но понятно, что он не сводится к одурачиванию населения. Государству нужна сильная нация — это значит больше трудоспособных людей, передовой талантливой молодёжи, учёных, инициативных предпринимателей. Только так оно сможет сохранить свой престиж и силу на международной арене, и прогрессивно развиваться. Падение нравственности также не выгодно государству. Поэтому оно вовсе не враг народу, и общность интересов нужно использовать как минимум в виде сотрудничества. Больше того, раз уж мы пришли сегодня к представлению о том, что государство должно быть подлинно демократическим и выражать общенародный интерес, то просто необходимо поставить государство в соответствующие рамки, ведь оно является только одним из многочисленных институтов общества. Это мы должны диктовать ему условия, а не оно — внушением обосновывать нам свои решения, формируя через СМИ общественное сознание.

Государство должно оказывать поддержку зарождающимся институтам гражданского общества, чтобы в будущем они стали выразителями народной воли и средством воздействия на власть, а также исполнителями отдельных функций государства. Необходимы реальные гарантии деятельности независимых и общедоступных СМИ политического и культурного характера. Государству следует содействовать *развитию культуры и автономии личности*, заботиться о состоянии нравственности в обществе.

Эти идеи я предлагаю читателю отстаивать, оказывая непосредственное воздействие на политику государства. Нам пора перестать стоять в стороне, когда решается наша судьба. И да здравствует свободная и независимая индивидуальность, да свершится революция сознания!

РАССУЖДЕНИЯ О ДОБРЕ

Данная статья является прямым продолжением мыслей, изложенных мной в «Философии любви». Это и не удивительно, ибо глубоко моё убеждение в том, что любовь и добро суть две стороны одного явления, которое, в свою очередь, претендует на звание высшей человеческой ценности, и представляет собой состояние, в котором каждый хочет пребывать. Названия этому состоянию можно придумать разные: счастье, гармония, самораскрытие, радость — это не существенно. Важно только, что оно несёт с собой благо для человека. И я предпочитаю говорить именно о благе, или о всеобщем благе, подчёркивая тем самым, что благо одних людей или групп не приносится при этом в жертву ради блага других; всеобщее благо выгодно для всех, это не эгоизм и не самоотречение. И если бы оно было достигнуто во всех сферах нашей жизни, мы бы сказали, что живём в раю. Но так как это невозможно, мы можем говорить только о стремлении к благу, которое и лежит в основе всякой нравственной системы. Поэтому добро (основная нравственная категория) как раз и выступает тем средством, которое должно привести нас как можно ближе к раю. Любовь — это чувство, как правило сопутствующее добру. Любовь не мыслима без добра, ибо суть её в благожелании. Здесь, правда может возникнуть вопрос: существует ли добро без любви? Думаюется мне, что если человек совершает какой-либо добрый поступок по отношению к лицу, к которому не испытывает особой любви, то он совершает этот поступок по крайней мере из-за любви к себе: он заинтересован в том, чтобы оставаться чистым духом и душой, чтобы совершенствоваться и быть счастливым, чтобы оставаться верным своим принципам — он любит себя, поэтому нравственен. Таким образом, любовь и добро оказываются тесно связанными. Клайв Льюис наглядно показал это, рассуждая о христианской заповеди «возлюби ближнего, как самого себя». Как заставить себя

любить ближнего? — спрашивает он, и находит гениальный ответ: «не теряйте времени, раздумывая над тем, любите ли вы ближнего; поступайте так, как если бы вы его любили. Как только мы начинаем делать это, мы открываем один из великих секретов: ведя себя по отношению к человеку так, как если бы мы его любили, мы постепенно начинаем любить его. Причиняя вред тому, кто нам не нравится, мы замечаем, что от этого он не нравится нам еще больше; сделав же по отношению к нему добрый жест, чувствуем, что наша нелюбовь стала меньше». Таким образом, любовь и добро порождают друг друга, они — одно.

1

Однако Льюис, раз уж взялся писать о христианстве, рассматривает добро большей частью односторонне (не в упрек ему будет сказано, ибо книга того и требовала). Он говорит, что главное значение не в том, к чему привёл в итоге тот или иной поступок, а почему мы его совершили. В качестве аргументации, конечно же, выступает тот факт, что нравственность исходит от Бога. Но и без упоминания Бога тезис выглядит вполне убедительным. Ведь если я совершил злой поступок, а он по случайности имел счастливый исход, то такой поступок, во-первых, сыграл определённую негативную роль в формировании моей личности, закрепил привычку поступать плохо, во-вторых, мог послужить отрицательным примером для других, и, в-третьих, не далёк тот случай, когда подобное поведение (моё и тех, кому я подал пример) повлечёт самые трагичные последствия. «Добрые поступки, совершенные не из доброго побуждения, не способствуют формированию того качества нашего характера, имя которому добродетель», — замечает Льюис.

Но есть же и другая точка зрения, не менее обоснованная, согласно которой не важно, что двигало нами в момент совершения деяния, а важен только результат. Логично, не правда ли? Зачем называть добром то, что приносит беды? Для того ли суще-

ствуует вообще это понятие — «добро»? Какой-то дурак посадит дерево посреди дороги, желая улучшить экологию, «сделать город чище», а это дерево проходим только мешаться будет, и они будут иметь полное право обрушить на глупца весь гнев, им же вызванный: такие «добрые» поступки людям ни к чему. Вероятно, подобные рассуждения и побудили Джона Локка написать: «Вещи бывают добром и злом только в отношении удовольствия и страдания. «Добром» мы называем то, что способно вызвать у нас или увеличить удовольствие, либо уменьшить наше страдание... «Злом», напротив, мы называем то, что способно причинить нам или увеличить какое-нибудь страдание, либо уменьшить какое-нибудь удовольствие... Под «удовольствием» и «страданием» я разумею либо то, что относится к телу, либо то, что к душе».

Итак, перед нами встаёт вопрос: какое понимание добра верное — объективистское (важны поступки) или субъективистское (важны намерения)? Общепринято, насколько я могу судить, субъективистское понимание. Однако бесспорным является тот факт, что безусловную ценность для нас может представлять только объективное добро, ибо если поступок объективно приносит благо, он не нуждается более в оправдании. Это даёт основания полагать, что объективистская трактовка добра является для нас более ценной.

Если же мы будем настаивать на субъективистском понимании, то есть на примате намерений, не мешало бы для начала вспомнить древнюю мудрость, гласящую, что благими намерениями дорога вымощена в известное место. И это, кстати, не единственное, что тут можно вспомнить: «не делай добра — не получишь и зла», «хотели как лучше — получилось как всегда», «не делавши добра врагов не наживешь» и т. д. и т. п. Или же возьмем случай, когда добрый поступок совершается по отношению к стороннему человеку, к которому благодетель не питает никаких тёплых чувств. Если этот поступок исходит лишь из желания

соблюсти некую норму морали, то шансов, что «дающий» спросит себя о действительных нуждах «одаряемого», несравненно меньше. Иными словами, какое мне дело до того, в чём на самом деле нуждается человек, если я добро не для него делаю, а для успокоения своей совести? И вроде бы добро добром, а ведь так можно и бабушку через дорогу перевести, хотя бы ей этого совсем и не надо было. Психологи ещё любят писать об избыточной материнской любви, когда мать проявляет чрезмерную заботу о своём чаде, постоянно опекает его, не отпуская от себя ни на шаг, и в итоге ребенок вырастает инфантильным, несамостоятельным, не способным решать элементарные проблемы взрослой жизни. Опять же: вроде и любит мать своё дитя, и намерения у неё самые добрые, но во что это выливается — судите сами. А вывод напрашивается сам собой: одними намерениями сыт не будешь; и любовь, и добро должны быть с умом. Подлинная любовь как раз подразумевает объективное воззрение на желания возлюбленного, стремление удовлетворить именно его, а не свои (пусть и неявные) потребности. С учётом этой оговорки любовь можно отождествить с субъективистским пониманием добра. Объективно же добро — это поступок.

Вероятно, не так много смысла в фильмах, обыгрывающих пресловутый «эффект бабочки», но сам этот «эффект» никак не даёт мне покоя, и здесь было бы уместно сказать и о нём. Идея проста: любое, пусть даже самое незначительное моё действие может иметь глобальные последствия, которые могут обнаружиться завтра, через неделю, год а то и через тысячу лет. Ибо как мы можем судить о том, что будет с нами дальше, если бесчисленное множество факторов влияют на нашу жизнь, и столь малы познавательные способности человека? Не потому ли терпят крах все умозрительные системы идеалистов, как то: коммунизм, Идеальное государство Платона, Город Солнца у Кампанеллы — что просто невозможно учесть всех необходимых для правильных выводов факторов, да ещё и предусмотреть изменение сегодняш-

них реалий по ходу истории? И это действительно важная мысль: стремясь совершить добрый поступок, и даже учитывая желания того, по отношению к кому этот поступок совершается, можете ли вы быть уверены в том, что ваше действие действительно приведёт к добру? Боюсь, что не всегда. Да и правда, будь всё так очевидно, люди давно построили б на земле рай: не дураки же они, в самом деле, отворачиваться от добра, когда оно имеет за собой столько выгод!

Таким образом, я прихожу к выводу, что понятие добра, дабы оправдывать свой традиционный статус одной из высших ценностей, должно учитывать действительные результаты действий, а не только «добрые намерения», «добрую волю» и т.п.: добро должно быть объективным. Что же до субъективного элемента в понятии добра, то он важен лишь в силу своей объективной значимости.

Это, в свою очередь, избавляет нас от множества предрассудков. Любая нравственная норма теряет свою абсолютную значимость, и если сказано «не убий», то это не значит, что мы не должны убивать ни при каких условиях. Напротив, условия теперь и приобретают главное значение. И правда, неужели нельзя убить маньяка в порядке необходимой обороны, или сломать руку грабителю, когда вышвыриваешь его из квартиры? Неужели нельзя обмануть мошенника, чтобы вернуть украденные им деньги обманутым людям? Да — я желаю преступникам зла, я желаю маньяку смерти, когда, обороняясь, убиваю его — и что?! С позиции субъективистского добра возникает проблема: себе я желаю добра, а другому — зла, так нравственен ли мой поступок? С позиции объективного добра желание изначально не важно: убивая маньяка, я приношу пользу не только себе, но и обществу, я предупреждаю новые жертвы, спасаю людей. Объективно в моём поступке больше хорошего, чем плохого, если я, конечно, сам не такой же маньяк или преступник.

Но здесь, безусловно, возникает гигантская, и в то же время банальная проблема: а как определить, каких последствий больше, положительных или отрицательных? Ссылка на «ум» мало что даст, разве что сработает как успокоительное и усыпит бдительность. В действительности повода успокаиваться у нас нет. Наш «ум» — коим некоторые всё ещё надеются подчинить бессмысленную стихию природы, придать веренице случайных событий и страстей хоть какую-то направленность и смысл — наш ум на протяжении всей многовековой человеческой истории не упускает случая в очередной раз доказать нам свою несостоятельность. Мы обречены то и дело осознавать неосуществимость и иллюзорность всех высочайших своих стремлений, и стремление делать добро — не исключение; обречены блуждать, спотыкаясь, то и дело попадая в тупик, в том числе — при поиске ответа на вопрос «что такое хорошо, а что такое плохо?». Ох бы и поставил меня в тупик крошка-сын из знаменитого стихотворения Маяковского, если бы задал мне этот вопрос! Семён Франк так писал: «Человечество в своей эмпирической исторической жизни совсем не движется «вперед»; поскольку мы мним обосновать нашу жизнь на служении общественному благу, осуществлению совершенного общественного строя, воплощению в коллективном быте и человеческих отношениях начал правды, добра и разума, мы должны с мужественной трезвостью признать, что мировая история совсем не есть приближение к этой цели, что человечество теперь не ближе к ней, чем век, два или двадцать веков тому назад». Вот такие дела! И это всё, что способен понять «выдающийся ум»? Пожалуй, что так; и философы могут дать нам только одну формулу: *entbehren sollst du, sollst entbehren*¹⁰ [1]! И сколько люди ни пытались, в мире всё также царят скорбь, смерть и слепота. На этот

¹⁰ Отречься от своих желаний должен ты, отречься! (нем.), «Фауст» И. В. фон Гёте.

счёт любопытно соотнести две цитаты. Одна — у Экклезиаста: «Участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так умирают и эти... и нет у человека преимущества перед скотом». Вторая — Гомера: «Из тварей, которые дышат и ползают в прахе, истинно в целой вселенной несчастнее нет человека». То есть человек, по сути, равен скоту, а отличается лишь тем, что несчастнее последнего! Вот тебе и идеал добра! Но о слабости морали я хотел бы сказать позже, а сейчас отметить, что человеку не так то просто отличить добро от зла, потому и вымощен ад благими намерениями.

В самом деле, какие душевные терзания должен испытывать полководец, ведущий народ на войну, когда исход этой войны — целиком лишь его предположение, и он понятия не имеет, будут ли оправданы историей те огромные жертвы, которые сулит эта война! Можно ли быть здесь уверенным, что поступаешь правильно? А между тем жизнь требует принять решение. Но не стоит идти на войну, чтобы понять эту мысль. Представим, вы стоите в очереди в магазине. Тут в магазин входит ваш друг, и вы пропускаете его впереди себя. Вроде бы добро ему сделали. Но, во-первых, стоящие сзади вас окажутся недовольны; иной раз так можно и до перебранки дойти. Далее, друг покупает последнюю пачку сигарет, которые вы тоже хотели купить. Вряд ли это можно назвать добрым поступком с его стороны (мог бы сначала поинтересоваться, не за тем же ли вы стоите) — и это уже второе негативное последствие. И хоть ваш друг сделал это не намеренно, он вполне мог вызвать в вас негативные эмоции (а это — третье). А может и не взял бы он эту последнюю пачку, чёт с ней, но всё равно не понятно, какой поступок можно назвать «хорошим». И что же делать?

Я думаю, тут нужно вновь вспомнить субъективное добро: ведь не всякое, далеко не всякое доброе намерение ведёт к плачевному результату! Если есть желание сделать доброе дело, оно наверняка воплотится в какое-нибудь благо. Как ведь говорят — было бы желание. В этом смысле субъективное добро имеет

свою особую ценность, выступая уже в новой роли — не основным, а вспомогательным ориентиром, и кроме того — стимулом к более тщательному обдумыванию своих поступков. «Разумно ли ожидать от капитанов, что они станут так поворачивать штурвалы, чтобы корабли их не сталкивались между собой, если сами корабли — старые, разбитые посудины, и штурвалы вообще не поворачиваются?», — пишет К. Льюис, тем самым утверждая, что важны не только последствия наших действий, но и их предпосылки. То есть: человек должен быть добрым, чтобы быть способным делать добрые дела. «Быть добрым», представляется, и означает «иметь добрую волю, добрые нравы и намерения». Если этого нет, то всякое ожидание добра в корне неразумно — оно наивно. Это, конечно, важное замечание, не дающее сбросить со счетов субъективный фактор. И когда человек уступает своим страстям с мыслью, что «это никому не повредит, поэтому здесь нет ничего плохого», он наверняка ошибается: это вредит как минимум ему самому, его стойкости и воздержанности, почитаемым обычно как добродетели, а значит рано или поздно повредит кому-то ещё. Таким образом, субъективное добро по возможности должно быть в основе добра объективного.

Действительно: когда нравственный поступок приводит к хорошему результату, мы однозначно считаем его добрым; когда безнравственный поступок наносит вред, мы рассматриваем его как плохой. Но в случае, когда доброе намерение ведёт только к худшему, равно как и в случае, когда безнравственность оказывается полезнее обществу, чем милосердие (например, на войне или в условиях рыночной конкуренции), мы начинаем задумываться. Мнения складываются разные, но в целом как плохое намерение, так и плохое последствие рассматриваются в качестве недостатков, подлежащих устранению. Это связано с тем, что в действительности для достижения блага важен как объективный, так и субъективный элементы. И общественные нормы морали, как мы можем видеть, выражаются как в виде требований к поступкам,

так и в виде требований к намерениям. Но здесь добро предстаёт уже как формальное выполнение общественных предписаний, а не как результат (объективное добро) или намерение (любовь) в чистом виде (и может быть и тем и другим).

3

Для описанной выше проблемы я вижу и другое решение, которое должно выступать в тандеме с совершенствованием субъективных начал. Я сказал выше, что человеческий «ум» мало смыслит в вопросах добра и зла, а потому часто затрудняется отличить одно от другого. Но до кое-чего этот ум всё-таки додумался - это те самые нравственные постулаты, которыми мы привыкли руководствоваться в повседневной жизни. Конечно, они не всегда оказываются верны, не всегда ведут к благу, но взять некоторые из них за основу мы, безусловно, можем. Во многих случаях это заметно облегчит умственную работу, и позволит избежать глупых ошибок. В то же время мне хотелось бы предостеречь читателя от цепляний за каждое нравственное убеждение, свойственное близким ему людям или сегодняшнему обществу в целом: ориентироваться здесь следует лишь на свой собственный ум и на тех людей, которые отличаются сознательностью взглядов и разумностью поведения. На мой взгляд, существует лишь несколько обобщённых формулировок, которые стоит взять на заметку, хоть они и не претендуют на точность и всеобщность.

Это, во-первых, два варианта категорического императива И. Канта: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» и «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству (и в своем лице, и в лице всякого другого) как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству». Интересно, что сам Кант признавал, что этот принцип не может быть всеобщим законом, так как «преступник, исходя из этого, стал бы приводить доводы против своих карающих судей и т. д.».

Кроме этого, обращает на себя внимание «золотое правило морали»: «Не поступай по отношению к другим так, как ты не хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе». Можно выразить его и по-другому: «(не) делай другому то, что (не) желаешь себе», или «(не) делай того, что ты находишь (не)похвальным в другом». Это правило в той или иной форме встречается у Сократа, Платона, Аристотеля, Сенеки и других философов, а также свойственно множеству религий: индуизму, исламу, иудаизму, буддизму, конфуцианству. Схожей формулировкой располагает и христианство: «возлюби ближнего своего, как себя самого».

Особое внимание необходимо обратить на феномен «нравственного чувства», которое многие философы (в основном, английского просвещения) видели основой всей нравственности. И по своей природе, и вследствие воспитания мы интуитивно чувствуем, что является хорошим, а что плохим. Это чувство выражается в идеалах добра, справедливости, честности и пр. Следование указанным идеалам, вне зависимости от тех промежуточных результатов, к которым оно может привести (часто лишь мнимо хороших или мнимо плохих) также может выступить одним из ориентиров нравственного поведения. Это то, что Ницше назвал «любовью к дальнему» (т.е. к абстрактно-идеальному, а не конкретно-промежуточному).

Следует также сказать и о полезности в деле добра любых рекомендаций (формулировок), способствующих объективному видению мира (и, соответственно, потребностей других людей). Однако рассмотрение этих рекомендаций должно быть предметом труда по гносеологии, а не по этике.

4

Итак, мы выяснили, что добро — понятие объективное, но, как правило, невозможно без субъективных предпосылок, и коснулись вопроса о том, как отличить добро от зла. Теперь я хотел бы остановиться на проблеме методов, которыми добро долж-

но воплощаться в жизнь — проблеме не менее важной. Здесь на ум приходят два способа служения добру: словом и делом. На вопрос, какой из этих способов лучше, однозначного ответа, по-моему, нет. Кто-то сразу ответит, что слова — это пустое, и добру надлежит выражаться в конкретных действиях, приносящих благо непосредственно, или, по крайней мере, служащих примером для окружающих. Однако же очевидно, что и «слово» зачастую являет собой то же самое «дело»: верно подобранные слова могут помочь в трудной жизненной ситуации не меньше, а то и лучше каких-либо иных действий; в виде совета или нравоучения они так же могут служить полезным ориентиром для заблудшего человека. В то же время «действия» в качестве примеров не всегда могут быть истолкованы правильно хотя бы потому, что представляют собой казусы — обладающие своими индивидуальными, лишь им присущими особенностями случаи. Решение проблемы согласно центристскому варианту — «важно как слово, так и действие» — тоже не отличается полнотой: в конкретной ситуации важным вполне может оказаться только одно из двух.

Следует также подчеркнуть, что не только действия имеют свои последствия, но и бездействия. Ибо даже если мы ничего не делаем, это тоже каким-либо образом сказывается на окружающем мире и на нас самих. Не оказал тяжело раненому первую помощь — всё равно, что убил; не отреагировал на полуночные крики о помощи, доносившиеся с улицы, — всё равно, что ограбил. И хотя в тюрьму за это вряд ли посадят, тем не менее, очевидно, что вред нанесён не меньший. Ведь стоило побороть свою лень или глупость, сделав то, чего требовала ситуация, и можно было бы избежать трагедии. Не случайно общество порицает равнодушие. В момент самого акта добра, цель, правда, ещё не достигнута, поэтому соотносить её со средствами не всегда легко, но это другой вопрос, нами уже рассмотренный. Просто мы должны чувствовать ответственность за то, что мы делаем,

действовать разумно и добросовестно, по возможности бескорыстно, и не ставить на первое место личную выгоду. А дальше иерархию ценностей каждый выбирает сам. Я вряд ли могу указывать другим людям, чьи интересы они должны поставить выше, а чьи ниже в конкретной ситуации: свои, любимого человека, друзей, коллег, семьи, общества, государства или всего человечества.

Но в любом случае истинно добрый поступок исходит лишь от подлинной любви, и поэтому здесь уместно привести следующие соображения. Любя кого-либо, мы любим его целиком, безоговорочно принимаем всю его человеческую сущность, общую для всех людей, и, кроме того — индивидуальные качества конкретной личности. Но если нет принятия «общечеловеческого», нет и любви. Любовь к одному человеку, таким образом, неразрывна с любовью ко всем людям. И если один человек любит другого, он через него должен бы полюбить и весь мир, иначе такое чувство сложно назвать любовью, это скорее «эгоизм вдвоём» (т.е. отношение к другому человеку как к полезной вещи). Следовательно, можно предположить общие для всех любящих людей мотивы поведения. Любящий наверняка не будет ставить блага любимого выше сопоставимого с ним блага множества других людей; так же и настоящий друг вряд ли пожелает навредить всем вокруг, лишь бы защитить интересы товарища и т.п. Всё это, впрочем, не преминет оказаться умозрительным, но ясно одно: любовь — обязательное условие, при котором возможно применение с добрыми намерениями методов, типичных для зла.

Опираясь на книгу русского религиозного философа И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», можно назвать ещё одно условие использования «злых методов» в благих целях. Это стойкость души в добре, имеющая три функции. Во-первых, она необходима, чтобы удержаться от соблазна использовать принуждение в корыстно-неправедных целях. Во-вторых: чтобы творящий добро человек мог искоренить в себе следы «душевной заразы», остав-

шейся после столкновения со злом, и отравляющей этого человека изнутри. Эта «душевная зараза» проявляется, в частности, в подспудном искушении поступать так же, как те злодеи, против которых ведётся борьба. Наконец, в-третьих, стойкость души в добре необходима, чтобы избавить душу от возможного очерствения и ожесточения, связанного с восприятием зла и сопротивлением ему, не допустить отчаяния и разочарования в добре, дать человеку силу для нового сопротивления злу, если таковое окажется необходимым. В целом же следует заметить, что стойкость «души», по всей видимости, достигается ни чем иным, как живущей в сердце благодетеля любовью.

5

Продвинемся немного дальше, и рассмотрим другую этическую проблему, связанную с категорией любви. Проблема следующая: нравственное чувство хоть и выполняет благородную цель, противодействуя природному эгоизму во благо жизни в обществе, но чревато противоположной эгоизму крайностью — бездумным альтруизмом. Дело в том, что многие люди видят в «служении добру» свой смысл жизни, забывая при этом, что добро никак не может быть смыслом, ибо оно лишь средство достижения оно. И нравственность (в нерелигиозном плане) не может быть чем-то большим, чем «переряженной пользой». Добро — это такая штука, которая приносит пользу, но смыслом-то является не оно, а сама эта польза. Добро необходимо для выражения любви, для достижения благополучия и счастья, для того, чтобы человек, «самая несчастная тварь на Земле», мог испытывать ещё и радость — такую радость, которая невозможна для других животных. Тогда, и только тогда, человек ощущает себя полноценным созданием, истинно Человеком. Но чтобы достичь всего этого, нельзя ни на секунду забывать, что добро — это лишь средство. По этой же причине и любовь не может пониматься как смысл жизни: смыслом будет то, что она несёт с собой. Я обращаю на это внимание

вот почему. Люди вообще любят увлекаться идеями, всё преувеличивать и нарушать меру. Нередко это приводит к тому, что добро оборачивается злом, польза — утратой, стремление к благополучию и счастью — страданиями. Многие мыслители высказывались в этом русле. «Такой пустоте, как добро ради добра, вообще нет места в живой деятельности», — утверждал Гегель, а Бердяев вторил ему: «Нет ничего более злого, чем стремление осуществить во что бы то ни стало благо».

Что же тогда понимать под «всеобщим благом», средством к достижению которого я мыслю любовь и добро? Всеобщность означает, что благо распространяется не на каких-то отдельных людей и не на одного человека в ущерб всем остальным, а на всех сразу, и, в то же время, не только на всё общество в целом, но и на каждого его члена. Следовательно, в тех случаях, когда желание меньшинства может сосуществовать с желаниями большинства, оно обязательно должно быть исполнено. Однако реалии жизни таковы, что очень часто какое-либо действие принципиально не может служить благом для всех членов той или иной социальной группы (кому-то оно всё же причиняет вред), и тогда проявляется другое отличие концепции всеобщего блага от концепции блага большинства. Оно состоит в том, что в определённых случаях не отдельная личность должна будет жертвовать своими интересами ради общества, а само общество пойдёт на уступки конкретному человеку. В каких именно случаях оправдано жертвование большинством ради меньшинства — решается в каждом обществе отдельно. Современные государства, как правило, гарантируют каждой личности набор «естественных и неотчуждаемых» прав и минимальное соцобеспечение, которые не могут быть отняты у этой личности, хотя бы это и вредило остальному обществу¹¹. В целом граница между двумя изложенными пониманиями обще-

¹¹ Мимоходом хотелось бы уточнить, что благо большинства совсем не обязательно соответствует мнению большинства: ясно, что независимое и компетентное меньшинство будет лучше бездумной толпы понимать, что нужно последней.

ственного блага весьма расплывчата, однако важно следующее: при оценке нравственности того или иного поступка с позиции всеобщего блага огромное значение имеет также и польза, которую принёс этот поступок самому совершившему его человеку.

Итак, если человек видит в добре свой смысл жизни, то он либо вообще не понимает, в чем необходимость добра (что в условиях фатального несовершенства человеческого разума характеризует его не лучшим образом), либо путает понятия, на самом деле видя смысл в «помощи ближнему». Во втором случае он неизбежно забывает о самом себе, о своём личном благе (точнее отождествляет его с благом других, что одно и то же), низводит себя до «средства», что наверняка приведёт к разочарованиям. Да, я ранее говорил о том, что добрые поступки от чистого сердца рано или поздно рождают в этом сердце любовь к людям. Но ведь если человек почитает себя за средство удовлетворения чужих потребностей, то наверняка он не любит самого себя! А если не любишь себя — нечего отдать и другим. Отсюда важное правило: прежде чем делать добро другим, обрети любовь к самому себе. «Превышение меры» при понимании добра как смысла заключается именно в том, что человек отдаётся благотворительности, не имея для этого предпосылок: он словно рвётся в бой, не позаботившись об оружии. Возможен и другой вариант: отдаваясь делу добра, человек впоследствии теряет любовь к себе, так как низводит себя до средства.

Здесь, впрочем, необходимо уточнить, что речь идёт не столько о любви к себе, сколько о любви вообще, о любви как о некой внутренней очищающей душевной (психической) силе, которая только и позволяет нам жить в этом безбожном мире и вместе с тем — радоваться такой жизни. Эту психическую силу правильнее назвать жизненной силой, или любовью к жизни. Но поскольку человек тоже есть жизнь, из любви к жизни с необходимостью вытекает и любовь к себе. Аналогия с любовью к себе возможна ещё и потому, что речь идёт о чём-то «внутреннем», коренящимся

ся непосредственно в самой личности. Понятно, что эта любовь противоположна эгоизму и нарциссизму. Любить себя — вовсе не означает считать себя замечательным человеком и во всем себе потакать. Напротив, любовь заставляет меня принимать людей, несмотря на все их недостатки, а не скрывать эти недостатки (но в то же время из этого не следует, что нельзя наказывать людей за их проступки, ибо даже любящие родители наказывают своих детей). Более того, здоровая любовь, в отличие от эгоизма, рождает «потребность давать». Любящий не может не давать (т.е. делать добро), ему нужно быть добродетельным, потому что в этом выражение его жизнеспособности, в этом — проявление его душевного богатства, и ему приятно давать, он делает это совершенно бескорыстно.

«Внутренняя» любовь (душевная сила, любовь к жизни) по своей сути является условием и гарантией «стойкости души в добре» и любви «внешней», о которых я говорил выше. Её можно понимать и как «первоначальный капитал», из которого посредством благосозидающей деятельности можно сколотить целое состояние. О том, как раздобыть этот «капитал», нам уже поведал Льюис: просто поступайте так, как будто он у вас уже есть. Иными словами, поступать следует так, как если бы вы уже имели любовь в своём сердце. И это не то же самое, что низводить себя до средства: ибо любовь к жизни (и к себе) предполагает самодостаточность, а восприятие себя как средства, напротив, означает неполноценность.

Таким образом, любовь к жизни — это сила, являющееся условием и причиной альтруизма. Без неё альтруист, делающий добро другому, не будет делать добро себе, он не получит никакой награды, но, вполне возможно, придёт только к саморазрушению, ведь будучи и без того бедным, отдаст последние крохи. Так и в Библии: «Всякому имущему дано будет, а у неимущего отнимается и то, что имеет». Если же человек любит себя и жизнь, то он только приобретёт от своего самопожертвования, ибо последнее прино-

сит ему счастье и радость (в этом — одно из важных проявлений концепции всеобщего блага).

В завершение подчеркну, что любовь является лишь одним факторов субъективного аспекта добра. Нетрудно заметить, что желать блага другому человеку можно не из любви, а просто вследствие своего надлежащего воспитания, глубоко усвоения норм нравственности в процессе социализации. В менее предпочтительном варианте желание сделать что-то хорошее для других вызвано страхом перед наказанием за нарушение социальных норм. Но и в этом случае можно говорить о сознательном благожелании. Воспитание и кара за невоспитанность вообще суть типичные способы социальной регуляции, приводящие, однако, к таким же типичным результатам. Любовь же — это способ достичь в деле добра чего-то большего, преобразить себя и мир, именно поэтому я говорю о любви в контексте альтруизма.

6

Но вот что. Любовь — это, конечно, прекрасно и замечательно, и всё же с горечью приходится констатировать, что она не вечна. Точнее говоря, идеальная-то любовь, которую воспевают в романах, или которой любит нас — бесконечных грешников — Господь, конечно же, вечна. Но кто из нас способен на неё? Кто может похвастать столь огромной душой, столь безграничной внутренней энергией, которая только и позволяет забыть об алчности и корысти, радоваться вполне тому, что уже имеешь, и, примирившись с миром, что преисполнен зла и несправедливости, обрести вечное счастье? Не говорит ли, наконец, человеческая истории о слабости в мире не только добра, но и, вместе с тем, любви? И вот — все мы обречены рано или поздно очередной раз потерять почву под ногами, вновь разочароваться в жизни и остаться один на один со своими бесами — неразрешимыми вопросами «жизни и смерти» — когда весь мир, все естественные и социальные закономерности словно восстают против тебя. Так, по причинам

самым разнообразным мы оказываемся неспособными сохранить любовь внутри себя, и даже такая малость, как любовь к себе, исчезает: вместо неё появляется отвращение ко всему, что хотя бы издали напоминает высокие чувства.

Вопрос о том, что делать в такой ситуации волновал многих мыслителей, но явно выходит за рамки темы моего повествования. Я же хочу обратить внимание на поразительную слабость, которая порой обнаруживается за красивыми словами «добро» и «любовь». И эта слабость свойственна как «слову», так и «делу». Какая язвительная насмешка чувствуется в словах Льва Шестова, когда тот описывает всю бесполезность проповедей и нравоучений гр. Толстого! Мол, одни читатели его произведений лишь насладились «художественным талантом великого мастера», и даже ухом не повели по поводу какого-то там нравственного долга, другие же попытались следовать провозглашенным заветам, но у них ничего не вышло, и они вынуждены были признать своё поражение: «дело «добра» нисколько не подвинулось вперед». «Я знал одного фабриканта миллионера, — пишет Шестов, — отдавшего свои деньги на проценты и считавшего себя толстовцем. И этот случай — не исключение». Что же касается «дела», Шестов здесь приводит пример, описанный Л. Толстым в книге «Так что же нам делать?». Ужасы, открывшиеся глазам Толстого при обхождении московских приютов для бездомных и бедных людей, подтолкнули его заняться благотворительностью. Одно время граф обходил бедных, помогал им, не раз давал деньги, но... в итоге бросил их, потому что им «нельзя было помочь». Ни одного из них гр. Толстому, по его же собственному признанию, спасти не удалось: «из всех этих людей... я действительно не помог никому, несмотря на то, что для некоторых из них было сделано то, чего они желали, и то, что, казалось, могло бы поднять их».

Изложенные факты приводят меня к мысли, что к делу добра, равно как и к делу любви, нужно подходить с особой осторожностью. Впрочем, как и ко всяким другим идеалам, чрезмерное ув-

лечение которыми неминуемо влечет за собой крах надежд и разочарование. Поклонение идеалам представляет собой попытку уйти от поиска истины, легкими путями обрести вновь точку опоры. Даже сами писатели и философы, провозглашая в книгах те или иные теории и идеи, делают это вовсе не для того, чтобы докопаться до правды, окинув действительность своим «беспристрастным» взором и проанализировав её своим «исключительным» разумом, а затем только, что посредством этих идей они жаждут найти ответы на мучающие душу вопросы; а раз вопросы «мучают», ответ должен быть «успокаивающим», опора и утешение в идеях необходимы им до крайности. И тут уж не до глубокого скепсиса, не до критического взгляда. Так будем же умеренны в восприятии идеала добра, и помнить, что идеал — это всегда что-то совершенное и неосуществимое, чуждое нашему несовершенному миру. Ницше не зря предостерегал моралистов: «Не желай быть врачом у безнадежного больного». Есть и другое его высказывание в том же духе: «Тот, кто борется с чудовищами, должен следить за собой, чтобы самому не обратиться в чудовище. Попробуй подолгу смотреть в пропасть, и она заглянет тебе в глаза». И действительно, ревнители нравственности имеют против себя весь мир, всю жизнь. Не удивительно, что иные мыслители отваживаются называть добродетель «немогущей, гордящейся своими лохмотьями».

Но означает ли всё это, что нужно, по примеру Ницше, принять и полюбить мир таким, каков он есть, включая всё зло, что нам уготовлено? Следует ли из «лохмотьев добродетели», что нужно преклониться перед страданиями, несчастьями и потерями? Думаю, это такое же заблуждение, как и чрезмерное возвеличивание добра. Федоров пишет по поводу ницшеанского *amor fati*, что это, по сути, «желание остаться скотом..., формула величайшего унижения..., подлый страх, не позволяющий себе даже спросить: точно ли неизбежно это рабство разумного у неразумного». К этому хочется добавить, что любить зло в принципе невозможно. И если даже кто-то утверждает, что он любит зло, наверняка этот человек

любит на самом деле не его, а то благо, которое должно, по его мнению, последовать в итоге за «злом». Ведь так же, как немощное добро может обратиться злом, когда, например, некто, имея добрые намерения, на деле ничем помочь нуждающемуся не может, и в результате оба от угнетающей безысходности впадают в отчаяние (а «благодетель» ещё и требует от попавшего в беду человека «уважения» и тому подобного), или когда мораль предъявляет нам невыполнимые нравственные требования, да ещё и не берегающие от бед, или когда именем добра и прикрываясь благими намерениями люди творят беззаконие, убивают и грабят, и, наконец, когда добро объявляет нас безнравственными и грешными, ничего более не давая, так и зло — страдания, потери и несправедливость — может оказаться добром.

Подобная «неочевидность» добра и зла ведёт нас к вопросу об ответственности людей за свои действия. Ибо мало иметь добродетели — нужно ещё и не перепутать их с пороками (порой трусость зовётся терпением, расположение злу — прощением), мало руководствоваться нравственными постулатами — нужно ещё убедиться в их истинности и применимости к данной ситуации, мало стремиться к благу — нужно быть уверенным в правильности своих действий и совершать их обдуманно. И это притом, что человек, если подумать, вообще не может отвечать ни за одно из своих действий, так как все они предопределены влиянием внешних условий, предшествующими и настоящими событиями, законами природы. В принципе, человек в этом ничем не отличается от примитивного растения или камня, разве что способен осознать свою примитивность. И что же, мораль заставляет его отвечать?! Да. И думается мне, вполне обоснованно. Ибо вопрос этот, конечно, более теоретический, чем практический. На практике страшно даже представить ситуацию, когда все люди вдруг разом почувствовали бы свою безнаказанность, и стали поступать в угоду своим желаниям, пусть даже самым низким: тогда наступил бы полный хаос, в котором хорошей жизнью похвастались бы лишь единицы. А потому не

станем говорить, что человек есть «необходимое следствие» и не обладает свободой воли. Он, может быть, и правда ей не обладает, но всё же обречён выбирать, так как не ведаёт своей судьбы; и всё, что он выберет, и станет его судьбой, что с начала времён была предначертана ему природой. Сартр говорил по этому поводу, что человек обречён на свободу. Свобода же предполагает две вещи: напряжённое мышление и ответственность. И я думаю, что если мы действительно постараемся быть разумными, то стремление к добру не покажется нам уж столь бесполезной вещью. Эрих Фромм писал, в частности: «Если верить в доброту человека как в его единственный потенциал, то обязательно будешь видеть факты в искаженном, розовом свете и, в конце концов, жестоко разочаруешься. Если верить в другую крайность, то превратишься в циника, и не будешь замечать в себе самом и в других многочисленные возможности творить добро. Реалистический взгляд видит действительные потенциалы в обеих возможностях и исследует условия, при которых они соответственно развиваются».

Таким образом, ни слабость идеала добра, ни предопределённость не освобождают нас от обязанности стремиться к всеобщему благоденствию. Вместе с тем несправедливо порицать того, кто, искренне желая сделать доброе дело, не смог преуспеть в своём начинании. Ибо кому многое дано, с того и нужно много спрашивать, а кому дано мало, того следует пожалеть. Из этого же вытекает и то, что не всякий человек, многого добившийся, заслуживает похвалы. Но даже если и заслуживает, это ещё не повод для гордости, потому как все его старания, успехи и достижения были ему суждены, и у него просто не было иного Пути, кроме как исполнить предначертанное. На место гордости у такого человека должна прийти радость за свою Судьбу, на место мысли «какой я хороший человек» должна прийти мысль «как хорошо, что я изменил мир к лучшему».

(Вот только как определить человеку, к каким свершениям он способен? И если его личная мораль противоречит общественным устоям, как понять ему, что прав именно он? «Тварь я дрожа-

щая или право имею?» — вопрос, который стоит перед каждым, кто считает себя Достойным. И дай Бог, чтобы ответ, в отличие от известного всем литературного примера, был верным, и дан был без обращения к убийственным экспериментам...)

7

Впрочем, не всегда нужно менять его к лучшему, как бы странно это ни звучало. Дело в том, что явления окружающей действительности сами по себе ни хороши, ни плохи. Понятия добра и зла появляются лишь тогда, когда речь заходит об отношении какого-то субъекта к этим явлениям, об их пользе или вреде для него. Но если дело только в отношении, то не всё ли равно, на что направить свои усилия — на изменение объективной реальности или же своего субъективного восприятия этой реальности? Не проще ли просто поменять своё отношение к событию? Очевидно, что иногда это гораздо проще. Не всегда, правда, ибо в самовнушении наши возможности так же ограничены, как и во всём другом. Однако же призадуматься есть над чем. Мы часто не можем получить удовлетворение от жизни, так как постоянно хотим чего-то большего по сравнению с тем, что имеем; мы не контролируем свои потребности. В то же время такой контроль вовсе не является чем-то противоестественным — речь идёт об элементарной дисциплине, о самовоспитании, которые только и позволяют человеку выжить в этом мире. Если уж на то пошло, дисциплина и самоконтроль, на мой взгляд, должны быть едва ли не главными жизненными принципами для каждого человека.

Дисциплинированный человек умеет различать желания естественные и навязанные. Ко вторым относятся те, что или внушены нам другими людьми в корыстных целях, или просто обманчивы и вызваны завистью, сравнением или стереотипами. В случае навязанных желаний мы хотим того, чего на самом деле нам не нужно. Эти желания возбуждаются в нас не только всевозможной и вездесущей рекламой, но и ложными общественными ценностями

и пр. Деньги, слава, популярность среди противоположного пола, карьера, победы на различных конкурсах, алкогольные вечеринки, стильная одежда, модные направления и «искусства» — всё это считается достойным нашего внимания, вынуждает отказываться от собственного «я» и стремиться к чему-то другому. Любопытно сравнить сегодняшние ценности с философией Эпикура, который делил желания на три вида: 1) естественные и необходимые; 2) естественные, но не необходимые и 3) неестественные и не необходимые. При удовлетворении только первой группы желаний Эпикур уже считал счастье возможным. Очевидно, что под естественными и необходимыми нуждами понимаются базовые физиологические (в питании, минимальной одежде, тепле, движении, воздухе): если человек не сможет удовлетворить их, он попросту умрёт. Что же получается, имея так мало, человек может обрести счастье? Да! — и более того, такого человека совесть не позволяет назвать бедным: какой же властью над своими желаниями он обладает! «Величайшая власть — это власть над собой» — как тут не вспомнить великую мудрость. Но ведь и стремление к добру, в конечном счете, сводится к удовлетворению собственных потребностей, нельзя ли и здесь решить проблему отказом от всякого рода излишеств? Лично я убеждён, что мы далеко продвинемся в деле добра, научившись этому. Нам просто сложно принять тот факт, что всё зависит лишь от восприятия, а сам по себе мир — не плохой и не хороший (и не должен быть таковым, он просто есть). Сенека верно заметил: «Нас угнетает не неприятность сама по себе, а то, как мы ее воспринимаем». Вообще, стремление к бездумному накопительству всевозможных «внешних» благ свойственно только современной западной цивилизации с её извращённой экономической системой, направленной на производство в огромных количествах вещей, людям вовсе и не нужных, но навязываемых им под различными предлогами. На самом деле, и древние это хорошо знали, истинное благо находится внутри нас самих. И если мы его не замечаем, это лишь свиде-

тельство нашей психической неполноценности. Вспомним также, что во всяком деле — а значит, и в деле добра — важна умеренность. Закон меры, в диалектическом материализме вообще ставший ядром всякой философии, в отношении проблемы нравственности (помимо уже поднятых аспектов) проявляется и в том, что иногда лучше не размышлять над нравственной оценкой того или иного явления, а просто принять его. Это позволит избежать мелочных придирок к себе и к другим, равно как и вызывающих злобу нотаций и нравоучений, а также возникающих на пустом месте угрызений совести.

Таким образом, есть все основания говорить о третьем, помимо «слова» и «дела», способе стремления к добру: это способ «мысли». Применяется он только по отношению к самому себе, но ведь помогая себе, воспитывая себя, мы помогаем и другим! Во-первых, так мы уступаем там, где упорство чревато войной. Во-вторых, мы развиваем себя духовно, развиваем любовь к себе, мы учимся радоваться жизни, и в результате начинаем делиться этим богатством с окружающими. Наконец, дисциплинированность делает наши действия более обдуманными и рациональными, что непременно сказывается на степени достижимости идеала добра. Однако, как и в других случаях, в применении данного способа важно соблюдение меры, и здесь главное правило: не опускаться до намеренного самообмана.

На этом я хотел бы закончить свои размышления, и подвести им следующий итог. Добро имеет своей целью достижение всеобщего блага, которое является его объективным критерием. В то же время в основе объективного добра должны лежать благие субъективные намерения, которые соответствуют универсальным нормам нравственности, а также личные добродетели. В этом случае можно говорить о дозволенности любых методов, если они используются во имя добра. Всякое действие или бездействие есть либо добро, либо зло; при этом отличить добро от зла порой

очень сложно, равно как и добродетель — от порока; история на протяжении веков доказывает человечеству неосуществимость идеала добра, а личный опыт говорит нам о неизбежности падений и разочарований, о неспособности видеть истину и принимать всегда правильные решения. Именно поэтому данная статья не претендовала ответить на все вопросы, и уж тем более — сделать это посредством исчерпывающих, четких и обнадеживающих выводов. Как сказал Шестов, философия должна бросить попытки отыскания вечных истин, её задача — научить человека жить в неизвестности.

БОЖЕСТВЕННАЯ ТРАГЕДИЯ

В одном из интервью у режиссёра сериала «Братья Карамазовы» по одноимённому роману Достоевского спросили, чем сегодня на его взгляд актуальны «Братья Карамазовы». Тот ответил: «Поиском ответа на вопрос: действительно ли все позволено, если Бога нет?».

Что ж, содержание гениального романа величайшего мастера, конечно, не сводится только к одному вопросу; в то же время вопрос этот действительно проходит через всё творчество Достоевского. Вопрос, с одной стороны, банальный. Задай его сегодня, почти каждый ответил бы на него отрицательно: «Нет, отсутствие Бога ещё не означает отсутствие морали». В самом деле, нынешняя мораль насквозь светская; ни у кого не вызывает сомнения, что правила поведения, которыми люди руководствуются в повседневной жизни, созданы обществом, а не Богом, и общество же следит за их исполнением. Мы сами принимаем законы, создаём тюрьмы — в общем, жизнь идёт своим чередом, и до Всевышнего никому особо дела нет. Принято даже считать (и, пожалуй, вполне справедливо), что если от совершения безнравственного поступка человека удерживает лишь страх перед адом, то это свидетельствует как раз о слабом усвоении моральных норм.

Так почему же Достоевский столь остро ставит вопрос о Боге? Причём не только в «Братьях Карамазовых», — пожалуй, что и во всех своих произведениях! Чтобы понять это, нужно понять само мировоззрение писателя. Человеку, считает он, сложно, и даже невозможно просто так вычеркнуть Бога из своей жизни. Господь даёт нам веру в лучшее, веру в любовь и добродетель. Он даёт нам объективный и несомненный смысл жизни, а в месте с ним и прочную духовную опору, без которой мы обречены на вечные скитания и сомнения. Изгнать Бога из души означало бы подвергнуться тотальному опустошению, потерять жизненные ориенти-

ры, и оказаться один на один с враждебным тебе миром, малейший каприз которого способен поставить на колени даже самых отважных людей. Осознание этой враждебности и безнадежности способно повергнуть человека в глубокое отчаяние. Действительно, человек вроде бы и понимает, что отличается от других животных наличием разума и слабостью инстинктов, вследствие чего способен принимать более эффективные и продуманные решения, чем животные, которые руководствуются только инстинктом, но мир диктует ему *такие* условия, при которых самые благие начинания неизбежно терпят крах. И даже когда мы четко сознаём, *что именно* следует сделать для того, чтобы изменить жизнь к лучшему, обстоятельства давят на нас с первых же шагов: мы не можем преодолеть ни самих себя, ни пресловутую социальную систему! Хуже того, наш так называемый «разум» приводит порой к таким большим идеям, расплачиваясь за которые, люди склонны животным *завидовать*. Но странно: мы продолжаем смутно надеяться на лучшее! Мечтать о том, что когда-то в мире воцарятся любовь и добро, и все обретут свободу и счастье...

Да что свобода и счастье! Таких светлых идеалов человечество напридумывало себе целую кучу. Вот только незадача: их исполнение зависит исключительно от степени развития в человеке разумного и духовного начала; стоит же только задаться вопросом, насколько вообще сформированы в нём эти качества — обнаружится явный прокол. Человек, видимо, существо и впрямь крайне гордое, раз осмелился называть себя Разумным! Я смотрю вокруг, и вижу людей, которые только и желают, чтобы отказаться от остатков свободного разума — ибо последний накладывает ответственность, и проще быть частью толпы, бездумной марионеткой... Я смотрю вокруг, и вижу неонацистов, продажных чиновников, порно в Интернете, шлюх, гопарей и наркоманов в подворотне, рекламу (где только её не размещают!). Я вижу загрязнение вод, вырубку лесов, горы гниющего мусора; плачу о животных, замученных на скотобойнях. Я наблюдаю ци-

низм, эгоизм, жадность и грубость, которые воспринимаются как норма. Я схожу с ума каждый раз, когда вновь осознаю низость господствующей массовой культуры. В каждом выпуске новостей я слышу о грязных политических играх, и иногда кажется, что политики обманывают не только народ и друг друга, но и каждый из них — самого себя... Впрочем, здесь они не отличаются от других людей — все поголовно занимаются самообманом, пытаюсь обвинить в своих бедах других, и оправдать себя, в том числе своё бездействие. Я вижу людей, которые беспрерывно ищут удовольствия, не понимая, что тем самым они обрекают себя на вечное недовольство. Их потребности удовлетворяет оупляющая, погружающая в летаргический сон и иллюзорные миры индустрия развлечений — кино, концерты, клубы и дискотеки, популярная музыка, компьютерные игры. Меня бросает в дрожь от тех фильмов, которые показывают сегодня в кинотеатрах, и явно не потому, что это фильмы ужасов, а потому что их культурный уровень настолько низок, что слова «культура» и «искусство» здесь вообще вряд ли применимы. Меня выворачивает наизнанку от тех книг, которые продаются сегодня в книжных магазинах: жанр фэнтэзи только поначалу кажется противным, пока не увидишь «Дом 2: жизнь после шоу» или серию книг Дарьи Донцовой. Но всё это мелочи, по сравнению с тем, что каждый день я вижу людей «униженных и оскорблённых», павших с небес, преданных и раздавленных судьбой, разочарованных в жизни. В лучшем случае они просто чертовски устали от однообразных будней, от пребывания в роли автоматов, от разыгрывания изо дня в день одних и тех же ролей, от бесконечных обязанностей и бесконечного стресса. Но рано или поздно происходит срыв, и тогда их души заполняют эгоизм, злость и безжалостность. Я вижу людей слабых, не способных более сопротивляться обстоятельствам, сражаться за высокие ценности, к чему-то стремиться. Их силы — растрочены, воля — на нуле. И они готовы признать, что Донцова — это нормально, лишь бы от них отстали, лишь бы больше не думать ни о чём.

И вот верь после всего этого в светлые идеалы и в торжество человеческих возможностей! Ага, и счастье, конечно, возможно, и добро будет царить в мире, ибо будет царить в сердцах людей. Ага, и настоящая любовь возможна, только после секса. И истина в цене, пока она на вашей стороне, играет на руку и приносит прибыль. И мы, конечно, сами строим свою судьбу, пока она не поставит нас на место... Размышляя обо всём этом, начинаешь невольно подозревать, что все великие учителя нравственности, вещая красивыми фразами об истине, самопожертвовании, любви и милосердии, лишь притворялись, скрывая за фасадом всё те же проклятые своекорыстие, алчность и черствость души.

У Шекспира в «Короле Лире» есть замечательная фраза: «От медведя ты побежишь, но, встретив на пути бушующее море, к пасти зверя пойдешь назад». Не потому ли Достоевский вернулся к идее Бога, что осознал ничтожность всех тех идеалов, которые рисовало человечество в своих самых заветных мечтах? Не потому ли он так остро ставил вопрос о Боге, что понял невозможность счастья, любви, свободы, наконец добра — без Бога? Раскольников убивает двух человек «ради идеи» — идеи, не лишённой смысла, между прочим. Но как было понять ему, что он не «исключительная личность»? А если такая идея придёт в голову императору или президенту, наделённым правом объявлять войну, кто убержёт человечество от страшных последствий таких заблуждений? Людские добродетели оказываются крайне слабы, а сам человек — жалок в отсутствии Бога, и Достоевскому остаётся лишь надеется на Него, верить в Него, без Которого все нравственные устремления катятся к чёрту. Ибо если природа не одарила нас разумом, то в этом случае можно, по крайней мере, надеяться на Сверхразум. Явление «карамазовщины», описываемое Достоевским, следует рассматривать именно как внутреннюю полемику личности по поводу идеалов свободы, любви и добра. Разочаровавшись в жизни, и не найдя опоры в Боге, герои Достоевского отдаются сладострастию не безотчётно, а вполне сознательно: их так и тянет

наплевать в святом месте, они получают циничное наслаждение в унижении добра — тем самым протестуя против навязывания неосуществимой по сути идеологии. Иван Карамазов и его «Легенда о Великом Инквизиторе» — лучший пример для анализа тайных страхов писателя. Это не Ивана «Бог мучает», а самого Достоевского. О любви к ближнему Иван говорит: «Отвлеченно еще можно любить ближнего и даже иногда издали, но вблизи почти никогда». А выдуманный им Инквизитор по поводу свободы, без которой невозможны ни любовь, ни нравственность, заявляет: «нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается». В другом месте читаем такое высказывание Ивана: «На всей земле нет решительно ничего такого, что бы заставляло людей любить себе подобных... если есть и была до сих пор любовь на земле, то не от закона естественного, а единственно потому, что люди уверовали в свое бессмертие». Короче говоря, вывод очевиден: нет Бога — нет любви, нет добродетели. Но, в то же время, вся «Поэма о Великом Инквизиторе» Ивана сводится к одной лишь мысли: человек не может существовать без Бога в душе, сколько бы против него не восставал. Инквизитор, обвиняя Христа, обнажает бессмысленность своих устремлений, ведь когда называешь Бога несправедливым, кого избере́шь в защитники этой самой справедливости? Поэтому Достоевский продолжает надеяться на Бога, верить в Его существование, в Его всемогущество, которое только и способно спасти мир от несчастий и бед, верить в Его добрую волю и конечную оправданность допущения Им зла на Земле; в этой вере и пытается найти утешение.

Правда проскальзывает иногда, а иногда даже настойчиво лезет в голову мысль, что Бог — всего лишь выдумка, «образ и подобие» человека, что Он — лишь совокупность всех тех идеалов и благ, которые мы жаждем достичь. Мы ведь так в Нём нуждаемся — не удивительно, что Он существует! А что если на самом деле все религии есть следствие психологической потребности

человека оправдать собственную жизнь? — мы просто хотим верить, что всё происходящее правильно, и все беды в конечном итоге оправданы, что смерть — не конец, что миром правит добрый парень... Миф о Боге, вероятно, является главной составляющей грандиозного обмана, которым кружит себе голову Человек Разумный. Без Бога вера в возможность счастья на Земле теряет всякие основания. Достоевский на свою беду обо всём это знал, и потому ужасные сомнения продолжали мучить его до конца жизни...

Но если бы проблема была только в существовании Бога! Да пусть бы Он и существовал — знание этого факта, хотя бы и абсолютное, не спасает. Ибо хоть мы и показали, что только Всемогущий в силах изменить проклятую человеческую судьбу, но не учли, что Он сам и обрёк человечество на эту судьбу, изгнав наших прародителей из рая. С чего бы нам тогда думать, что он изменить своё решение? Между прочим, в самой же Библии недвусмысленно указывается на тщетность наших нравственных усилий и бессмысленность надежд на лучшую жизнь: «Всё суета! Что пользы человеку от трудов его... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем», — говорится в Книге Экклезиаста. Действительно, вера в Бога зачастую не спасает нас от зла. И Достоевский не мог с этим не согласиться: в одном из эпизодов романа «Идиот» князь Мышкин приводит сразу четыре примера, подтверждающих эту позицию. Среди прочего он рассказывает историю о двух крестьянах, один из которых, «не вор... честный и по крестьянскому быту совсем не бедный», увидел у другого серебряные часы, которые до того ему понравились, что он, когда его друг заснул, «подошёл к нему осторожно сзади, наметился, возвёл глаза к небу, перекрестился и, проговорив про себя с горькой молитвой: «Господи, прости ради Христа!» — зарезал приятеля с одного раза, как барана, и вынул у него часы». Из этого эпизода видно, что вера в Бога порой несколько не мешает человеку совершить тяжчайший грех. Более того, отказаться от греха людей не заставило даже пришествие Христа — законы Мира

продолжили действовать, породив на базе христианства сначала крестовые походы, а затем и инквизицию. В результате последних всё то новое, что привнёс с собой в мир Христос, обратилось десятками тысяч погибших от голода, жары или морских бурь, либо проданных в рабство, десятками тысяч сожжённых на кострах людей и сотнями тысяч разрушенных семей. Что же, христианская вера не только не оберегает нас от злых деяний, но подчас и подталкивает к ним?! По крайней мере, очевидно, что вера подчас служит удобной «ширмой» или оправданием для недобрых дел. Коммунистическая историография, к слову, любила обвинять Церковь в покровительстве господствующему классу, в одобрении эксплуатации человека человеком. Вывод ко всему сказанному неутешителен: даже если Бог существует, и Он всемилостлив, страдания на Земле всё равно не прекратятся до самого конца времён.

Да и прекратятся ли эти страдания после смерти, увидим ли мы рай? Достоевский и здесь не забывает о возможности разных мнений. Один из его героев — Свидригайлов — рассуждая о будущей жизни, произносит: «А что, если там одни пауки или что-нибудь в этом роде... Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится». Раскольников возмущается столь неутешительной мыслью: неужто и после смерти не восторжествует справедливость! — но Свидригайлов непреклонен: «А почём знать, может быть, это и есть справедливое». Вероятно, столь же непреклонен к себе был и создатель образа Свидригайлова...

К слову сказать, Достоевский — действительно великий ум. Помимо названных проблем он умудряется найти ещё одну, и вкладывает её в уста всё того же Ивана Карамазова. В разговоре со своим братом Алёшей Иван приводит множество случаев невинного страдания маленьких детей: реальных историй об

издевательствах, истязаниях и убийствах. Истории эти настолько жуткие, а описанные в них поступки настолько чудовищны, что даже у праведника Алёши в отношении совершивших их людей возникает только одно желание: «Расстрелять! — тихо проговорил Алеша». Вот так послушник! Вот такой идеал праведника у Достоевского! Но ведь логика решения проста: расстрелять, — ибо недопустимо, чтобы дети, которые ещё не знают, что есть хорошо, а что плохо, и не могут в полной мере сознавать своих поступков, чтобы они — *tabula rasa*, которых нельзя ни в чём обвинять, нельзя наказывать и заставлять расплачиваться ни за свои, ни тем более за чужие поступки, — страдали и мучались только потому, что несправедливость жизни и жестокость судьбы — это часть Великого Божественного плана, по исполнению которого наступит высшая гармония. Нет — никакой «божественный план», по мнению Ивана Карамазова (читай — Достоевского), не способен оправдать и слезинки замученного ребёнка. Иван *отказывается* от Божьей помощи, даже если Всевышний и способен ему помочь. Ему не нужна высшая гармония: «слишком дорого оценили гармонию, — говорит он Алёше, — не по карману нашему вовсе столько платить за вход [в рай]. А потому свой билет на вход спешу вернуть обратно. И если только я честный человек, то обязан вернуть его как можно заранее. Это и делаю. Не бога я не принимаю... я только билет ему почтительнейше возвращаю»...

Впрочем, Достоевский хоть и понимает слабость идеи Бога, тем не менее продолжает верить в её силу: всё же здесь речь идёт о сверхъестественном существе, а значит и о сверхъестественных возможностях. Он пишет даже: «если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». Иными словами, ради религии Достоевский соглашается пожертвовать даже истинной. Но не удивительно: религия даёт людям надежду, а без последней, по убеждению писателя, жить невозможно. Но коль скоро религиозные ответы на проблему

человека ставятся Достоевским под большое сомнение, мы видим, что многие герои его романов преисполнены отчаяния и пессимизма, целиком завладевших их душами. Они оказываются во власти своеобразной «духовной болезни», приводящей, в конечном счете, к попранию самых основ нравственности. Имя этой болезни — деструктивность¹². Она-то и есть краеугольный камень проблемы вседозволенности.

Деструктивных героев у Достоевского действительно много. «Сон смешного человека» рисует нам одного из них: персонажа, которому «всё равно». Ему безразличен мир, безразличны судьбы людей; он знает, что ничего не изменит, и всё будет идти своей чередой. Он даже перестал думать, потому что ему было всё равно. Последствия такого безразличия Достоевский видит весьма отчетливо: «смешной человек» частенько задумывается о самоубийстве; в один из мрачных вечеров он даже твёрдо решает покончить с собой... Другой пример деструктивного героя — Свидригайлов. Он предельно циничен, отрицает нравственность. На его совести самоубийство слуги, четырнадцатилетней девочки, отравление жены. И мы узнаём по ходу романа: преступив нравственный закон, Свидригайлов ничего кроме скуки и презрительного к себе отношения не приобрёл. Он пытается развлекаться, но тщетно; Дуня отказывает ему, и он, не видя способов изменить свою жизнь, стреляется из револьвера. Принцип вседозволенности свёл Свидригайлова в могилу, и в этом — мировоззрение Достоевского. Такую же судьбу писатель уготовил в «Братьях Ка-

¹² Согласно словарям, это «отрицательное отношение человека к самому себе или к другим и соответствующее этому отношению поведение». Деструктивность блокирует плодотворную энергию человека, являясь препятствием на пути здорового развития; её следствием выступают эгоизм, ненависть и цинизм. Одной из форм деструктивного поведения, направленного внутрь себя, можно считать депрессию, которая также не чужда героям Достоевского. Следствием аутодеструктивности может быть и самоубийство, но прямой зависимости между этими понятиями нет. В целом, деструктивно ориентированный индивид не любит ни себя (как такового), ни других людей, ни мир в целом, и потому несчастен.

рамазовых» отцеубийце Смердякову. Любопытно заметить: оба героя — безнравственные атеисты, которые не имеют надежды...

Хотя конечно, не каждый согласится с тем, что атеизм и безнадежность непременно ведут к суициду. Интересно в связи с этим обратиться к творчеству французского писателя и философа Альбера Камю. Главный герой его повести «Посторонний», атеист Мерсо, как и «смешной человек» Достоевского, ко всему происходящему относится с поразительным безразличием. Но мысли о самоубийстве отчего-то не приходят в его голову. Напротив, смерть представляется ему такой же безразличной, как и всё остальное. Не сказать также, что этот человек деструктивен: он вообще ни разрушать, ни создавать не стремится.

Какие же философские основания есть у Камю для изображения такого героя? Позицию писателя лучше всего раскрывает его главное произведение — «Мифе о Сизифе». В этом философском эссе Камю пытается ответить на важнейший вопрос философии: стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой? При этом он изначально постулирует, что Бога и вечной жизни не существует, что это лишь обман, которым утешают себя люди, чтобы примириться с теми бедами и испытаниями, которые встречаются на их жизненном пути. А раз так, автор хочет быть честным с собой и с читателем, и, погружаясь в мир, «где больше нет надежды», ставит вопрос следующим образом: можно ли жить, постоянно осознавая безнадежность, бессмысленность, никчёмность и конечность своего существования? В конечном итоге Камю отвечает на этот вопрос утвердительно, замечая попутно, что при такой жизни возможно лишь одно желание — жить как можно дольше, полностью исчерпать эту жизнь. Уже здесь мы видим первые зачатки эгоистичного гедонизма, ведь «исчерпать жизнь» можно как посредством эксплуатации других людей, так и без покушения на их права, свободы и законные интересы. Но Камю не проводит такого различия. Напротив, он говорит далее, что для человека, отрешившегося от всех бессмысленных надежд и от веры в Бога, на-

ступает полное безразличие к будущему, и он живёт по принципу «после меня хоть потоп». Камю утверждает, что в такой ситуации *не важно, каков именно наш жизненный опыт (хороший или плохой, полезный или вредный), важно лишь его наличие*. Из этого же в конечном итоге выводится полное отрицание всякой морали, ибо «если все виды опыта равноценны, то опыт долга не более законен, чем любой другой». Мы видим, таким образом, что из атеизма и безразличия писатель окольными путями выводит аморализм.

Этот философский опыт Камю имеет для нас существенное значение, поскольку способен дать альтернативный ответ на вопрос Достоевского о том, возможна ли жизнь без надежды. Что же явилось результатом этого опыта? В «Постороннем» Камю рисует нам персонаж, для которого не составляет труда принять участие в коварном замысле своего знакомого, желающего избить и унижить свою любовницу. Причем Мерсо совершенно не интересуется, заслуживала ли любовница такого обращения, ибо ему нет дела до справедливости. Ему также нет дела до человека, которого он убил — его не пугает мысль, что он сам мог бы стать жертвой такого безразличия... Таков — новый человек, живущий без Бога в душе и без надежды в сердце. Ни свою, ни чужую жизнь он не ставит ни в грош. Так, на вопрос следователя о том, сожалеет ли он, что убил человека, Мерсо ответил, что испытывает «не столько сожаление, сколько досаду». О своей скорой смерти он высказывался схожим образом: «Ну что, я умру. Раньше, чем другие, — это несомненно. Но ведь всем известно, что жизнь не стоит того, чтобы цепляться за нее».

К слову, примеры некоторых типов людей, живущих без толики надежды на лучшее, Камю рисует нам и в «Мифе о Сизифе». Первым примером такого типа заявлено «Донжуанство». Камю видит в Доне Жуане свой идеал, поскольку тот «все знает и ни на что не надеется». При этом он признаёт, что Дон Жуан представляет собой, в сущности, заурядного соблазнителя, бабника, который «торопится от одной женщины к другой», причем вовсе «не пото-

му, что ему не хватает любви» или его не устраивает нынешняя пассива, а потому что он хочет «исчерпать эту жизнь», познавая всё новые и новые формы любви. Дон Жуан понимает, что разбивает женщинам сердца, оставляя их в состоянии душевной горечи и опустошения, но для него это не является проблемой, ведь согласно взглядам Камю опыт отчаяния также полезен, как и опыт радости. В итоге мы наблюдаем образ безнравственного эгоиста, использующего людей как средства удовлетворения своих потребностей, а когда те удовлетворены, — бросающего этих людей словно надоевшие игрушки. Камю сам признаёт, что мораль для Дона Жуана — «это его симпатии и антипатии», но пытается оправдать такую позицию, говоря, что Дон Жуан в этом плане «как все». Оправдание, конечно, не вещь какое, и в целом поэтому идеал Камю предстаёт достаточно слабой альтернативой предыдущим идеалам, философом отвергнутым. И здесь действительно уместно слово «идеал», потому как Камю, хотя и называет в качестве главной предпосылки своего исследования отказ от всякого рода надежды на будущую лучшую жизнь, основанной на несбыточных идеалах, но в сущности предлагает нам новую иллюзию, столь же несбыточную, как и все предыдущие. Ибо всех его героев, живущих без надежды, объединяет одно действительно редкое среди людей качество: они достойно и смело принимают свою Судьбу такой, какова она есть, принимают все те испытания, которые она им преподносит, ибо «знают об иллюзорности всех царств». Так, про Дона Жуана Камю говорит, что он «принимает все правила игры» и знает, что «ему не уйти от наказания». В качестве другого примера автор называет образ Актёра, который знает, что Церковь осуждает в его искусстве «разгул страстей» и склонность ума к невоздержанности. Актёр понимает, что ему грозит отлучение от Церкви и, вполне возможно, лишение вечной жизни, но не бросает своё ремесло, ибо «судьба не является карой» для героев Камю. Вопрос в том, насколько «реальные» люди готовы терпеть лишения ради призрачной идеологии «жизни без надежды на луч-

шее, в погоне за новыми ощущениями», жизни, которая «не стоит того, чтобы цепляться за нее». Камю говорит, что жизнь с незатуманенным надеждой рассудком возможна, но при этом совсем не анализирует реальность того стиля жизни, который он считает правильным. Получается ещё один обман, только теперь не ради блаженства, а непонятно зачем — ради лишений. И дело здесь не только в оправдании отрицательного опыта. Стоит только увлечься погоней за ощущениями, как сразу обнаружишь, что твоя жизнь чрезвычайно бедна на ощущения, что в ней ничего не происходит: ты не перевоплощаешься ежечасно, как Актёр, не меняешь любовницу, как Дон Жуан и т.д. Твоя жизнь — это нудное движение в рамках замкнутого круга: одни и те же лица, одни и те же занятия, и даже развлечения. Это, конечно, тоже жизнь, но это только один вариант из тысячи тысяч, которые потенциально заложены в твоём будущем. Но у тебя слишком мало возможностей и слишком мало времени, и вот — очередная философская идея приводит к очередному разочарованию (последователи идеолога Абсурда здесь наверняка возразят, что отсутствие опыта суть тоже опыт, вот только пойди объясни это простому обывателю! остаётся лишь сослаться на то, что опыт разочарования — тоже опыт...).

В итоге, главный вопрос остался неразрешённым. Возможна ли в действительности жизнь без единой надежды? Если нет, то способна ли атеистическая позиция предложить людям такую идею, которая в своём гуманизме смогла бы заменить веру в Бога? Иными словами, возможно ли, не прибегая к религиям, вселить в наши умы *разумную* веру в лучший мир, который человек смог бы построить *сам*: для себя и для будущих поколений? Как бы то ни было, один вывод из вышесказанного напрашивается определённно: хотя Достоевского и упрекали часто в том, что его герои не производят впечатление «настоящих» (за ними легко угадывается сам автор), но и персонажи Камю не отличаются правдоподобностью. А значит, философия абсурдизма не способна защитить человека от опасности отчаянной деструктивности.

Разрушающему падению виднеется лишь одна альтернатива: суетность и безликость обыденной жизни, в которой нет места глубоким чувствам из романов Достоевского. Эта жизнь, в которой царят стадный конформизм и собственничество, лицемерие и эгоизм, в которой отчаяние заглушают алкоголем и безудержным потреблением; жизнь, в которой люди, нисколько не задумываясь, забивают свою голову сумасбродными учениями и убеждениями, дабы забыться в иной, не столь безрадостной реальности, а порой даже следуют за глашатаями этих учений прямо в тартарары. Каждый гордится здесь себе забор, и лишь мимолётные увлечения способны на миг сблизить нас, однако всё это так быстро рушится под натиском обыденного сознания, что люди успевают проникать друг в друга лишь физически — во время соития... Конечно, со всем этим можно смириться — можно привыкнуть к ужасающему поначалу порядку. Человек вообще существо на удивление хорошо приспособляющееся, вот только иногда для этого надо стать бесчувственным автоматом... Но что делать тем, кто мириться не хочет? Тем, кто хочет созидать во благо человечества? Одна мысль в этом направлении никак не даёт мне покоя. Религию отчего-то принято считать утешением для слабых, «опиумом для народа», что не совсем справедливо. В этом безбожном мире тем, кто решил сражаться за правду и любовь, опора нужна не для того, чтобы забыться. Это — *сильные* мира сего, способные возвыситься над нашей нескладной эпохой, вырваться из царства дьявола, но даже их сил недостаточно, чтобы не упасть обратно на дно. Тем не менее, это возвышение позволяет им увидеть всю однобокость современного «научного атеизма», и *тогда* все аргументы материалистического сознания разбиваются о непреложность их внутреннего чувства — чувства, которое тысячелетиями хранилось нашими предками, и никому из них не приходило в голову отвергать его как «ненаучное». Это чувство было для них источником цельности и самодостаточности, из которых и рождаются жизненные силы, не позволяющие снова оказаться на дне...

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

За последние сто лет кто только не писал прямо или косвенно о так называемой «экзистенциальной проблеме». Человек «заброшен» в этот мир, он слаб и одинок, и ему не на что опереться. Будучи подвластен обстоятельствам, блуждая в плену неизвестности, он не чувствует себя самодостаточным, и потому «нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается» (Ф. Достоевский, «Братья Карамазовы»). Всемогущий и всеблагостный Господь мог бы стать нашим спасением, но раз уж мы со своей наукой отреклись от него как от детского мифа, приходится искать новые пути.

Что же остаётся человеку, действительно отказавшемуся от всяких идеалов? Не найдя никакой опоры в мире, и чувствуя бездну внутри себя, ему остаётся лишь один путь, что смог бы унять боль скитающейся души. Речь идёт об *отказе* от души, об отречении от собственной личности. Одна из форм такого отречения — **отождествление себя с природой**, когда человек полностью отказывается от тех своих качеств, которые определяют его как вид, равно как и от всех последствий этих качеств. Иными словами, человек полностью отрекается от всех благ цивилизации, перестаёт быть частью общества, более того — перестаёт создавать какие бы то ни было вещи и орудия труда (поскольку другие животные не обладают такой способностью). Идеал такого поведения отстаивали в Древней Греции киники. Они призывали людей к предельному ограничению своих потребностей, упрощению быта, к освобождению от догм религии и культуры и от общества в целом. Правда, вдобавок ко всему они призывали отказаться от института семьи, хотя даже в природе у многих животных пары сохраняются на протяжении всей жизни, а беспорядочные половые связи отсутствуют. Как бы то ни было, в идеологии единения

с природой следует выделить два явных недостатка. Во-первых, для большинства жителей планеты сегодня она означает по сути добровольное согласие на голодную смерть. Человек неспособен выжить в дикой природе, не используя свой рассудок и добывая пищу одним только собирательством (за исключением особо благоприятных природных зон). Именно развитый мозг и наличие абстрактного мышления отличают человека от других животных, являясь тем достижением эволюции, которое позволяет нам выживать в природе. Поэтому отказ от них, по сути, означает отказ от жизни, а призывы киников к неграмотности, к игнорированию всякого теоретического знания, в высшей степени утопичны. Второй недостаток кинизма заключается в том, что он не учитывает, что человек в принципе не может просто так отказаться от тех духовных задатков, которые заложены в нём от природы. Он в любом случае продолжает сознать себя и свою ничтожность (или, по меньшей мере, чувствовать это на подсознательном уровне), и проблема остаётся неразрешённой. Поэтому древние и верили в сверхъестественных богов и потусторонние силы, причём религия развилась у них гораздо раньше, чем появилось земледелие, которое, казалось бы, и превратило человека из дитя природы в её эксплуататора. Кроме того, древние люди не мыслили себя вне общины, полностью отождествляя её интересы со своими. Из этого следует, что единство с природой само по себе малопродуктивно, а пожалуй даже и утопично (не в меньшей степени, чем те светлые идеалы, которые призывают развивать сугубо человеческие феномены — душу и разум). Обособившись на заре истории от мира природы, человек так и не обрёл мира вечного и совершенного, и остался в пограничном состоянии между этими мирами, оба из которых могли бы дать ему покой и гармонию, но оба оказавшиеся ему недоступными. Ницше писал по этому поводу: «Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над пропастью». Этим высказыванием он хотел показать, что у человека есть только два пути: или «вернуться к со-

стоянию зверя» или «превзойти человека», став сверхчеловеком. Трагизм заключается в том, что возврат к животному состоянию представляется таким же нереалистичным, как и осуществление идеалистических философских концепций. Даже у первобытных людей единство с природой основывалось исключительно на религиозном представлении об окружающем мире как о «божественной» системе (нечто вроде сочетания пантеизма и анимизма), то есть выходом из экзистенциального вакуума служила именно религия, а не природа как таковая.

В связи с проблемой единения человека с природой интересно рассмотреть концепцию инстинкта смерти, развитую Зигмундом Фрейдом. Фрейд утверждал, что любой живой организм, так или иначе, стремится к восстановлению первичного (неживого, неорганического) состояния. Иными словами, наряду с влечением к жизни в каждом существе присутствует влечение к смерти. Поскольку гармония с окружающим миром (для человека также душевная, психологическая гармония) является целью всякого созидания, постольку и влечение к смерти оказывается оправданным и рациональным, ибо смерть есть гармония с миром. Умирая, мы сливаемся с природой, и она перестаёт быть враждебной по отношению к нам. Чувственное восприятие исчезает, и мы уже не способны ощущать посторонний мир, становясь миром сами. Несмотря на то, что дуалистическая теория влечений, развитая Фрейдом, осталась непризнанной большинством психоаналитиков, она достойна упоминания в контексте нашего повествования хотя бы с философских позиций. Оставляя в стороне спор о наличии тех или иных врожденных инстинктов у живых организмов, благодаря этой теории мы можем отметить, что отречение от собственной личности с помощью единения с природой, в сущности, равнозначно смерти. Поэтому как решение проблемы человеческого существования такое единение указывает нам лишь на один способ — самоубийство. И если мы хотим ответить на вопрос «как жить?», а не «жить или умереть?», то мы должны отвергнуть этот способ.

Однако существуют и другие формы самоотречения, которые могли бы стать решением «экзистенциальной проблемы». Один из путей отчасти противоположен единению с природой, и связан с **отождествлением себя с отдельными людьми или каким-либо обществом как системой**. В этом случае человек подчиняет себя некоему авторитету или всему социуму, некритично принимая их установки, стандарты, вкусы и предпочтения, а также верования и убеждения, и — в конце концов — образ жизни в целом. Цель самоотречения в пользу общества удачно выразил Эрих Фромм: «Если я похож на любого другого, — пишет он, — если у меня нет мыслей и чувств, которые отличали бы меня от других, если в привычках, в одежде, в мыслях я следую общепринятому образцу, — я в безопасности; я спасён от ужасающего переживания одиночества». При этом Фромм отмечает, что большинство людей сегодня даже не осознают этой потребности подчиняться. Они свято уверены в том, что следует своим собственным убеждениям, а то, что эти убеждения совпадают со взглядами большинства лишь подтверждает их правильность. Представляется, однако, что такое подчинение коллективу содержит в себе целый ряд негативных аспектов. Во-первых, социальные нормы поведения могут оказаться не только не приносящими никакой материальной пользы обществу, но и наносящими ему существенный вред. В России, например, широкое распространение получила коррупция, и несмотря показную критику данного явления со стороны общественности, более половины граждан России хотя бы раз в жизни давали взятки, то есть совершали преступление. По международным данным уровень озабоченности российского населения уровнем коррупции в стране один из самых низких в мире. В связи с этим можно сделать вывод о том, что коррупция в России признаётся социально допустимым явлением (не случайно государство одним из основных мер по борьбе с коррупцией объявило пропаганду нетерпимого к ней отношения). Следовательно, ориентация на социальные стандарты

означала бы положительную или равнодушную оценку коррупции, либо приобщение ко всеобщему лицемерию, что с учётом очевидного вреда от неё вряд ли можно отнести к достоинствам подчинения социуму. Во-вторых, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что великие научные открытия, равно как и социальные преобразования, позволяющие человечеству перейти на новый уровень развития, совершаются, как правило, людьми «не от мира сего», которым хватило мужества противопоставить себя обществу, пойти против господствующего мнения или даже государственного строя ради высшей идеи. Подчинение таких людей социальным стереотипам в мышлении и поведении поставило бы крест на прогрессивном развитии человечества, привело бы к полной деградации всего человеческого общежития. В-третьих, ориентация на общественную оценку своих действий при отсутствии независимой самооценки приводит к тому, что человек стремится зарекомендовать себя в обществе как добропорядочного и успешного, независимо от того, каким он является на само деле («на самом деле» для такого человека не существует, так как единственным критерием истины является общественное мнение, и большинство не может быть неправо). В результате это приводит опять же ко всеобщему лицедейству и лицемерию. Наконец, в сфере духа конформистская ориентация лишает людей мужества и приводит к тотальному равнодушию, релятивизму и нигилизму.

Как уже было сказано, сродни обычному конформизму (вытекающему из поклонения обществу как могущественной системе) — подчинение индивида одной или нескольким конкретным личностям. В частности, если индивид имеет постоянный непосредственный контакт лишь с двумя-тремя знакомыми, подражать он будет именно им, и глупо ожидать от него конформного поведения по отношению ко всему обществу, ведь для такового попросту не будет психологических предпосылок. Встречая других людей, такой человек будет принимать их установки, только

если те не противоречат установкам постоянного коллектива. Тем не менее, и здесь мы имеем дело с конформным характером, конформистской ориентацией в чистом виде. Негативные последствия такой ориентации сходятся с последствиями «стадного чувства» по отношению ко всему обществу. Конформист так или иначе рискует не совершить открытий, не достигнуть высот, для достижения которых у него имелись выдающиеся способности. Он также рискует сковать себя предвзятыми взглядами и установками, мешающими взаимоотношениям вне привычной группы. Кроме того, человек, полностью подчинивший себя какой-либо малой группе, становится глух и безразличен ко всем людям, которые в эту группу не входят, и чья нравственная негодность по поводу его поведения не приведёт для него к серьёзным последствиям. Иными словами, такой конформизм создаёт питательную почву для «коллективного эгоизма», наплевательского отношения к остальной части социума. Это проявляется, в частности, в том, что на политических выборах избиратели вместо того, чтобы сделать выбор, необходимый всему обществу, начинают лоббировать интересы лишь тех социальных групп, принадлежность к которым им особенно дорога (например, национальных общин). Что касается подчинения отдельным авторитетным личностям, здесь можно упомянуть Гитлера и Сталина, которые собрали вокруг себя огромные толпы психологически нуждающихся в них людей, выполнявших не задумываясь всё, что прикажет им вождь.

Помимо подчинения обществу есть ещё один вариант самоотречения в пользу внешней силы или авторитета. Это **подчинение какой-либо идее или убеждению**. При этом человек, как правило, не задумывается о том, насколько эта идея правильная. Важно лишь, чтобы она давала какие-нибудь преимущества. Например, оправдывала бесцельно прожитые годы, затраченные впустую усилия, или давала безусловную гарантию нравственной обоснованности будущих действий. И тогда на

человека словно снисходит озарение: «А ведь воистину, правильная идея!». В психологии подобные ситуации определяются при помощи термина «рационализация»¹³. Лев Шестов в своих трудах наглядно показал, что все философские идеи являются, в сущности, рационализациями. Философ, как правило, искренне убеждён, что его взгляды суть непреложная истина, а развитые им идеи отражают подлинную структуру мироздания. Однако причина такого убеждения, по мнению Шестова, проста: философ посредством своих идей хочет оправдать собственную судьбу, своё поведение; поэтому каково положение мыслителя — такова и его мысль. И конечно, эту мысль разделят те, кто находится в схожем положении. Так люди погружаются в выгодные иллюзии, не желая видеть ничего, что находится дальше их носа. Интересно, что наряду с подчинением этим иллюзиям, люди считают их неотъемлемой частью самих себя, вещью, которая повышает их самооценку. В итоге, некритично принимая навязываемые мысли или идеи, избегая всестороннего анализа собственных взглядов, индивид не просто оказывается носителем ложных идей, которые могут навредить и ему самому, и окружающим, но и пытается всячески *защитить* эти иллюзии как свою *собственность*. Перемешиваясь с собственничеством, естественная склонность людей к всевозможным рационализациям (оправданиям) своих взглядов выливается во всеобщую нетерпимость, невежественные споры, ссоры и действия. Формально идея совсем не обязательно вредна, даже если ложна. Идея также может быть вполне объективной. Од-

¹³ Под рационализацией понимается механизм психологической защиты, при котором в мышлении используется только та часть воспринимаемой информации, и делаются только те выводы, благодаря которым собственное поведение предстаёт в выгодном свете. Иными словами, рационализация — это поиск разумного объяснения для поступков, имеющих неосознаваемые причины. Так, пассивное поведение может быть оправдано осторожностью, агрессивное — самозащитой, а равнодушное — желанием сделать окружающих более самостоятельными. При этом сам человек искренне верит в свои рационализации.

нако, тот, кто пытается найти в идее покой, вряд ли стремиться быть объективным, а субъективная установка опасна тем, что не позволит при необходимости отличить правду ото лжи, и предвидеть последствия тех или иных действий. Это — покорность собственной греховности вместо борьбы с нею. Клайв Льюис писал: «... покой нельзя обрести, если искать только его. Вот если вы будете искать истину, то, возможно, в конце концов обретете и покой; а если все ваши поиски направлены на покой, вы не найдете ни его, ни истины. Найдёте вы пустые речи да помышления, которые будут вам казаться истинной в начале пути, в конце же вас ждёт безнадёжное отчаяние».

Интересно, что любые религии, в сущности, можно рассматривать как подчинение человека внешней идее. В монотеистических религиях такая идея, кроме того, исходит от некоего всемогущего существа, поэтому такие религии можно рассматривать и как подчинение авторитетной личности. Говорить о негативных последствиях той или иной религии в преимущественно атеистическом обществе излишне, поэтому подчеркну лучший следующий факт. Какие бы страдания, разрушения и предрассудки ни несла религиозная идея, все они, так или иначе, оправдываются самой этой идеей, которая, в свою очередь, не может быть неверной, ибо исходит от Всевышнего божества (то есть, является абсолютным знанием об абсолютных ценностях). Поэтому с точки зрения религии упомянутые недостатки вовсе не являются недостатками, и о вреде религиозных убеждений можно говорить только тогда, когда вера в Бога признана абсурдным недоразумением, не имеющим под собой объективных оснований.

Я упомянул, что человек, стремящийся обрести психологическую уверенность, относится к своим убеждениям как к своей собственности. В этой связи логично рассмотреть следующий способ разрешения экзистенциальной проблемы — **собственность, или вещиизм**. Данный феномен можно определить как отождествление человеком себя со своей собственностью,

и восприятие им самого себя как совокупности вещей. Человек, заболевший вещизмом, оценивает себя положительно, если ему удаётся достигать всевозможных «успехов» (продвинуться по карьерной лестнице, заработать больше денег и купить презентабельный товар, стать знаменитым, «завоевать», как выразился Карнеги, много друзей, найти достойную пару и т. д.), и чувствует себя неудачником, если он не способен на подобные достижения. В сущности, человек в этом случае рассматривает качества своей личности как товар (продукт), который способен доставить ему некоторое благо. Высокое положение в обществе, умение что-то делать лучше других — всё это способно набить цену его личности, поэтому и рассматривается им как благо. Такая же логика распространяется и на собственно вещи: я могу придавать себе ценность лишь в том случае, если я обладаю дорогими вещами (Интернет-планшет, автомобиль класса люкс, костюм от модной фирмы, роскошная квартира и т. д.); если же я таковых не имею — я никто, я ничтожество. Сказанное позволяет увидеть то обстоятельство, что «шопоголизм» как одно из проявлений собственности далеко не всегда снимает у людей тревогу и депрессию, и не всегда повышает уровень их самоуважения: такое возможно лишь при достаточном уровне дохода. В то же время отождествление себя с вещами ведёт к аналогичному восприятию других людей. Так, заводя с кем-либо дружбу, мы, как правило, оцениваем, насколько этот человек будет нам полезен (будет ли он удовлетворять нашу потребность в общении, поддержке, совместном времяпровождении), иными словами, мы воспринимаем его исключительно как товар, как средство удовлетворения своих потребностей. Тем самым нарушается основной нравственный закон (категорический императив Канта) со всеми вытекающими отсюда последствиями. В обществе, заболевшем вещизмом, не может быть подлинной любви или подлинной доброты, потому как обе эти категории основаны на признании безусловной ценности личности другого человека. Но что дейст-

вительно свойственно такому обществу, так это жажда наживы, зависть и карьеризм.

Мания потребительства, столь распространившаяся в западных обществах за последнее столетие, недвусмысленно указывает нам на тотальную охваченность этих обществ вещизмом. Но если о проблеме консюмеризма говорят уже на каждом углу, то о других проявлениях вещизма почему-то умалчивается. Взять хотя бы стремительное развитие музыкальной и киноиндустрии. Музыка и кино ведь тоже «творения рук человеческих», только нематериальные. И сегодня они потребляются словно фастфуд — не для того, конечно, чтобы утолить голод (пусть и «духовный»), но чтобы избавиться от скуки, убить время, уйти от чувства одиночества. Современный человек не может оставаться наедине с собой — он сразу чувствует свою неполноценность, ничтожность, ему постоянно нужно заполнять пустоту своего внутреннего мира хоть каким-то содержанием. И если ему это удаётся — его самооценка почему-то повышается.

Впрочем, всеобщая погружённость в мир музыки и видео — лишь один из примеров одержимости такой «нематериальной вещью», как информация. Другим примером такого типа вещизма является, очевидно, стремление узнать как можно больше фактов, чтобы потом блистать этими знаниями в обществе, щеголяя своей «интеллектуальностью». Эрих Фромм в своей книге «Иметь или быть» также указывает на пассивное потребление информации как на проявление «принципа обладания» (собственнической ориентации), правда он рассматривает этот случай на примере слушающих лекцию студентов. Фромм пишет, что простое зазубривание лекции, равно как и стремление лишь зафиксировать информацию в тетради, без постижения её смысла, без попытки «пропустить материал через себя», свидетельствует о желании индивида *потреблять вместо того, чтобы жить*. Более того, он утверждает: «индивидам такого типа свежие мысли или идеи относительно какого-либо предмета внушают немалое беспокой-

ство, ибо все новое ставит под сомнение ту фиксированную сумму знаний, которой они обладают»¹⁴.

Не вдаваясь в подробности описанных выше негативных проявлений «интеллектуального вещизма», отметим как вывод, что информация и знания суть та же собственность, только «нематериальная»: отличие её от других вещей лишь в том, что она может принадлежать сразу нескольким людям. При этом, если принять во внимание тот факт, что наш век часто называют информационным, становится очевидным, что потребительство сегодня всецело распространилось и на интеллектуальную сферу.

Мы рассмотрели три способа, посредством которых человек пытается «забыться» и уйти от осознания собственного положения. Всем им свойственна одна общая черта: действие указанных способов рассчитано на достаточно длительный период, в течение которого человек заполняет свою душу чем-то внешним. Существуют также способы преодоления отчуждённости, действующие в отличие от всех вышеназванных лишь непродолжительное время, но вызывающие при этом сильное чувство наподобие экстаза, отличающееся предельностью и страстностью и захватывающее всего человека целиком (на миг человек может даже потерять ощущение времени и пространства). Самозабвение здесь достигается

¹⁴ У читателя не должно создаваться впечатление, будто всякое стремление к знанию, всякое прослушивание музыки или просмотр видео непременно вредны и неправильны. Одно дело – потребительство по малодушию, и совсем другое – использование произведения искусства с целью познания чего-то важного, для борьбы с унынием, получения необходимого сочувствия и т.п. Так же и стремление к знаниям может быть обусловлено вполне здоровым желанием познать истину с целью сделать свою жизнь более осознанной и продуктивной. Не следует приравнивать к собственничеству и простое стремление людей к материальному благополучию, если они признают при этом ценность человеческой личности как таковой, и эгоизм не является их принципом. Эгоизм является следствием собственничества как общей установки. Однако в повседневной жизни все люди так или иначе прибегают к вещизму по крайней мере в малозначительных ситуациях, что далеко не всегда ведёт к эгоистическому поведению.

несколько иным образом — путём достижения так называемого **оргастического состояния**, и носит соответственно иной характер — человек не соединяется с миром, а забывает про него. Среди способов достижения оргастических состояний сегодня наиболее популярными являются алкоголь, наркотики и секс. Соответственно им можно выделить три психических заболевания: алкоголизм, наркоманию и эротоманию (патологическую гиперсексуальность). Первые два на сегодняшний день вызывают особое беспокойство ввиду их широкого распространения, и применительно к России есть все основания говорить о них как о социальном бедствии. Поэтому кажется излишним напоминать, к каким последствиям могут привести указанные патологии. Что же касается «экзистенциальной» жажды секса, то очевидно, что она приводит к восприятию определённых людей исключительно как половых партнёров, то есть как тех, кто может дать что-то, доставляющее удовольствие. По сути, это то же самое восприятие человека как вещи, то же самое потребительство, которое наблюдается в увлечении материальными благами, идеями, музыкой или спиртными напитками. Всё это, в конечном счете, направлено на то, чтобы непрерывно воздействовать на эмоциональную сферу человека. Особенность же алкоголизма, наркомании и эротомании заключается в особо выраженном нездоровом влечении. И это не случайно, так как оргастические состояния временны и преходящи, и после того, как они прекращаются, неизбежно наступает опустошение, которое ведёт к чувству ещё большего отчуждения и желанию повторить экстаз (опьянение, оргазм) снова. Поэтому, несмотря на тот факт, что оргастические способы продолжают пользоваться популярностью у масс, очевидно, что эффективность их не безупречна. Ведь чем чаще к ним прибегаешь, тем привычнее, а значит слабее, та первоначальная эйфория, благодаря которой человек выходит за пределы себя и своей бренности.

Экхарт Толе пишет: «Многие люди используют алкоголь, наркотики, секс... как обезболивающие средства, с помощью кото-

рых они подсознательно пытаются приглушить чувство тревоги. В качестве таких средств все эти занятия, которые в умеренных дозах могли бы доставить минуты радости, приобретают оттенок навязчивых состояний и пагубных зависимостей, и тогда самым большим, чего таким образом удастся достичь, становится чрезвычайно кратковременное облегчение».

Мотив оргиастических состояний как выхода наиболее ярко выражен в рубайат Омара Хайяма. Житейская философия этого учёного сводится к мысли, что «опьянение — лучше всего» и представлена в четверостишиях наподобие этого:

Да пребудет вино неразлучно с тобой!
Пей с любой подругой из чаши любой
Виноградную кровь, ибо в черную глину
Превращает людей небосвод голубой.

Но даже у Хайяма некоторые стихи указывают на то, что пьянство и любовные утешения — не панацея. Девиз «пей хмельное вино, в наслажденьях усердствуй» сменяется в них нотами предосторожности:

Хочешь — пей, но рассудка спьяна не теряй,
Чувства меры спьяна, старина, не теряй.
Берегись оскорбить благородного спьяну.
Дружбу мудрых за чашей вина не теряй.

Таким образом, напрашивается вывод, что оргиастические состояния, так же как и собственничество, как и стадность, не могут дать удовлетворительный ответ на проблему человеческого существования. Более того, все эти формы самоотречения, являясь попыткой преодоления духовного кризиса, вызванного неверием в любовь и добро, в торжество мудрости над глупостью, порождают ситуацию, при которой достижение нравственных идеалов становится ещё менее вероятным — хотя бы потому, что человек с их помощью пытается уйти от ответственности за свои решения и поступки. Ориастические состояния направлены на уход от мира и от жизни, а не на их нормализацию. В этом смысле они ана-

логичны некоторым психическим расстройствам, которые также можно рассматривать как способ преодоления внутреннего кризиса, вызванного осознанием одиночества и беспомощности.

Наконец, следует сказать о последнем способе разрешения «экзистенциальной проблемы». До сих пор речь шла о разнообразных вариантах потребления, которое можно противопоставить деструктивности как прямому следствию отчаяния. Во всех рассмотренных вариантах индивид, не чувствуя себя полноценным и самодостаточным, пытается компенсировать неуверенность за счёт чего-то внешнего, материального или нематериального. Так, путём уродования собственной личности, он избегает отчаяния и следующего за ним самоубийства (или же, если деструктивность имеет противоположную направленность, убийства и разрушения объектов уже внешнего мира). Однако логично предположить, что в действительности деструктивности следует противопоставлять не потребление, о котором всё это время шла речь, а *продуктивность*. Разрушению противоположно **созидание**.

Созидает человек постоянно. Одним потреблением ограничиться он просто не может, даже когда у него всё есть. Причиной тому — склонность искать смысл своего существования, желание обрести уверенность в том, что жизнь проходит не зря. Человеку нужна цель, нужна самореализация, а если точнее — самооправдание. И созидание даёт ему это. Создавая что-либо, мы как бы оправдываем своё появление на свет. Не случайно многие мыслители придают глубокий философский смысл труду, усматривая в нём акт действительного самоутверждения человека, процесс становления его истинной сущности. Более того, созидание даёт человеку ощущение силы, ощущение принципиальной возможности влиять на тот мир, в который забросила его судьба, и преобразовывать этот мир сообразно собственным потребностям и взглядам. В этом смысле оно выступает первейшим средством разрешения абсурдного противоречия человека и мироздания, о котором писал Камю.

Понятие созидания, или творчества, нуждается в уточнении. Творческий акт обычно мыслится как *свободный*, имеющий своим результатом создание чего-то принципиально *нового*. В то же время «новизна» — понятие на редкость относительное: в мире искусства, к примеру, компиляций гораздо больше, чем шедевров. Не менее разнопланово и понятие свободы. Ведь если создание каких-либо вещей входит в мои должностные обязанности, да и вообще представляет собой весьма монотонное занятие, от выполнения которого зависит моё материальное благополучие, значит ли это, что я несвободен? Но быть может, мне нравится моя работа, и я сам её выбрал, посчитав её полезной для общества! В этом случае ничто не мешает моему самораскрытию. К слову, полезность — понятие тоже условное, поэтому сущность созидания оно также не определяет. В действительности главное в созидании заключается в том, что человек привносит в этот мир что-то своё, что-то, что связано с самовыражением его личности. Созиданием личность воздействует на этот мир, сообщая ему о своём существовании. И каков бы ни был результат этого воздействия, он, тем не менее, всегда есть. Личность может воздействовать и на саму себя. Поэтому активное восприятие тех же лекций (из примера Фромма) тоже суть созидание, равно как и всякое мышление. Мышление отличается от заучивания тем, что при нём происходит не потребление, а созидание внутри личности нового знания, можно сказать — созидание личностью самой себя. Как видно, созидание всё-таки предполагает создание чего-то, но этому созданию вовсе не нужно быть непременно уникальным. С этой позиции в мире нет ничего одинакового, и всякое изменение уникально а priori. Подражание мастеру — тоже творчество, если исходит из непредвзятого убеждения в высоком таланте и моральной правоте мастера. Эта убеждённость в правоте и необходимости поступать именно так, а не иначе, в свою очередь, составляет главный критерий творческой свободы (ибо свобода, как известно, это осознанная необходимость). Созидание *должно*

быть свободным, но свобода не есть вседозволенность; свобода — это власть над собой.

Главным условием свободы выступает *независимость* в чувствах, мнениях и желаниях. Так, свобода несовместима с эгоизмом, несовместима с пассивным принятием чужих мнений и образцов поведения и стремлением властвовать над другими людьми, поскольку все эти исходы говорят о психологической слабости личности, являясь следствием *собственнической ориентации*. Истинное же творчество является воплощением *продуктивной ориентации*, при которой человек находит в себе силы отказаться от несущественных потребностей, стать независимым от денег и вещей, начать мыслить самостоятельно, руководствуясь собственным разумом, а не общественными предрассудками. Таким образом, творчество только тогда является подлинным, когда оно в своих сущностных чертах противопоставлено всем ранее рассматриваемым способам разрешения экзистенциальной проблемы. Если ранее мы говорили о различных формах «забытья» и бегства от свободы, то созидание должно быть всецело ориентировано на реальность, быть свободным и независимым.

Конечно, если человек считает некую идею или вещь частью себя (то есть не мыслит себя без неё), то и творчество его нельзя назвать свободным, так как связано оно в этом случае не с самовыражением подлинной личности, а с утверждением «подмены» этой личности. В связи с этим возникает вопрос, является ли современное массовое искусство настоящим творчеством. И, по видимому, ответить на него следует отрицательно. Когда человек созидает только с целью зарабатывания денег или последующего потребления, либо когда он пытается оправдать себя или утвердить своё положение с помощью некоего творения, мы можем сказать лишь, что он *выражает нечто, но не выражает свою действительную сущность*. То же самое верно и в отношении бессмысленной деятельности, направленной на получение новых ощущений (в частности, спортивных игр): являясь порождением

зависимости, очередным способом забыться и уйти от мира, такая деятельность исходит отнюдь не из свободного духа.

Но хуже всего то, что даже подлинная творческая самореализация имеет свой недостаток. Как уже было сказано, она далеко не всегда благоприятна для общества, да и для самого индивида (порой даже очень вредна). Кроме того, доступна она не каждому. Постоянный цейтнот, необходимость решать повседневные дела, многочисленные обязательства перед другими людьми могут создать ситуацию, когда для созидания не остаётся ни времени, ни сил. В то же время работа, являющаяся следствием указанной необходимости, не способна вызвать радость труда, поскольку необходимость в данном случае основывается, как правило, не на разумных началах, а на «заведённом порядке» и стереотипах, опорой для которых служит страх. Таким образом, существует как минимум две проблемы, связанные с творчеством: это *вероятность его вредности и невозможности*. Важно и другое: возложение на рассматриваемый способ решения экзистенциальной проблемы слишком больших надежд чревато слишком большими разочарованиями. Возможности человека ограничены, и повлиять на мир существенным образом удаётся только избранным. Но даже они, приобретая в одном, неизбежно теряют в другом. Следовательно, существует также проблема *ограниченности творчества*.

Указанные проблемы во многом окажутся решаемыми, если мы обратимся к восточной духовной традиции. Как писал Э. Фромм, «в силу дуалистического конфликта [экзистенциальной проблемы — прим.]... люди Запада лишены покоя, отважно странствуют в пространстве и во времени. Они целиком экстравертны, а не интровертны. Вместо того чтобы смотреть вовнутрь, овладевать природой личности, они пытаются объективно примирять дуалистические конфликты». Приведённая цитата имеет прямое отношение к проблемам творчества как способа решения экзистенциальной проблемы. Мы говорили о том, что творчество может быть направлено не только вовне, но и вовнутрь, когда личность воспитывает

себя. Об этом нельзя забывать, поскольку примирение с реальностью, принятие мироздания посредством такого воспитания также очень действенно. И это открывает новые горизонты творчества, ибо там, где повлиять на мир невозможно, мы, вероятно, сможем его принять. В этом и заключается восточная традиция, выраженная, в частности, в дзэн-буддизме. Заметим также, что абсолютное примирение и принятие (отличное от допущения и смирения) является, собственно говоря, также и условием подлинного творчества, ибо с него начинается независимость.

Принимая во внимание сделанные замечания, можно утверждать, что созидание как выражение продуктивной ориентации является *наиболее приемлемым* способом разрешения «экзистенциальной проблемы» (ибо подразумевает свободу и внутреннюю психологическую независимость от вещей, идей и людей), тогда как собственничество представляет собой установку в некотором смысле ущербную, и может быть полностью оправдано лишь в вопросах удовлетворения жизненно-важных потребностей. Тем не менее, необходимо помнить, что *любой из рассмотренных в данном эссе способов с нравственно-утилитарных позиций имеет как достоинства, так и недостатки*, и превозносить один из них над всеми остальными мы можем только с некоторых философских позиций. Также необходимо учитывать, что полная независимость всегда останется для нас лишь идеалом, на практике же люди очень часто прибегают к вещизму, конформизму и т. п., и не следует впадать по этому поводу в крайний морализм.

Такой расклад, впрочем, не исключает ключевого тезиса о том, что *(а) нормальной (в известном смысле) собственническая установка может признаваться лишь в отношении удовлетворения базовых физиологических потребностей, (б) а в остальных случаях потребление должно подразумевать внутреннюю психологическую независимость от потребляемой вещи, и потому (в) ключевым для человека наряду с физиологическими потребностями является стремление к свободному творческому выражению.*

СРЕДИННЫЙ ПУТЬ.

Опыт метафизического анализа духовности.

Первая благородная истина буддизма гласит, что жизнь — это страдание. Но так ли это в действительности? Считается, что буддизм исповедуют около полумиллиарда жителей Земли, и мне кажется, что если бы его благородные истины были абсолютными, численность буддистов увеличилась бы в добрый десяток раз. Но большинство людей довольны своей жизнью настолько, что им вовсе не импонирует идти тем путём, который предлагают те или иные религии. Ведь последние, как правило, обращают их на путь аскезы, отказа от мирских благ во имя чего-то запредельного и поэтому непонятного. Людям же не хочется отказываться от имеющегося ради таких призрачных преимуществ, и потому они вряд ли согласятся с выводом, что жизнь есть страдание. И только в минуты глубокого падения и тотальных неудач они вспоминают о каких-то богах, словно капризные дети пытаюсь добиться от них утешения. Религия в таких случаях действительно выступает опиумом для народа, иллюзией, служащей утешением слабых. Иллюзией — потому что люди не понимают, что их падение — закономерное следствие их поведения, и если боги и существуют, то именно они их и наказали. Тем не менее, факт в том, что совсем нет атеистов только в падающем самолёте, а в самой обычной и заурядной жизни людям вполне хватает денег, положительных эмоций, друзей и вещей, чтобы не прислушиваться к религиям, которые предлагают отказаться от этой жизни и от тех благ, которые она даёт. Революции же совершаются, когда от благ остаются только жалкие крохи, не раньше.

Однако суть религий вовсе не в том, чтобы служить утешением для слабых. Грандиозные философские системы и учения, которые они предлагают, гораздо сложнее типичных фраз наврode «Бог простит», которые и позволяют человеку пережить «чёрную полосу». Следовательно, религия по своей сути есть нечто боль-

шее, чем опиум для народа. В чём же их суть? Уже поверхностных анализ способен дать нам ответ. Суть большинства религий в отказе от материальных благ и устремлении к чистой духовности, которая и заключается в свободе от этих благ. Человек должен стать свободным от мира, для этого и нужна аскеза. Религии утверждают, что «путь материи» делает человека зависимым от вещей, людей и предрассудков, и это мешает ему быть хозяином собственной жизни. Отсюда их попытки помочь человеку снова обрести разум, ведь свобода означает разумное планирование своей жизни. Они пытаются уберечь человека от неразумных поступков, и тем самым избежать страданий. Но поскольку страдания большинства людей остаются, как правило, на достаточно терпимом уровне, их образ жизни остаётся светским, и к религиям они прибегают лишь в поисках самооправдания, пытаюсь уйти от ответственности за свои поступки. Этот факт и играет решающую роль в том, что большинство людей являются в принципе атеистами; и хотя многие из них утверждают, что они верят в Бога, на самом деле они лишь «надеются на Бога», а не верят в него, поскольку вера с необходимостью предполагает верность (т.е. преданность религиозному учению). Как бы то ни было, предлагаемый религиями путь духа содержит существенное рациональное зерно, ибо в сущности представляет собой путь разума и освобождения.

Тот, кто осознаёт эту «правду духовности», понимает, что существуют некоторые неразумные правила, которые общество заставляет его соблюдать, и он оказывается перед выбором. Возмущение, вызванное естественным желанием быть хозяином собственной жизни, и толкает человека из царства материи на путь духовного восхождения. Общество неизбежно начинает давить на изменника, что не удивительно, ведь способность одного-единственного человека пойти против закоренелых общественных устоев вызывает у этого рабского общества страх и негодование. «Если каждый будет так свободно себя вести, наступит хаос, система рухнет!». Часто бывает, что даже самые близкие

друзья не понимают и не принимают внутрилличностных изменений прозревшего, и он оказывается один. А новых друзей найти оказывается непросто, поскольку подавляющее большинство людей живут в мире материи, и неспособны понять значимость глубоких духовных исканий. Человек сталкивается с одиночеством. И на работе начальство не одобряет стремление к свободе, противоречащее корпоративной «этике»: руководству не нравится, что человек начинает жить и работать для себя, а не для организации. Так, к одиночеству добавляется материальная бедность. Общество наказывает изменника. И выход здесь может быть только один: окончательно разорвать узы материального мира. Это, конечно, не означает физически уйти из мира или перестать беспокоиться о своём выживании. Но только окончательно преодолев свою зависимость от других людей, можно покончить с одиночеством, только окончательно взяв под контроль свои желания, можно избавиться от алчности и эгоизма. Иными словами, чтобы обрести счастье, потребуется развить свой дух до некоего уровня.

Это, в свою очередь, означает, что духовный путь опасен имеющимся риском сломаться в борьбе против системы. Очень сложно развивать свой дух, по-прежнему оставаясь во враждебном ему обществе. Материальный мир, являясь царством Дьявола, всегда полон искушений, особенно преисполнена ими современная западная цивилизация, цивилизация безудержного потребления. Поэтому в поисках действительного счастья проще бывает уйти от мира, и не возвращаться в него (что мы и видим на примере христианского монашества, а также схожих явлений во множестве других религий). Великий праведник тот, кто способен остаться в обществе, ежедневно закаляясь в борьбе с ним. Великий праведник тот, кто имеет силы вернуться после отшельничества, чтобы служить некогда бросившим его людям. Проблема в том, что и те, и другие, как правило, сильно рискуют собственным счастьем. Поэтому праведниками становятся лишь сильнейшие из людей. Только они могут найти счастье в святости. В буддизме таких называют бодхисатва. Других,

кто обрёл счастье, покинув привычное общество (не обязательно в пространстве, но в образе жизни), называют архата. От них следует отличать тех, кто не имеет достаточных духовных сил, чтобы жить среди искушений, и при этом не принимает решение отречься от общественной жизни. Они обречены всю жизнь метаться от эгоизма к альтруизму, от аскезы к стяжательству, от разврата к разуму. Вероятно, что духовный путь сам по себе способен дать человеку счастье, однако тот, кто постоянно сбивается с него, достигнет противоположного. Известный индийский гуру Шрила Прабхупада некогда сказал своему собеседнику следующее о духовном пути: «Через шесть месяцев вы почувствуете, какого прогресса вы добились. Но... вы должны жить с *нами* [в общине преданных — прим.], тогда ваши друзья не скажут вам: «Как насчёт марихуаны?»».

В итоге мы приходим к выводу, что из двух возможных путей нужно выбрать один. Какой именно? Это зависит от индивидуальных способностей. Не всякий человек способен на духовные жертвы, но и в погоне за материальными благами преуспевают не все. Поэтому выбор каждый делает сам за себя, исходя при этом из знания собственной личности, интуитивного чувствования её возможностей и перспектив. Но что можно сказать точно, так это то, что нельзя полностью преуспеть в обеих сферах одновременно. Материальные блага — всегда искушения, мешающие духовному росту. Если человек духовен, для него безразличны материальные блага, а если они для него небезразличны, то нельзя утверждать, что в нём правит дух. Конечно, он может обходиться без чего-то незначительного, от чего легко отказаться, но одновременно он наверняка является рабом чего-то действительно для него важного. И это — первый признак отсутствия духовной силы. И хотя все мы в той или иной степени зависимы от чего-то, каждый из нас, тем не менее, избирает какую-то конкретную установку: потреблять или воздерживаться, эгоистично достигать или аскетически отказываться. Этот выбор необходим, чтобы найти опору в жизни, чтобы обрести ценностные ориентиры, без которых,

к слову, невозможна нормальная жизнедеятельность, чтобы избавиться, наконец, от бесконечных сомнений.

Однако, выбирая лишь одну установку, противоположную ей мы можем оставить только в качестве запасной. То есть, даже в теории мы будем прибегать к ней только тогда, когда первая даёт сбой. Но то — теория, а на практике — не атрофируется ли за время долгого забвения альтернативная способность? Привыкая к веселью, отвыкаешь от труда; привыкнув же трудиться, непременно разучишься веселиться. Ибо труд подразумевает власть над собой, а веселиться, напротив, означает дать волю эмоциям. Человеку труда, поэтому, больше, чем безудержное веселье, знакома тихая радость. Способность же бесконтрольно переживать эмоции — утрачена. Точно так же и эстетическое чувство утрачивается у того, кто обретает власть над собой: эмоции уже не способны управлять им, и только чувство долга определяет его отношение к тому или иному произведению искусства. Добавим к этому свидетельства людей, многие годы подвергавшихся аскезе, о том, что они в принципе утрачивали чувство аппетита, забывая, что такое голод или жажда. Таким образом, выбор одной из установок, по сути, рано или поздно делает невозможным использование другой. Как говорится в Евангелие: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне».

Духовность — прямое следствие выбора одной из установок. Такое качество, как духовность, предполагает отсутствие стремления к самообогащению и наличие только одного желания: служить людям. Способность жертвовать должна сохраняться постоянно, являясь одним из важнейших признаков духовности. Если человек прекращает отдавать, в нём развивается привычка жить с тем, что он уже имеет, что впоследствии может выразиться в эгоизме и скарденности. Это легко понять, если провести аналогию с тренировочным эффектом по отношению к мышцам тела. Последовательное увеличение физических нагрузок развивает мышцы, увеличивая

и укрепляя их, отсутствие нагрузок — делает их неадаптированными к тяжёлым условиям. Так же и с душой: только постоянная самоотдача развивает её, отсутствие же таковой — ослабляет. Духовный подвиг сегодня делает возможными два духовных подвига завтра. Эгоизма же, а значит и рабства, становится всё меньше. Призыв «не позволяй душе лениться», содержащийся в известном стихотворении, в этом контексте выглядит поистине мудрым. Чем больше я пытаюсь жертвовать от всей души, тем свободнее и независимее я становлюсь. Но на этом поприще нельзя остановиться: жизнь это всегда или путь вверх или путь вниз. Ведь если я, например, решу всю свою нравственность свести к периодическим пожертвованиям на благотворительность, то стану ещё больше зависим от многих других страстей, не связанных с деньгами, ведь, в сущности эта ситуация подобна выдаче самому себе карт-бланша на совершение грехов, за которые уже заплачено. Так, преодолев одну зависимость, я укоренюсь в другой, и это не станет для меня освобождением. Духовность же заключается в постоянном освобождении от всякой материальной зависимости. Ибо даже если мы просто оставим всё на прежнем уровне, привычка укоренится в нас, и это будет равносильно шагу назад. Каждый наш поступок, каждый шаг определяет, по какому пути мы идём, а иной шаг может ненароком быть сделан в обратном направлении. Логично, что религиозные мыслители призывают людей не заигрывать с их грехами. Ибо сущность религий в чистой духовности, и все они, так или иначе, требуют пусть и медленного, но неуклонного следования по пути отречения вплоть до достижения совершенства. Это сочетание постепенности и неуклонности видно на следующих примерах.

В Евангелии есть эпизод, когда богач подходит к Иисусу и спрашивает, что ему нужно сделать, чтобы «наследовать жизнь вечную». В ответ Иисус сначала напомнил этому человеку об основных заповедях, на что богач ответил, что соблюдает их ещё с детства. Тогда Иисус сказал ему раздать всё его богатство нищим. Смутившись, человек «отошёл с печалью», а Иисус произнёс: «Удобнее верблю-

ду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». Его ученики ужаснулись такой, как им казалось, излишней требовательности. Но эти слова мудры: тот человек уже умел соблюдать основные заповеди, ему нужно было поручить нечто большее, чтобы он мог приблизиться к Богу ещё ближе, чтобы расти духовно. В другом месте Иисус придерживается совсем другой тактики. Когда фарисеи упрекнули его в том, что его ученики не постятся субботу, Иисус сказал: «Никто к ветхой одежде не приставляет заплат из небеленой ткани: иначе вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже». Это означает, что его ученики ещё не были готовы к определённым материальным лишениям. Именно поэтому Иисус не стал требовать с них того, что мог потребовать в той же ситуации с богача из предыдущего примера.

Аналогично обстоит дело в индуизме. «По ведической системе, — говорит Шрила Прабхупада, — следует полностью избегать секса. Весь смысл этой системы в том, чтобы помочь человеку вырваться из материального рабства... Секс — привязанность к мужчине или женщине — основной принцип материальной жизни... когда мужчина и женщина соединяются, эта привязанность возрастает и побуждает человека приобретать дом, землю, заводить детей, друзей и знакомых и доставать деньги. Таким образом — дом—земля—дети—деньги — человек запутывается». Безусловно, требование абсолютного целомудрия — чрезвычайно строгое, но это и понятно, ведь индуизм, как и другие религии, ставит цель достичь полного совершенства. С другой стороны, у Шрилы Прабхупады можно встретить прямые указания на недопустимость требования невозможного. У человека, отмечает он, должна быть определённая жизненная сила, прежде чем он начнёт служить другим: «вы сможете улучшить положение других только тогда, когда достигнете успеха в собственной жизни... Поэтому быть гуру — нелегкая задача. Понимаете? Он должен поглотить весь яд». И далее: «Если положить крупный предмет в небольшой костер, он может погаснуть, но что бы вы ни бросили в сильное пламя, для него это не опасно... Сильное пламя погло-

тит все». Кроме того, Шрила Прабхупада отмечает, что ведическая система предусматривает именно постепенное духовное развитие, состоящее из четырёх стадий: брахмачарья (ученичество с соблюдением безбрачия), ванапрастха (отход от мирской жизни), грхастха (семейная жизнь) и санньяса (полное отречение).

Общее между индуизмом и христианством наблюдается и в том, что Бог рассматривается в них как тот, кто придёт на помощь, когда сам человек не справляется. Иисус Христос даже умер за всех людей, дабы искупить их грехи. Одновременно у Шрилы Прабхупады встречаем: «Кришна настолько могуществен, что может тотчас же снять грехи со всех живых существ и мгновенно сделать их праведниками» (а кроме того, прийти на помощь гуру в трудную для него минуту).

Таким образом, сходство между индуизмом и христианством заключается не только в постепенном и неуклонном следовании духовному пути, но и в той помощи, которую Бог оказывает страждущим на этом пути. Все эти особенности имеют неоценимую пользу и безусловно правильны в плане сохранения тренировочного эффекта. Ибо нужно скатать и об «обратной стороне» тренировочного эффекта. Дело в том, что в человеческом теле этот эффект достигается только при такой физической нагрузке, при которой синтез белков, происходящий за счёт освободившейся при распаде органических веществ энергии, обгоняет этот самый распад. А это значит, что для успешной тренировки усилия не должны быть чрезмерными; кроме того, после работы обязательно требуется отдых. Проецируя эти положения на «тренировку духа», необходимо подчеркнуть, что «отдача» от жертвования бывает далеко не всегда: благое пожелание не означает непременно благое действие, благое же действие не означает непременно субъективное одобрение толпы. Конечно, в идеале эту отдачу и не нужно ждать, ведь духовный человек «хочет того, что он должен хотеть», то есть его благотворительность совершенно бескорыстна и добровольна. Однако в случае, когда человек жертвует тем,

чем он внутренне ещё не готов пожертвовать, когда уровня его духовности для этого недостаточно, возникают проблемы. Тогда распад в нём превысит синтез, и благотворительность наверняка обернётся чувством обиженности и обделённости — основой будущего эгоизма. Это всё равно, что вложить последнее имущество в бизнес, который может прогореть. Конечно, если дела пойдут в гору, я стану богаче, но в противном случае я могу оказаться на улице без куска хлеба, подвергнув себя риску голодной смерти. Чтобы не допустить этого, и нужна та самая «отдача». В духовной сфере это означает, что жертвующий слишком многим должен быть поощрён словно ребёнок, которого учат хорошо себя вести (и который в будущем будет вести себя так без поощрения). Ведь если ребёнка не поощрять, а только наказывать, он не научится правильному поведению, и весь результат такого «воспитания» будет заключаться в выработанном у ребёнка чувстве ненависти к воспитателям. Таким образом, каждый человек обладает некоторым уровнем «бескорыстного жертвования» (при этом лёгкость жертвования в какой-либо конкретной сфере у людей различна). Нарушение этого уровня не даёт тренировочного эффекта.

Несмотря на всё вышесказанное, чувство долга — единственное сохранившееся чувство у людей, избравших путь духа, — к сожалению, очень часто заставляет человека жертвовать чем-то большим, чем он способен пожертвовать в данный момент. Необходимость жертвовать становится новой зависимостью. Человек претерпевает всё больше лишений, пытается сделать ещё больше добра людям, но подспудно чувствует некую утрату, чувствует, будто что-то идёт не так. Дело же в том, что наступает новое рабство, только теперь не от материи, а от духа. Родается новый страх потери, но теперь речь идёт о потере не материальных, а духовных завоеваний. Индийский гуру Ошо так отзывался о религиозных людях: «Они загоняют свои тени, своё эго, свой гнев, свою жадность, свои амбиции в бессознательное. Но всё же это по-прежнему остаётся, только в бессознательном, и это гораздо более

опасно, потому что теперь не признаётся вами, и вы думаете: «всё исчезло». Не удивительно, что тихий святой внезапно вспылит, если встанет перед необходимостью признать, что все его дурные качества остались: и тогда его нарциссизм сразу обнаружит себя¹⁵.

Чувство долга рождает и другую проблему. Изначально духовность обусловлена стремлением к правде и к счастью, но когда эмоции атрофируются, и остаётся только чувство долга, когда человек становится узником своей совести, тогда возникает осознание того, что счастье невозможно достигнуть путём духа. Конечно, осознание собственной независимости дарит радость, но эта радость так же преходяща, как и материальное удовольствие. Разница лишь в том, что раньше человек получал удовольствие от потребления, и не любил жертвовать, то есть не был способен производить, то теперь он получает удовольствие от производства благ для других людей, но потребление вызывает в нём угрызения совести.

Причём достичь духовного совершенства оказывается не легче, чем достичь материального благосостояния. В связи с этим такие оригинальные мыслители, как У.Г. Кришнамурти и Л.И. Шестов, вообще начали яростно отрицать возможность и необходимость достижения духовно-нравственных идеалов.

Экхарт Толле пишет следующее об отказе от плотских наслаждений: «Хотя подобный опыт может быть поистине захватываю-

¹⁵ Конечно, данная проблема имеет место не только в связи с религиозностью. Даже при светском воспитании с самого детства нас заставляют отказываться выражения от тех или иных помыслов и чувств, которые вытесняются в бессознательное, и проявлять другие помыслы и чувства, которые нашими вовсе не являются. В итоге мы боимся признаться себе во многих очевидных вещах, и это может сыграть с нами злую шутку. Но данная ситуация выглядит в некоторой степени необходимой, поскольку изначально ребёнок — нарцисс, его инстинктам следует противопоставить закладываемые воспитанием нравственные принципы. Лишь иногда излишнее моральное давление на личность ведёт к появлению у неё необоснованных комплексов. Но факт в том, что давление религии здесь несравненно больше, а разрешать конфликт «Оно» и «Сверх-Я» посредством развития «Я», т.е. осознанности существования, религия, как и социум, не слишком торопится.

щим и позволяет ощутить вкус свободы от материальной формы, в конечном счёте вам всё равно придётся вернуться в своё тело». Очевидно, такой вывод делается им потому, что существование как таковое есть чувствование, и тот, кто вследствие угрызений совести лишён самой возможности испытывать ощущения, тот и не живёт. Ранее мы говорили о том, что неспособность наслаждаться свойственна человеку труда, заорганизованному человеку. Но, в сущности, духовность и есть труд: религиозный человек думает лишь о доставлении удовольствия другим, а собственное счастье связывается у него уже с загробным миром.

Здесь также уместно привести пример из романа Г. Гессе «Сиддхартха», когда главный герой после трёх лет аскетизма так высказывается о духовном пути: «Что такое созерцание? Что такое отрешение от тела? Что такое пост? Что такое задержка дыхания? Это бегство от «я», от муки быть собой, это краткое забвение, это заглушение на короткий срок боли и бессмысленности бытия. Того же бегства, того же забвения ищет погонщик волков, когда пьёт на постоялом дворе рисовое вино или перебродившее кокосовое молоко. И он больше не ощущает себя, и он больше не ощущает страданий этой жизни, и он находит краткое забвение. Задремав над своей чашкой рисового вина, он находит то же самое».

Итак, возникает острая необходимость оправдать духовность. Тогда-то и появляются сложные религиозные системы, которые учат нас, что мы действительно должны устремиться к духу, потому что так просит некий Бог. Мы становимся рабами идеи Бога. Идея заключается в следующем: да, мы не получим телесных удовольствий в этом мире, мы будем вынуждены постоянно отрекаться от чего-то, издеваться над собой (представители флагелланства даже добровольно избивали себя), но в следующей жизни (идёт ли речь о реинкарнации или о рае) придёт вознаграждение; да, достичь собственного духовного совершенства, равно как и счастья других людей посредством служения им чрезвычайно сложно, но Бог обязательно поможет нам именно тогда, когда

наши возможности, казалось бы, исчерпали себя, к тому же любое духовное усилие, хоть и не приведшее к благому результату, так или иначе, зачтётся в будущей жизни. Короче говоря, без идеи Бога и загробной жизни вся духовность терпит крах.

Но чем зависимость от этих идей лучше обычного потребительства? Она лишь оправдывает страдания, лишения и самоистязания (умерщвление плоти), не избавляя от них, а заставляя претерпевать их снова и снова. Не говоря уже о том, что многие религии, порождённые этими идеями, существенно препятствуют свободному развитию (поведению и мышлению) человека тем, что ставят его в зависимость от Бога и соответствующих доктрин, делают его частью очередного стада (только теперь оно состоит из последователей религии), а порой даже затуманивают его сознание достигаемыми с помощью наркотиков оргиастическими состояниями (транс).

Важно, однако и другое: когда человек вдруг осознаёт всю ниче́мность и ограниченность материального мира и свою «заброшенность» в него, он начинает испытывать острое желание вырваться за пределы мира, возвыситься над ним. Этот мир становится чужим, а новый — ещё не обрётён. Тогда-то и возникает потребность в Боге, частью которого и является то странное явление внутри, что принято называть духом. Бог требует от нас именно того, что необходимо для примирения с абсурдной ситуацией «заброшенности»: любви, добродетели и сострадания. Бог — символ и помощник на пути к примирению человека с миром и с собой.

Из этого следует необходимость отличать духовную зависимость от зависимости материальной. Духовность не только заставляяет, но и даёт возможность служить обществу, жертвовать чем-то ради близких, воздерживаться от аморальных поступков. В глазах аскета другие люди постепенно перестают быть нам врагами, конкурентами, или просто средствами для достижения целей. Появляется любовь к людям, желание служить им и жить для них, и притом — совершенно бескорыстно. Ибо, во-первых, духовный человек не требует ничего от других людей (он уже счастлив,

так как находит счастье в себе самом), а во-вторых, он не боится быть обкраденным другими людьми и не воспринимает их как врагов. Одновременно служение людям вызывает в таком человеке эйфорию: переживает ощущение полноты жизни, когда жертвует чем-либо для других. Это ощущение, между прочим, недоступно погружённым в материальный мир, поскольку настоящая свобода им недоступна (и они пытаются найти душевную гармонию в различных сектах, псевдодуховных кинофильмах и учениях).

Те, кто избрал подобный путь, быть может, и остались зависимы, но это — зависимость сильных. И кто знает: не нашли ли они больше, чем потеряли? Прежде всего, мы должны понимать, что отказ от самосовершенствования в принципе не может быть тотальным, иначе неизбежно разочарование. К тому же, так ли часто мы испытываем сильные и искренние эмоции? Растрачивая деньги на кулинарные изыски, бытовые удобства и развлечения, не пытаемся ли мы порой попросту внушить себе удовольствие, за которое уже заплачено? Известно, что основатель одной из основных индуистских школ адвайта-веданты Ади Шанкара вплоть до самой смерти путешествовал по Индии, пытаясь убедить самых знатных мудрецов в правильности своей позиции — возможно, это была его зависимость. Но лучше ли зависимость материально-устремлённых людей, тонущих в пучине серых будней и пытающихся изобразить искреннюю радость от своих «богатств»?

Терпимая жизнь в колесе сансары далека от жизни счастливой. Рабство у материи не позволяет людям вырваться за пределы устоявшейся системы с определёнными правилами, вследствие чего человек оказывается неспособен что-то принципиально изменить в своей жизни. Он не может, в частности, проголосовать на выборах против действующего политического лидера, потому что боится потерять те жалкие крохи, которые этот лидер ему дал. Он не может расстаться с друзьями, которые тянут его вниз, потому что боится одиночества. Не может не следовать моде, и поэтому растрчивает свои деньги на вещи, которые ему навязали, не может

не завидовать, потому что реклама навязывает ему никчёмные желания. Наконец, он не способен жить с людьми в мире и гармонии, поскольку господствующая экономическая система диктует ему отношение к другим людям как к средству достижения эгоистических целей или как к конкурентам, мешающим эти цели достигать. Примеров можно привести ещё много, и религии могут показаться привлекательными средствами решения указанных проблем.

(Другое дело, что они тоже не могут обещать счастья хотя бы потому, что большая и могущественная система заинтересована в том, чтобы помешать праведнику, решившему освободиться от этой системы, идти своим путём. И потому путь освобождения — это путь беспощадной войны. Не случайно религиозные доктрины описывают земной мир как поле битвы, битвы человека за своё спасение.)

Путь духа в действительности очевиден. Однако капиталистическая система мешает нам его увидеть, обходя стороной или извращая священное знание (тем самым подогревая жесточайшую критику религиозных учений и церквей), а также навязывая нам определённый образ жизни, при котором это знание не вызывало бы у нас интереса. Конечно, эта система не может вовсе лишить нас доступа к знаниям, тем более что, как будет сказано далее, она сама периодически напоминает нам о высшем знании, эксплуатируя его для поддержания собственного существования. Но влияние системы в целом велико, а к этому прибавляется и то, что путь материи соблазнителен в принципе. Стоит лишь нескольким людям, обладающим определёнными способностями, соблазниться, и мир получит эксплуататоров, которые будут тайно поддерживать систему, которая принесла им богатство. Так постепенно мы приходим к обществу, где большинство людей проводят всю жизнь в драках за кусок хлеба, и только меньшинство понимает, что «не хлебом единым жив человек».

Тем не менее, жизнь духа в той или иной степени знакома каждому из нас. Всякий раз, когда мы преодолеваем усталость, страх и подавленность, вновь находя в себе силы сделать что-то, что мы должны сделать, мы имеем дело с источником духовных

сил. Именно они помогают нам преодолевать жизненные трудности, оставаясь собой, и принимать мир и людей такими, какие они есть. Именно они позволяют безо всякого сожаления махнуть на всё рукой, когда дело провалено, спокойно расслабиться и по-человечески отдохнуть. Благодаря этим силам мы оказываемся способными запросто уйти с работы, не имея при этом средств к существованию, или простить предательство друга, отказавшись от мести и, следовательно, бессмысленной вражды.

Духовность основывается на определённом знании, и начинается с получения этого знания. «Священное знание» заключается в том, что жизненно необходимых потребностей у человека совсем немного, а от всех остальных мы можем запросто освободиться, начав выбирать эти потребности самостоятельно. Нужно лишь понять, что ни хороших, ни плохих вещей в принципе не бывает, и всё зависит только от нашего к ним отношения. Научиться относиться к вещам определённым образом и значит обрести счастье. Можно без конца бросаться из одной крайности в другую, желая то развлечений, то покоя, стремясь то к истине, то к блаженному неведению, но можно пойти и по другому пути, а именно: отказаться от желаний, и, следовательно, от страданий.

Религии учат, что в нас есть некий источник жизненных сил. Разные религии спорят, является ли он самостоятельной сущностью или частью единого Бога. Есть и религии, придерживающиеся в этом вопросе дуализма, т.е. позиции правильности обоих мнений. Но все религии имеют одну общую мировоззренческую основу, суть которой в том, что источник, о котором идёт речь, реально существует. И эта основа — вовсе не беспочвенная догма: ибо даже если нет Бога и бессмертия, существуют объективные психические и физиологические процессы в наших телах. С давних пор люди привыкли называть их душой, и только недавно западный человек додумался отрицать религии, повествующие о душе, заменив их психологией, и совсем при этом забыв, что *psyche* и означает по-гречески «душа». В итоге, шило было заменено на

мыло, ничего нового не изобретено, а старые истины отвергнуты. Понятно, что экстраполяция внутренних психологических феноменов на внешний мир, которая и порождает идею Бога, сама по себе является анахронизмом, свойственным древнему человеку. Однако, отбрасывая этот анахронизм, стоит ли отказываться также и от добытых знаний, касающихся внутреннего мира человека? Новая, западающая цивилизация, была выстроена на наглом эксплуатировании человеческих инстинктов, сделала людей рабами этих инстинктов, внушив им, между прочим, что в подчинении себя им и заключается счастье. Фразы типа «счастье внутри нас» были позабыты, и если и воскрешались периодически, то лишь для того, чтобы вновь побудить людей, потерпевших неудачу в стремлении к материальным благам, стремиться к ним во что бы то ни стало. Эти фразы, пусть даже в них и заключается великая истина, были опошлены и поставлены на службу системе с целью уговорить «неудачников» продолжать служить этой системе. Оказалось, что духовные силы, заложенные в каждом из нас, могут быть потрачены как на развитие духовности, так и на развитие материального благосостояния¹⁶. Вся эту «новую философию» гниющего Запа-

¹⁶ Действительно, следует различать духовную независимость и средства её достижения. Сама эта независимость стала возможной благодаря разуму, с помощью которого мы способны смирять свои инстинкты, сиюминутные побуждения и, воздерживаясь от меньшего блага сейчас, получать большее благо в будущем. Но возможности разума, такие как обучение, воображение и планирование, можно использовать не только для отказа от преисполненного вечной неудовлетворённостью стремления к материальному благосостоянию, но и для увеличения материального благосостояния. (Эмоции, в свою очередь, олицетворяют нахождение во власти материи, но и они могут способствовать духовному росту.) Выбор зависит от того, для чего именно используется разум. Ясно, что во втором случае зависимость в той области, где она имела место, будет лишь усиливаться, всё больше загоняя человека в сансару. Поэтому когда человек осознает этот замкнутый круг, его разум может обратиться к чистой духовности. Истинная же мудрость заключается в преодолении самого разума, т.е. в недопущении его чрезмерности (разум — это средство, а не самоцель, нельзя позволять ему ставить всё новые и новые вопросы и получать новые знания, ибо смысл не в количестве, а в качестве знаний).

да можно было бы опровергнуть одной только чистой логикой, не апеллируя ни к каким сверхъестественным сущностям. Однако религии, как известно, постулируют существование Бога, ибо это обращение к сверхъестественному, как было показано выше, крайне необходимо для борьбы с материализмом. Именно поэтому идея Бога сохраняется, несмотря на развитие научных знаний о мире. Ведь культ потребления начал складываться как раз в связи с развитием науки (секуляризация производства обусловила его бурный рост, а где есть производство — есть и потребление), и чем больше наука отвергала Бога, тем больше становилась нуждаемость в Боге для недопущения морального разложения.

Производство неизбежно подстёгивает потребление, и мы вынуждены констатировать, что в настоящий момент этот процесс в развитых западных странах достиг крайнего предела: люди тратят все свои жизненные силы на работу, которая им не интересна, становясь рабами своих начальников, тратят большую часть своей жизни на производство ненужных им вещей, продуктов и услуг, а потом утопают в их потреблении, пытаясь заполнить возникший духовный вакуум, напрочь утрачивая способность к глубокому и независимому суждению и самоопределению и становясь рабами также торгашей и политиков. Средневековое религиозное мировоззрение не допустило бы такой ситуации, и потому было свергнуто. Но со временем стало ясно: даже если Бога действительно нет — чтобы человеческая жизнь не уподобилась животной, нам просто необходимо найти ему замену. Нам нужно снова научиться находить в себе источник жизненных сил. Этот источник, по всей видимости, бесконечен, как бесконечен и сам Бог. Шрила Прабхупада, например, говорит, что Кришна не истощается, отдавая нам свою энергию («как человек, который зачал многих детей, а сам продолжает жить»), ибо в духовном мире, в отличие от материального, если ты что-то отдаёшь, у тебя не убывает. Проблема, однако, именно в отыскании жизненного источника (Кришны и т.п.): раньше соответствующим средством выступала религия, теперь она отвергнута.

Таким образом, если мы отвергаем веру в Бога, мы должны найти ей замену. Честь и хвала тем, кто может быть щедрым, искренним и непредвзятым, любить людей и служить им, не прибегая к религии; но, представляется мне, что такие люди — лишь редкое исключение. У выбравших духовный путь есть острая потребность в религии, однако уже не в качестве утешения, а в качестве оружия, оружия добродетели. Бог нужен для того, чтобы человек мог внутренне преобразиться, а затем преобразовывать и окружающий мир. Бог поддерживает источник духовных сил — в этом, собственно, и заключается подлинная религия. Тот факт, что к религии часто прибегают, чтобы оправдать свои плотские желания, представляет собой лишь побочный эффект. Индуизм, например, достаточно закрытая религия, и там нет места потребительскому отношению к святыням. Христианство же потому только и распространилось так широко по миру, что в отличие от других религий «прощает людей», то есть вроде бы и не требует духовного отречения, ведь даже самый последний грешник может быть прощён всемилостивым Господом. В итоге, многие люди называют себя христианами, даже не пытаясь следовать учению Христа.

Выше речь шла о том, что и духовность и материальность имеют свои недостатки и не позволяют человеку обрести полную свободу и полное счастье. Эта истина давно была осознана человеком, и с тех пор люди пытались найти те или иные компромиссные пути, с помощью которых можно было бы найти счастье именно в этой, земной, жизни, и сделать это независимо от существования Бога. Они задумывались: «Тренировочный эффект — это, конечно, хорошо, он предоставляет нам большие возможности. Однако зачем тренировать тело, если ты не используешь его возможности? Сила и выносливость были жизненно необходимы первобытному человеку, в современной же цивилизации утратили былое значение. Для их тренировки нужно затратить немалые усилия и огромное количество времени, но какова же конечная цель? Если это красивая мускулатура или спортивные награды, то игра не стоит

свеч, потому что я не намерен тратить на это всю жизнь. Точно так же: зачем тренировать дух, если в этом нет необходимости? Я зависим от вещей, отлично, ну и что с того? Если я более или менее уверен в том, что эти вещи всегда будут со мной, если от них, наконец, зависит моё выживание, то зачем мне тратить время и усилия для обретения независимости от них? Скажете: «от беды да от сумы не зарекайся»? Но ведь я пытаюсь рассудить здраво: всё, чего я добьюсь, это вечная психологическая потребность оправдать потерянные время и силы, упущу возможности, и оплету себя сетью ложных убеждений. В конце концов, материя — это не зло, это просто инструмент, с помощью которого можно выразить и добро и зло, и то же самое можно сказать и о духе».

Буддизм, будучи самой распространённой религией, свободной от Бога, мог бы взять на вооружение изложенную идею. Как известно, Будда (Сиддхартха Гаутама) шесть лет вёл крайне аскетичный образ жизни, и в итоге познал его неэффективность. Однако, как следует из вышеприведённого анализа христианства и индуизма, данные религии также не склонны к крайностям, так что у буддизма здесь нет преимущества. Кроме того, буддизм связан идеей перерождений (реинкарнаций). Догма о наличии последующих жизней, благоприятность существования в которых зависит от поведения человека в жизни этой, сближает буддизм с другими религиями. В итоге, отрицание Бога не ведёт к каким-либо серьёзным изменениям.

Иначе обстоит дело с сикхизмом, другой индийской религией, которая не отрицает Бога, однако вовсе не связывает земное существование с необходимостью духовного совершенствования и выполнением Божественных наставлений. Это обусловлено тем, что сикхи не верят в загробную жизнь. По их представлениям, после смерти душа никуда не переходит, она просто растворяется в мире (точно так же, как тело растворяется в остальной материи). Понятно, что подобные представления исключают моральное требование полного духовного освобождения. Такая крайность выдвигается другими религиями лишь с увязкой на продолжение

духовного пути после «перерождения» или, если таковое отсутствует, на необходимость приложения максимальных духовных усилий в одной жизни с целью попадания после неё в рай. Сикхизм свободен от подобных манипуляций страхом смерти, в нём в принципе принижено значение философских догматов и религиозных ритуалов. Сикхи утверждают, что никто не учитывает специально их «добрые дела», никто не понуждает их к пожертвованиям, накоплению знаний, целомудрию, покаянию и т.п. Человек свободен в своём выборе. Бог лишь создал Природу с её законами, но во власти человека решать, как жить и что делать в этих условиях, чтобы обрести счастье. Сами сикхи полагают, что для этого нужно развивать в себе оптимизм, веру и любовь. И хотя эти идеалы, в сущности, духовны, мы видим, что сикхизм свободен от крайней духовности настолько же, насколько он свободен от разврата. Сикхи — не аскеты и не гедонисты, они выбирают срединный путь.

Понятие срединного пути используется и в буддизме, однако там оно, как правило, ассоциируется с «восьмеричным путём» достижения нирваны, всё же предполагающим постепенное отречение от мирских вещей, сексуальной жизни и т.д. Сначала следованием этому пути достигаются душевный покой и тихая радость, но впоследствии требуется отрешение даже от покоя и радости в пользу совершенной невозмутимости и отсутствия ощущения телесности, и уже после преодоления даже такого безразличия к миру достигается нирвана. Буддизм также предполагает постоянное познание, совершенствование убеждений.

От буддизма существенно отличается дзэн-буддизм, который, по утверждению философа-эзотерика Юлиуса Эволы, имеет целью как раз очистить буддизм от глупых догм и ритуалов до состояния *tabula rasa*, до его изначальной сути. Характерной особенностью дзэн является практически полное отрицание авторитета священных писаний, религиозных доктрин и сложных ритуалов. Бог и загробная жизнь не имеют никакого значения, они лишь мешают полному освобождению, которое, в свою очередь, должно наступить

здесь и сейчас, а не после тысяч перерождений. И потому не должно быть никакого «ухода от мира», и даже никакой зависимости от разума (все философские идеи и книги — лишь макулатура, которая хотя и способна стряхнуть пыль с сознания, но впоследствии порождает очередную привязанность). Счастье в этом мире — вот главная цель дзэн, и достигается оно «внутренним пробуждением» (или, в терминах психоанализа, активизацией Эго).

Внутреннее пробуждение, просветлённость, означает «полностью осознаваемое и понимаемое индивидом состояние, его всецелую ориентацию на реальность, как внутреннюю, так и внешнюю... Пробуждаясь, человек делается открытым и отзывчивым для окружающего мира» (Э. Фромм). Буддисты описывают просветление как состояние, в котором тело рассматривается как тело, ощущения — как ощущения, ум — как ум, состояние сознания — как состояние сознания. Этот пример означает полную объективность восприятия: мы должны видеть вещи такими, какие они есть, и не должны видеть в вещах то, чего в них нет. Объективность достигается осознанностью и непривязанностью (отсутствием целей и желаний что-либо изменить, т. е. имеет место тотальное принятие). Внутреннее пробуждение, согласно концепции дзэна, не есть некий иллюзорный идеал. Нужно лишь, по выражению известного профессора философии, популяризатора дзэна Д. Судзуки, «активизировать все силы, которыми естественно наделен каждый из нас и которые в обычных условиях подавлены и изуродованы до такой степени, что не могут найти подходящего канала для своего проявления. Обычно мы настолько слепы, что не видим того факта, что обладаем всеми необходимыми качествами, чтобы стать счастливыми и любить друг друга. Вся борьба, которую мы видим вокруг себя, является следствием такого неведения».

Дзэн часто обвиняют в безнравственности. Действительно, этический элемент едва ли прослеживается в нём. Однако человек, полностью осознающий и объективно воспринимающий реальность, всегда принимает её такой, какая она есть, и поэтому в нём

нет стяжательства или злобы. Как и другие религиозно-философские учения, дзэн направлен на обретение человеком гармонии с миром, предполагающей любовь к миру, сострадание ко всему живому (каруна). Эта любовь, являющаяся выражением *жизненной силы*, и есть залог всякой нравственности. В этом отношении дзэн не сильно отличается от других религий, он лишь использует другой метод. Дзэн подходит с позиции освобождения, а не нравственности или ритуала, как это делают другие религии. Дзэн-мастер Сун Сан писал: «Когда Дао потеряно, приходит доброта. Когда доброта потеряна, приходит нравственность. Когда нравственность потеряна, приходит ритуал. Ритуал это шелуха истинной веры, начало хаоса».

Сикхизм и дзэн представляют собой два ярких примера «практичных», всецело ориентированных на данный материальный мир религий. Так, Д. Судзуки пишет: «Спасение следует искать в самом условном; не существует ничего безусловного... если вы ищете чего-то потустороннего, оно разобщит нас с этим миром относительного, что равносильно самоуничтожению. Спасение не может быть достигнуто ценою своей собственной жизни».

Одной из главных целей сикхизма и дзена является пробуждение сознания, ибо только о полностью сознающем свою жизнь человеке можно сказать, что он по-настоящему живёт. Чрезвычайно важно то, что сознание является универсальным средством, позволяющим избежать «перекосов» в сторону духа или материи.

Обычно люди не осознают многих вещей и событий, ежедневно происходящих с ними. Они словно находятся в забытьи, изо дня в день механически выполняя одни и те же действия, и так их жизнь проходит мимо них. Сикхизм и дзэн просто говорят: «Живи!». Они говорят: «Осознавай каждое мгновение, каждое ощущение в нём, и тогда твоя жизнь наполнится красками. Если ты ешь, то будь в этом полностью, не думай о сотне вещей, насыщаясь механически». Таким образом, осознание бытия предполагает тотальное *присутствие* в настоящем моменте (отбрасывание прошлого и будущего). (Будущее не должно быть проблемой, максимум — задачей

(разница между проблемой и задачей — в психологическом к ним отношении), к решению которой следует приступить уже *сейчас*.)
Такому присутствию в настоящем учит, в частности, Экхарт Толле.

Но прошлое и будущее перестают быть проблемой, а присутствие в настоящем становится возможным, только когда нас полностью устраивает это настоящее. Поэтому здесь необходимо полное принятие мира и самого себя, своих желаний, своего несовершенства как части этого мира. Не предъявляйте никаких требований существованию, — говорит Ошо, — иначе вы будете страдать». Другие религии также говорят о принятии (так, Иисус говорит нам, что не нужно заботиться о еде, питье и одежде на завтра, ибо «довольно для каждого дня своей заботы»), однако они не распространяют его на внутренний мир человека, который вынужден ввиду этого беспрестанно бороться со своими «грехами». Из этого вытекает внутриличностная дисгармония и нежелание осознавать те или иные факты. Но жизнь так устроена, что когда мы смиряемся с имеющимся положением дел и действительно принимаем его, тогда только оно и меняется. Можно биться об стену головой до потери сознания, а можно сказать ей: «я тебя принимаю»; и, если это было сказано искренне, она тут же рухнет. Так обстоит дело во всём. Поэтому не имеет значения, как долго мы упражняемся в духовности. Главное — это сама установка, сама готовность к принятию лишений и вообще всего. Ибо можно добиваться свободы от материи, попадая в лапы разума и духа, и потом добиваться свободы уже от разума и духа, но всё это — бег по кругу, всё это ещё сансара. Истина же заключается в том, что можно получать удовлетворение от реализуемых и реализованных желаний, *принимая* нереализуемые и нереализованные, и обрести таким образом гармонию и счастье. И тогда «вы сможете продолжать наслаждаться преходящими радостями этого мира, но вам не нужно будет цепляться за них, поскольку исчезнет страх потери» (Э. Толле). Чтобы достичь этого, нужен лишь один существенный переворот сознания (а если точнее — то пробуждение

сознания). Между прочим, изложенные мысли встречаются ещё у древнегреческого философа Эпикура, который для достижения максимального наслаждения рекомендовал *стремиться к тем видам блага, которые мы в состоянии контролировать*.

Духовность говорит, что в нас есть некий божественный источник. Указание на его божественность означает, что он несёт совершенную благодать. Именно поэтому, как говорит Ошо, «у радости нет причины». Причины могут быть у болезней, но не у здоровья, и бессмысленно спрашивать у доктора: «Почему я здоров?». Единственная причина радости в том, что мы выздоровели (отыскали божественный источник, познали себя и своё единство с миром, и приняли этот мир). Она не в том, чтобы лишать себя этого мира, умерщвляя плоть. А значит не должно быть никаких целей (тренировок самоистязания) — стремиться просто не к чему. Сам путь (дао), преисполненный радостью, становится целью.

Упоминание Дао не случайно. Даосская философия очень близка дзэну, поскольку даосизм и буддизм развивались в тесном взаимодействии. «Дао» — это та самая объективная реальность, которую нужно безоговорочно принять, перестав (как это обстоит и в дзэне) делить вещи на хорошие и плохие. Другое ключевое понятие даосизма — «Дэ» — означает правильное распоряжение своей жизненной энергией, и заключается не в самоистязании (и не в потребительстве), а в спонтанности действий, устремлённых в настоящее (даосское «недеяние» следует понимать именно как непреднамеренную активность). Не должно быть никаких грандиозных планов на будущее — ни мирских, ни религиозных — следует лишь полностью осознать себя и мир, принять всё это (то есть, не только мир, но и свою психику) как есть, и при выборе вариантов поведения слушать своё сердце. И тогда в тот или иной момент жизни человек естественным образом и при этом совершенно верно будет отдавать предпочтение либо лишениям, либо удовольствиям. Однако сказанное относится именно к подлинной даосской философии, а не к упадочной религии даосизма, сло-

жившейся на её основе, где существенное значение придаётся загробной жизни, а также амулетам, талисманам и магическим текстам как способу достижения бессмертия. Впрочем, не только даосизм, но и многие другие религии в той или иной степени содержат в себе отзвуки срединного пути. Так, даже в рамках того же индуизма, а именно у основателя вишишты-адвайты Рамануджи, можно встретить мысль о том, что отречение от материального мира — это такая же попытка контролировать ход событий, как и погружение в материальный мир, и она не может привести нас к блаженству; человек же всегда должен действовать в соответствии с конкретной жизненной ситуацией¹⁷. Можно привести ещё

¹⁷ В европейской традиции наиболее близкие к изложенным мысли высказал, пожалуй, Ницше. Примечательно, что он был ярким врагом как средневекового христианства (установки на духовность), так и рационализма Нового Времени (установки на материальность). Утверждая, что понятие Бога есть лишь манипулятивная фикция, а «духовный террор» ведёт к скрытой ненависти к себе, он вовсе не призывал нас выбрать эгоистическую установку на вседозволенность. Напротив, он полагал, что при всей значимости чувственной сферы, нам всегда требуется определённая доля аскетизма (без неё невозможно никакое творчество и самоутверждение). Ницше первым заговорил о том, что находится «по ту сторону добра и зла». Много внимания при этом он уделял тотальному принятию действительности, о котором говорилось выше, правда облёк эту идею в не слишком удачный термин «amor fati» (яснее эта мысль развита у Спинозы). Впрочем, и в целом Ницше трактуется исследователями неоднозначно. Его фундаментальное понятие «воли к власти», возможно, следует понимать именно как желание власти над собой, реализуемое, конечно, не посредством духовных самоистязаний, а через amor fati, а также как желание преобразовывать окружающий мир, следующего, однако, не из эгоистических побуждений, а из действительно свободного творческого порыва. Добавим к сказанному, что многие из европейских мыслителей так или иначе высказывали идеи, связанные со срединным путём, и здесь не следует заикливаться на Ницше. Так, Спиноза замечательным образом показал, что только тотальное принятие Вселенной и осознание самих себя как её части (т. е. как части Бога) ведёт нас к свободе и счастью. Шлейермахер также оправдывал религию лишь на том основании, что истинная религия есть «вкус бесконечности», а не метафизика и не морализаторство; она заключается в переживании Бога в себе и во всём, и не совместима с верой в личное бессмертие.

несколько примеров данной тенденции в индуизме, но в целом эта религия достаточно определённо настаивает на пути аскезы.

Итак, западная цивилизация направлена на получение материального удовольствия. Будучи построенной на эксплуатации человеческих инстинктов, она заставляет людей производить и потреблять всё больше и больше. Восток ценит духовное удовлетворение, и поэтому заставляет людей всё больше и больше воздерживаться. Но есть и срединный путь. Он говорит: не стремись ни к тому, ни к другому; прими абсолютно всё, тогда ты достигнешь счастья, и станешь добродетельным. Ошо называет дзэн свободой от себя, и в этом есть определённый смысл. Ибо когда мы перестаём заботиться о себе, мы находим себя. Или, как высказался известный психолог Виктор Франкл: «Счастье подобно бабочке. Чем больше ловишь его, тем больше оно ускользает. Но если вы перенесете свое внимание на другие вещи, оно придет и тихонько сядет вам на плечо». Именно этот принцип, а вовсе не принцип максимального производства и максимального потребления, обеспечивает подлинное счастье в материальном мире. Наряду с ним существует принцип духа, направленный на обретение счастья в мире ином. И в зависимости от того, верит ли человек в Бога и загробную жизнь, он выбирает свой путь.

ФИЛОСОФИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

(Прим.: все цитаты взяты из книги Г. Скирбекк, Н. Гилье «История философии»)

Древняя Греция. С её юридическим равенством, частной собственностью и свободой договорных отношений она по праву может считаться прародительницей современной западной цивилизации. Именно там впервые получил широкое развитие дух предпринимательства, соперничества и беспрестанного творчества. И всё же, видя в греческих полисах истоки современного мира, не стоит умалять их своеобразия. Хозяйство было пока ещё натуральным. Другой была и духовная ситуация.

Чем Греция отличалась от восточных цивилизаций, так это тем, что мифологическая картина мира начала сменяться там не религией, а философией. Историки говорят о «новом образе мира», сложившемся у человека в ту эпоху. Перестав считать себя частью природы, он ощутил себя как личность, но одновременно осознал и своё одиночество, власть и безразличие окружающего мира, и свою беспомощность перед ним. На Востоке решением этой проблемы стало возникновение «религий спасения», научающих людей обретению первоначальной гармонии. В Греции зародилась философия, ищущая утраченное «первоначало».

Греческая философия может рассматриваться как предшественница современной науки. Но в отличие от неё она не была ориентирована на преобразование материального мира, а носила созерцательный характер. Возвращение человека к его «естественному состоянию», поиск внутренней гармонии человека с природой и с самим собой были её важными миссиями. Рассмотрим в связи с этим некоторые аспекты учений классических философов Древней Греции – Сократа, Платона и Аристотеля. Именно они, имея пред собой досократическую философию, ориентированную

на поиск утраченного первоначала, ясно ощутили зарождающийся разлад человека с природой. И поэтому, изучая окружающий мир, они интересуются также внутренним миром каждого человека.

Сократ, будучи незнатного происхождения, никогда не стремился улучшить свое материальное благосостояние или сделать карьеру. Он был простым, искренним и добродушным человеком. Его жена, по-видимому, была очень сварливой женщиной, но он жил с ней, поскольку считал необходимым учиться терпению и приятию людей такими, какие они есть. Уже сам этот образ философа мог бы многому нас научить.

Сократа принято считать человеком высокой морали. Но здесь нужно уточнить, что именно значила для него мораль. Что, в конце концов, греческая философская мысль противопоставила восточным религиям в плане этики? Греческое слово «арете», обозначающее добродетель, не имело узко морализаторского смысла (наподобие запретов и предписаний «ты должен» или «тебе нельзя»), а обозначало воплощение подлинного потенциала человека. Добро и добродетель, таким образом, связывались с нахождением человеком своего места в мире, своей среды и своего образа жизни («этоса»). Это означает, что добрым может быть лишь тот, кто познал свою подлинную природу.

«По-видимому, основные принципы сократовской этики могут быть схематически выражены так. «Добродетель» и «знание» образуют единство. Человек, действительно знающий, что такое «справедливое», будет поступать справедливо. Человек, знающий, что такое справедливость и поступающий справедливо, будет «счастлив». Так как правильное знание есть знание того, чем собственно является человек, то поступать морально (справедливо) означает вести себя в соответствии с тем, чем действительно является человек».

Итак, если мы знаем свою истинную природу, и действуем в соответствии с ней, то мы не просто поступаем морально, но и тем самым обретаем счастье.

Очевидно, при этом, что «Сократ понимал под счастьем (греч. eudaimonia) нечто иное, чем удовольствие. Для Сократа физические страдания и смерть не препятствуют счастью. Быть счастливым для него означало жить в мире с самим собой, обладать чистой совестью и самоуважением. Таким образом, счастье связано с человеческой цельностью и подлинностью. Тот, кто воплощает добродетель и как таковой является цельным человеком, тот является «счастливым». Счастье, цельность и добродетель, следовательно, взаимосвязаны... Что бы с нами ни случилось, это не существенно для вопроса о том, в какой степени мы счастливы».

Из сказанного видно, что счастье в сократовском смысле напрямую зависит от ощущения человеком своего бытия, своего внутреннего мира. Добавим к этому, что знание окружающего мира для Сократа было ущербно без знания человеком собственной природы. Платон, заимствуя эту мысль, говорит, что каждый человек с самого рождения хранит знание (залог счастья!) в глубине своей души. Путь к этому знанию длителен и труден, но если истина является, она подобна вспышке света в душе.

Так что же это за знание? Что имеют в виду древние философы, призывая нас «познать самих себя»? Согласно Платону, знание не совместимо с эгоизмом. «Эгоизм выражает тот факт, что люди принципиально не понимают, что означает быть человеческим существом. Они не понимают того, что личные интересы и общественные интересы совпадают». Сказанное выглядит вполне логичным в том плане, что если и существует некая «подлинная человеческая природа», то она должна быть общей для всех людей. Отсюда – принципиальное единство всех людей и непротиворечивость их интересов. Осознание своей сущности есть обретение свободы. В то же время свобода людей «заключается в свободной реализации их собственной жизни, а это возможно только в сообществе».

Идея жизни в сообществе наиболее полно развита уже у Аристотеля. Согласно Аристотелю, человек, как и любая другая вещь,

стремится к актуализации своей потенциальности, и потому характеризуется глубинной динамической напряженностью: «...для каждого отдельного человека его цель заключается в реализации его способностей в обществе, где он живет, в нахождении его стиля (его этоса - ethos), его места в сообществе, места, на котором он наилучшим образом реализует свои собственные способности. Это и есть добродетель (арете)... Сообщество является необходимым условием для реализации человеком его наилучших человеческих способностей. Иными словами, базисным понятием является человек-в-сообществе (zoon politikon), а не индивид в изоляции от общества или общество (государство), отделенное от индивида».

Так почему же человек может реализовать свои способности только в сообществе? Не только, и не столько потому, что общество обеспечивает свободу и благополучие индивида, предотвращая «войну всех против всех», ибо при таком раскладе Аристотелю нечего было бы возразить киникам – современным ему хиппи, которые пытались найти счастье в примитивной, животной, необщественной жизни. Но Аристотель полагает, что «человеческая природа не раскрывается людьми..., не использующими в сообществе с другими свою уникальную человеческую «душу»». По всей видимости, в учении Аристотеля способность не просто должна быть реализована, но реализована именно для других. Человек становится самим собой только в условиях духовного единства с другими людьми. И если семья служит удовлетворению основных потребностей, то государственное устройство «делает возможной интеллектуальную и политическую самореализацию граждан». Это очень примечательный факт: государство существует не для того, чтобы гарантировать и повышать материальное благосостояние граждан, а для их духовной по сути самореализации, которая, в свою очередь, служит залогом счастья (и когда Аристотель говорит о важности реализации способностей, его аргументом служит вовсе не польза для экономического развития государства, иначе он не ратовал бы за гармоничное развитие всех способностей в

противоположность современному разделению труда). Речь идёт о самораскрытии индивида, об эманации его внутреннего мира в мир материальный, об обращении человека к подобным ему существам в надежде встретить их сочувствующий отклик, а также помочь им. Не случайно дружба и общение, согласно Аристотелю, являются самоцелью! Как и у Сократа, человек здесь, раскрывая свою природу, поступает морально, и таким образом обретает счастье.

Современная мысль много говорит о том, что основой и целью любого общества является человек. Утверждается, что не личность должна быть средством общественных преобразований, а сами эти преобразования – средством достижения личностного счастья. Такие выводы связаны с осознанием ошибочности рухнувших не так давно тоталитарных систем, которые показали нам, что примат абстрактных общественных интересов не лучше эгоизма, а скорее представляет лишь его – эгоизма – коллективную форму. Но в то же время мы должны помнить, что примат личностных интересов, если верно его понимать, не подразумевает всеобщий эгоизм – якобы противоположную тоталитаризму крайность. Совсем не к этому призывают нас современные гуманистические идеи. В действительности правильно трактуемый «принцип личности» с необходимостью ведёт к идее всечеловеческой солидарности, потому что потребность в другом человеке есть одна из наиболее фундаментальных потребностей. Древние греки очень хорошо чувствовали это, вот почему их свободолюбивость, гордость и благородство тесно сочетались с преданностью родному полису.

Итак, менталитет древних греков, также как и их экономический строй, имел как общие, так и отличительные черты в сравнении с современной западной цивилизацией. В духовной сфере мы можем говорить о том, что процесс отчуждения человеческого сознания тогда ещё только начинался. Активная преобразовательная деятельность пока не мыслилась основой обретения гармонии и счастья. Эта позиция обуславливалась во многом интуитивным, а не рациональным, чувствованием своей души и своего предназ-

начения. (Рациональным путём сложно обосновать, почему мы должны любить людей, но для того, кто ещё способен заглянуть внутрь себя, как и для древнегреческих мыслителей, совершенно очевидно, что без любви к людям, без принятия их индивидуальности, жизнь попросту не имеет смысла.)

И тем не менее, философия Древней Греции есть одновременно философия упадка. Мыслители всё больше пытаются охватить существующее в своих теоретических понятиях, таким образом как бы «подчинив» его себе (современная наука подчиняет природу уже не теоретически, а практически). При этом в сферу мыслительной агрессии попадает не только внешний материальный, но и внутренний духовный мир, ибо именно в той же древнегреческой мысли, начиная по крайней мере с Платона, зарождается идея обуздания «низменных страстей» человека. Пройдет ещё эпоха Средневековья с её культом вины и репрессией жизненных импульсов, а также эпоха Просвещения, с её репрессией уже внешней природы, пока человеческий дух не поднимется над обеими крайностями и не вспомнит аристотелевскую концепцию *pous theos* (Божественного разума), заключающуюся в примирении человека с миром... Но настал ли этот момент, и готово ли современное массовое сознание воспринять все достоинства древнегреческой философии, столь искусно нащупывающей пожалуй самое главное в жизни, остается открытым.

СОКРАТ КАК ДАОС И БУДДИСТ

В 5 веке до нашей эры в бедной афинской семье каменотеса и повивальной бабки появился на свет один из самых выдающихся философов всех времен – Сократ. Вероятно веком раньше, в г. Лумбини на территории современного Непала, в богатой аристократической семье родился будущий основатель буддизма – Сиддхартха Гаутама (он же Будда). Примерно к этому же времени относят обычно жизнь полумифического архивариуса и библиотекаря из Китая – Лао-цзы, основателя современного даосизма. Нет никаких сомнений в том, что Сократ не был ни буддистом, ни даосом в строгом смысле этого тезиса хотя бы потому, что историческая наука не располагает точными данными о том, кто – Сократ, Лао-Цзы или Будда – родился и жил раньше других. Но сомнений не может быть и в другом, а именно в том, что через этих трех духовных учителей в мир вошла Великая Истина. Задачей настоящей статьи и является показать, что философия Сократа, пожалуй, была максимально близка взглядам великих восточных наставников.

Первое общее звено этих философов, на которое можно обратить внимание, заключается в том, что никто из них не стремился к материальным богатствам. Утверждают, что Сократ ходил по улицам Афин босиком, в нищенском одеянии, а однажды, проходя через рынок, произнес: «Как хорошо, что в мире есть столько пустых и ненужных вещей, без которых можно спокойно обходиться!». Что касается Будды, принадлежавшего царскому роду, то общеизвестно предание о том, что он ушел из дома в поисках истины, презрев сытую и уютную жизнь. О Лао-цзы известно меньше. Вероятно, он проработал всю жизнь на одном месте, не пытаясь продвигаться вверх по карьерной лестнице. Так или иначе, ему приписываются, например, следующие высказывания: «Совершенномудрый отказывается от излишеств, устраняет роскошь и расточительность»; «Совершенномудрый ничего не накапливает. Он все делает для

людей и все отдает другим».

Здесь можно отметить, что великое множество подвижников и аскетов отказывались от материальных благ, денег и славы во имя высоких идеалов, поэтому аналогия между Буддой, Сократом и Лао-цзы может показаться несколько натянутой. Но к этому важно добавить и то, что у названных мыслителей по сути-то и не было никаких высоких идеалов. Они отказывались от материальных благ не потому, что следовали божественным заповедям, священным писаниям и т.п. Просто они были уверены в том, что путем накопления богатств невозможно достичь удовлетворения, гармонии и счастья. Если хотите, их аскетизм имел чисто практические причины. Тот же Будда, согласно преданию, несколько лет провел в обществе странствующих аскетов, и в итоге понял бессмысленность их самоистязаний. Ведь аскетизм – это не самоцель, это лишь указатель к подлинному счастью, и нам не следует всецело предаваться ему. Впоследствии Будда также проповедовал отказ от суетных желаний, но смысл его проповедей был уже несколько иной. Его можно выразить риторическими вопросами Лао-цзы: «Что ближе тебе, слава или жизнь? Что дороже, жизнь или богатство?». Иными словами, слава и богатство имеют тенденцию затенять подлинную жизнь; но если в вас больше нет искры жизни, какая разница, сколько у вас собственности? (Здесь вспоминаются и слова Христа: «Что будет пользы человеку, если обретет весь мир, а душу свою потеряет?»).

Вторым общим пунктом, сближающим Сократа с даосским и буддийским учениями, является то парадоксальное обстоятельство, что Сократ считал поиск истины важнейшей задачей человека, но признавал при этом принципиальную недостижимость истины. Сократу приписывают знаменитую фразу «я знаю лишь то, что я ничего не знаю». Утверждается, что он произнес ее, когда узнал, что его назвали самым мудрым из эллинов. В ответ на эту почесть Сократ предположил, что отличается от других людей лишь тем, что осознает свое незнание, другие же не осознают и

этого. Это предположение и вылилось в тезис «я знаю лишь то, что ничего не знаю». Удивительно, но очень похожая фраза встречается в трактате «Дао дэ цзин», авторство которого приписывают Лао-цзы: «Знать, что не знаешь, есть высшее [знание]. Не знать, [считая, что] знаешь — болезнь». Действительно, сомнение как возможность признания собственных ошибок – это начало и условие всякого познания: если человек не хочет усомниться в имеющихся у него сведениях, то он встает на путь догматизма, отдаляющий от истины. Вспомним знаменитую формулу Рене Декарта – *de omnibus dubito* («во всем сомневаюсь»), – которую он сделал основным методологическим принципом познания. В ней, собственно, и состоит разгадка вышеназванного парадокса: познание истины возможно лишь тогда, когда мы признаем ненадежность и несовершенство имеющихся сведений, и не цепляемся за них, а признаем бездонность и невыразимость истины. Так стремление к истине оказывается важнее самой истины.

Важно разъяснить и то, что Сократ, Лао-цзы и Будда понимают под истиной. В их учениях мы не встретим и намека на завершенную онтологию: эти мыслители не познают окружающий мир. Все, что их интересует, это мир внутренний, «внутренняя истина», ведь важно не то, как именно устроена Вселенная, а то, готов ли человек воспринять Вселенную такой, какая она есть. Поэтому, например, Будда отрицает необходимость ответа на вопрос о существовании Бога: ответить на него означает впасть в догматизм, тогда как главное – избегать последнего. Более того, наличие или отсутствие Бога не решает вопрос о том, как нам поступать. Экзистенциалисты верно отмечают, что каждый человек сам определяет, как именно интерпретировать слова и знамения Бога, как применять Его заповеди в конкретных ситуациях и пр. В то же время, познание истины преследует как раз цель «практического ориентирования»: если мы сохраняем объективный взгляд на мир, и правильно воспринимаем действительность, то мы поймем, как следует действовать при конкретных обстоятельствах, к чему стоит стремиться,

а к чему не стоит. Но что дает нам знание об окружающем мире с точки зрения этой цели? Английский философ Дэвид Юм давно показал, что нравственные ориентиры невозможно вывести из простого описания действительности. Так, даже если все люди сойдутся на определенном мнении о том, как обстоят дела, это еще не означает, что они будут разделять одни и те же нравственные установки, ибо одни стремятся облагодетельствовать все человечество, а другие спрашивают: «На каком основании я должен жертвовать своим временем, своими возможностями и своей собственностью, в общем – своей жизнью, которая дается мне лишь раз, ради кого-то другого?». Короче говоря, знание того, как обстоят дела, еще не гарантирует знание того, что делать. (Вот почему у даосов весьма скептическое отношение к первому из этих знаний. Когда они говорят, что Дао стремится к тому, чтобы у народа не было знаний, под знанием имеется в виду как раз многочисленная совокупность никому не нужных фактов об окружающей действительности. В «Дао дэ цзин» утверждается: «Когда будут устранены мудрствование и ученость, народ будет счастливее во сто крат».)

К этому можно добавить следующее соображение. Скептики давно поставили под сомнение само существование материального мира. Множество философов спорили лишь о том, насколько данная нам иллюзия материи (в ее иллюзорности они были уверены) соответствует тому, что реально существует, и как именно реальное связано с иллюзорным. Р. Декарт, начиная строить свою философскую систему, вообще решил усомниться абсолютно во всех знаниях, добытых до него, и пришел к выводу, что сомневаться нельзя только в одном: в своем собственном существовании. Знаменито его изречение: «Я мыслю, следовательно, я существую» (*cogito ergo sum*). Впоследствии другие философы отвергли и этот тезис. Они отмечали, что наличие мыслей еще не говорит о наличии мыслителя. В действительности мы можем говорить лишь о существовании самих мыслей, а если точнее – своего сознания, но совсем не обязательно, что это сознание принадлежит «нам»,

так как «нас», быть может, и не существует, а существует только само сознание, или «нечто, что воспринимается как проявляющееся в нас в виде сознания». Не это ли имел в виду Сократ, говоря «я знаю, что ничего не знаю»? Между прочим, эту истину очень хорошо усвоил буддизм. Буддийская концепция «анатман» отрицает существование индивидуального «Я» человека путем указания на взаимосвязанность всего сущего (ср. с чисто практическим даосским отрицанием самости: «Совершенномудрый ставит себя позади других, благодаря чему оказывается впереди; пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется»; в другом месте: «я имею великое несчастье, потому что дорожу самим собой»). Фундаментальным положением буддизма является и так называемая «иллюзорность дхарм», под которой понимается несовершенство человеческого опыта, а также ограниченность самих структурирующих опыт паттернов и относительность любых суждений о действительности (ср. с фундаментальным даосским изречением: «Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя»). Буддизм не утверждает, что объективной реальности не существует; он вообще не мыслит категориями «реально – не реально». Для него важнее категории «причиняет страдания – не причиняет страдания», и для того, чтобы постичь их, нужно лишь внимательно вслушаться в самого себя. И здесь мы снова обращаемся к концепции «истины о внутреннем».

Итак, мир внешний познавать не только бесполезно, но и невозможно. Однако наш внутренний мир дан нам непосредственно. Он, верно, и не «наш», но он есть то, что мы можем наблюдать со всей очевидностью, поэтому вполне допустимо предположить, что знание внутреннего мира обладает большей достоверностью, чем знание внешнего. Причина, по которой мы иногда не способны четко различать происходящие в нем процессы – это всё тот же догматизм. И это очень удобно, поскольку здесь объект изучения по сути сам подсказывает нам, насколько правильно мы его воспринимаем. Если мы пытаемся обмануть себя относительно

того, что происходит у нас в душе, то чувствуем некоторую смуту, или дискомфорт, а наше сознание как будто окутывается пеленой тумана, и мы остро ощущаем потребность в объяснении сложившейся ситуации. Если же мы честны с собой, то всё представляется нам настолько ясным, что сомнения, как правило, отпадают сами собой. Таким образом, мы имеем неплохие возможности в познании собственного внутреннего мира, было бы желание.

Упомянутая выше честность перед собой ведет и к другому положительному аспекту, а именно возрастанию степени объективности в процессе познания. Общепринятым положением в среде ученых и философов является то, что человеку не доступна абсолютная истина, однако доступна истина относительная. Эта последняя лишь постольку имеет право называться истиной, поскольку соответствует разумной для данных обстоятельств степени объективности познающего. И если познающий сумел дистанцироваться от своих личных предпочтений, и задействовал все возможные инструменты познания, то мы можем рассчитывать на то, что приобретённое им знание будет истинным настолько, насколько это необходимо для осуществления тех целей, для которых познание осуществлялось. Так через приоритет внутреннего решается проблема познания внешнего: будучи беспристрастными, мы уже не задаемся бесполезными вопросами наподобие «существует ли что-то, помимо декартовского *cogito?*», но обладаем вполне достаточным знанием внешнего мира.

Наконец, знание душевно-духовных процессов обладает приоритетом потому, что из этого знания можно вывести нравственные принципы. Ранее мы отмечали, ссылаясь на Д. Юма, что нормативное знание невозможно вывести из дескриптивного. Однако это утверждение не затрагивает «знания о душе», поскольку если мы знаем себя, мы абсолютно уверены в том, что мы должны делать. Эта уверенность достигается нами без построения цепочки логических умозаключений, то есть без размышлений - она приходит словно вспышка озарения. Таким образом, знание себя ведёт

к знанию нравственного поведения.

(Попутно заметим, что последние два достоинства «внутренней истины», а именно возможность объективно познавать внешний мир и при этом оставить место для нравственности, лаконично изложены в «Дао дэ цзин»: «Не выходя со двора, можно познать мир. Не выглядывая из окна, можно видеть естественное дао».)

Сократу часто приписывают девиз «Познай самого себя!». На самом деле этот девиз был провозглашен древнегреческими философами задолго до Сократа (и надо сказать, ведущие христианские философы также прибегали к нему, утверждая, что только через себя мы и познаем Бога). В любом случае, философия Сократа очень метко соответствует ему. Именно тем он и занимался, что познавал себя; именно так он познал и мир, и гармонию. Широко известен так называемый «демон Сократа», то есть его внутренний голос, к которому Сократ прислушивался, находя посредством него ясные и несомненные ответы на самые животрепещущие вопросы. В этой связи хотелось бы рассмотреть вопрос о том, как Сократ добывал нормативное (т.е. моральное) знание.

Дело в том, что, согласно Сократу, человек, знающий, кем и чем он по существу своему является, априори поступает морально. Нравственное поведение есть, таким образом, ни что иное, как поведение, соответствующее глубинной человеческой сущности. Чтобы стать нравственным, нужно лишь найти себя, а также свой путь в жизни. Именно такой смысловой оттенок несет древнегреческое слово «добродетель» – «арете». Но если мы занимаемся тем, к чему имеем призвание, то мы, несомненно, получаем подлинное удовольствие, делающее излишним какое-либо логическое обоснование реализуемых при этом нравственных принципов. Мы просто чувствуем, как делаем то, что и нужно делать. И мы не обращаемся к исследованию окружающего мира, чтобы понять это. Так нормативное знание становится доступным для нас.

Сократ, очевидно, признавал наличие общей человеческой сущности, а также тот факт, что эта сущность – добра. Иначе не

шла бы речь о нравственности как о реализации своей сущности. Свою задачу Сократ видел в том, чтобы «пробудить людей ото сна», и заставить их взглянуть этой сущности прямо в лицо. Поэтому Сократа часто называют «интеллектуальным оводом». Человек, стремящийся к деньгам, славе и власти, согласно Сократу, просто не понимает, что противоречит собственной сущности. Он пытается уйти от первозаданной свободы, компенсировав ее чем-то внешним, в то время как настоящую радость бытия дарует именно свобода, а не «золотая клетка». Более того, такой человек, как правило, не отличается самостоятельным мышлением, предпочитая и здесь быть в «золотой клетке» устоявшихся стереотипов. Сократ же пытался показать, что будучи свободными и рационально мыслящими (свобода есть ни что иное, как следование чистому разуму), мы естественным образом приходим к взаимной любви и уважению, то есть становимся нравственными. Безнравственность, в свою очередь, является попыткой уйти от изначально данной нам свободы. (Сравним это с чудесным отрывком из «Дао дэ цзин»: «Возвращение к сущности называется постоянством. Знание постоянства называется достижением ясности, а незнание постоянства приводит к беспорядку и в результате – к злу. Знающий постоянство становится совершенным» (курсив мой. – Н.Ш)).

Можно сказать, что безнравственность основывается на понимании свободы как своеволия, а не как следования разуму. Но о каком своеволии может идти речь в полностью детерминированном физическими законами мире? Каждый атом занимает здесь то место, которое предначертал ему Большой Взрыв. Поэтому безнравственность есть ни что иное, как неразумность.

Итак, в чем же мы неразумны? Будда отвечал на этот вопрос так. Человек постоянно стремится к чему-то, и никогда не удовлетворяется достигнутым. Он не может жить без цели – иначе сразу начинает скучать и нравственно разлагаться. С другой стороны, наличие цели превращает его жизнь в бесконечную борьбу и на-

пряжение. Поэтому сколько бы вещей мы ни имели, скольких вершин бы ни достигли, мы так и останемся несчастными, потому что не умеем управлять своими желаниям. Просветление, на которое указывал Будда, подразумевает под собой освобождение от своих желаний, или же разумное их контролирование. Причем вопрос не в том, чтобы искоренить всякое желание, а в том, чтобы не превращать желание в страсть. (Вот и в «Дао дэ цзин» говорится, что «тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну [Дао], а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме»). Важно подчеркнуть: путь к просветлению Будда называл правильным пониманием своей сущности, а причину страданий, изложенную выше, кратко обозначал как «неведение собственной сущности».

Обратившись к трактату о Дао и Дэ, мы можем увидеть схожие мысли: «Когда в погоне за добычей мчишься по полю во весь опор, сердце твое делается безудержно слепым. Так драгоценные вещи действуют во вред человеку и заставляют его совершать преступления». Истинный же путь (Дао) заключается в том, чтобы бежать по полю в свое удовольствие, а не мчаться без оглядки в плену сиюминутных страстей. Отдельно в рассматриваемом сочинении указывает на тот вред, который приносит неконтролируемая жажда славы: «Слава и позор подобны страху... Это значит, что нижестоящие люди приобретают славу со страхом и теряют ее также со страхом». В этом отрывке содержится указание и на критерий, по которому различаются здоровое желание и страсть. Таким критерием выступает страх, беспокойство и т.п.

Проанализировав вышеприведенные цитаты, можно заметить, что согласно даосизму к страданиям ведут не только сами страсти, но и их реализация. Яснее эта мысль выражена в следующих строках: «Если богатые и знатные проявляют кичливость, они сами навлекают на себя беду. Когда дело завершено, человек должен устраниваться. В этом закон небесного Дао».

Обратимся теперь снова к древнегреческой философии в виде так называемых сократических (восходящих к Сократу) школ.

Одной из таких школ является эпикуреизм. Основатель данного направления Эпикур учил, что главной целью человека является счастье, поэтому человек имеет право наслаждаться. Но при этом Эпикур также различал пагубные страсти и здоровые желания. Гедонистическая привязанность к страстям, согласно Эпикуру, отнюдь не ведет к счастью (о чем говорил и Будда): наслаждаться следует обдуманно. Во-первых, Эпикур разделял желания на (1) естественные и необходимые, (2) естественные и не необходимые, а также (2) неестественные и не необходимые. Удовлетворение только первой группы желаний уже достаточно для счастья, при этом подавляющее большинство людей имеют соответствующие возможности. Желания второй группы имеют тенденцию перерасти в пагубные страсти. Желания третьей группы уже по своей сути являются опасными соблазнами, уводящими нас далеко от гармонии и счастья. Во-вторых, Эпикур учил, что отсутствие страданий уже есть счастье, поэтому нам не следует постоянно стремиться к чему-то большему и новому. В-третьих, Эпикур утверждал, что счастье заключается не в событиях и вещах, а в нашем отношении к ним. Это означает, что если кто-то хочет быть счастливым, то он в некотором смысле не имеет к этому никаких препятствий: нужно лишь открыть источник счастья в себе самом. Данная мысль имеет решающее значение, так как объясняет, как в учениях Сократа, Будды и Лао-цзы пренебрежение к материальным богатствам связано с особым вниманием к внутреннему миру человека. Что бы ни случилось в жизни, мы всё равно каким-то образом относимся к случившемуся, поэтому решающее значение всегда принадлежит отношению к факту, а не самому факту¹.

¹ Одной из самых главных проблем эпикурейства и других сократических школ обычно называют следующую: все эти учения говорят о правильном отношении к действительности, правильном внутреннем настрое, которые являются залогом счастья, однако не учитывают, что контролировать свой внутренний мир порой ничуть не легче, а то и сложнее, чем мир внешний; с одной стороны, наше отношение меняет всё сущее, с другой – всё сущее оказывает влияние на наше отношение. Так или иначе, истин-

В действительности, нет ничего хорошего и плохого в мире. Мы сами решаем, что хорошо, а что плохо. Важнейшим пунктом буддизма и даосизма является утверждение, что абсолютно всё сущее – в некотором смысле хорошо. Оно будет хорошим, если мы не станем отмежевываться от единого – от Дао, а полностью вручим себя ему (в этом смысл буддийских и даосских учений об отрицании личностного «я» человека). Добро и зло появляются только тогда, когда мы встаём на позицию эгоизма: «есть я, а есть остальной мир». Так, в «Дао дэ цзин» сказано: «Когда все узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что добро является добром, возникает и зло». При этом под добром обычно начинают понимать не гармонию сущего, а то, что способствует интересам личностного «я», под злом же – то, что не способствует. Вот почему в рассматриваемых учениях – буддизме и даосизме – отрицается такая типичная «псевдонравственность». Автор «Дао дэ цзин» даже позволяет себе резкое замечание по поводу типичного «человеколюбия» (являющегося лишь скрытым желанием контролировать другого человека): «Совершенномудрый не обладает человеколюбием, - пишет он, - а предоставляет народу возможность жить собственной жизнью».

Отметим, что, согласно Эпикуру, главным препятствием на пути к счастью является страх (ср. с даосизмом). В качестве наиболее распространенных страхов он называет страх перед богами, перед

ним остается тот факт, что и подлинное счастье и обычное удовольствие есть именно отношение к реальности, а не сама реальность. И в тех случаях, когда имеется возможность изменить это отношение без изменения самой реальности, реализация такой возможности будет весьма разумным выбором. И всё же, задачей многих духовных наставников было показать именно то, что возможность изменить своё отношение имеется всегда. Их аргументом было то, что стремление полностью освободиться в своих желаниях и суждениях от влияния окружающего мира (принимая формы крайнего аскетизма) непродуктивно и утопично, тогда как смирение человека с самой этой утопичностью и может быть желанным «изменением своего отношения».

смертью и перед судьбой. Эпикур приводит достаточно веские аргументы, свидетельствующие о необоснованности данных страхов, но мы не будем сейчас их разбирать. Сопоставим лишь его слова с наблюдением Будды о том, что страдания людей выражаются, в первую очередь, в болезнях, старости и смерти. Можно сказать, что эти страдания вызваны страхами, которые, в свою очередь, являются необоснованными. Эпикур замечал: «Когда есть я, смерти нет, когда приходит смерть, меня уже нет, так зачем мне бояться её, если она не имеет ко мне никакого отношения?». Что же касается страха перед болезнями и судьбой, то это лишь продукт нашего отношения, а не реального давления фактов. Факты вовсе не вынуждают нас бояться, напротив, они указывают на то, что бояться неразумно, ведь в страхе растворяется счастье...

Другие сократические школы, такие как стоицизм и кинизм, также проповедовали независимость от внешних обстоятельств, утверждая, что человек вполне может принять любое событие с радостью, если будет жить в согласии с собой (своей сущностью) и с миром (здесь греческий Логос можно сравнить с китайским Дао). Стоики учили, что все мы являемся частью некоего целого, хотим того или нет. В мире царствует естественный закон, не зависящий от людских страстей. Поступать согласно этому закону есть благо для всех существ; нарушать этот закон – значит противоречить себе, впадать в дисгармонию. Таким образом, нравственное поведение здесь снова связывается с правильным пониманием своей сущности, а также причастности этой сущности к общему порядку мироздания (вспомним: наш внутренний мир, быть может, совсем и не наш!).

Изложенная философская концепция обретения счастья, безусловно, берет своё начало от Сократа. Исследователи отмечают, что Сократ отличал подлинное счастье от обычного удовольствия. Счастье, согласно Сократу, не зависит от конкретных условий существования, не нарушается физическими страданиями и угрозой смерти (вспомним, что сам Сократ был казнён за свои убеждения, но

до самой смерти не падал духом и пребывал в бодром настроении).

Итак, мы рассмотрели основные общие положения сократических школ, буддизма и даосизма. Все эти учения предлагают нам заглянуть внутрь самих себя, и понять, что самое главное в жизни - это не материальное благополучие, а свобода; только будучи свободными, мы ощущаем настоящую радость жизни, при этом свобода есть ни что иное, как следование разуму, она диаметрально противоположна вседозволенности, слепому следованию страстям.

Степень нашей свободы напрямую связана с развитием способности к самостоятельному мышлению. Никакая философия и никакая религия не дадут нам окончательных ответов на вопрос нашего существования, равно как и наука никогда не станет законченным знанием о чем-либо. Настоящее знание базируется на глубоком понимании той информации, которая нам дана, и на критическом ее осмыслении, поэтому знание должно быть «одно с человеком». В этом – один из центральных тезисов философии Сократа. Он никогда не любил безапелляционно утверждать: напротив, своими высказываниями он лишь пытался побудить людей к самостоятельному мышлению и к рациональному обсуждению, заставить их по-другому взглянуть на, казалось бы, привычные факты и устоявшиеся истины, и усомниться в непререкаемости авторитетов. (Именно поэтому Сократ не оставил после себя письменных сочинений: он считал, что текст по своей сути препятствует свободному ходу рассуждений и диалогу.) Между прочим, схожую позицию приписывают Будде, который говорил: «Не принимайте моё учение просто из веры или из уважения ко мне. Подобно тому, как купец на базаре при покупке золота проверяет его: нагревает, плавит, режет — чтобы убедиться в его подлинности, так же проверяйте и моё учение, и только убедившись в его истинности, принимайте его!». В дзен-буддизме есть расхожее утверждение: «Встретишь Будду – убей Будду!». Оно означает, что даже слова таких авторитетов, как Будда, должны подвергаться сомнению и проверяться на собственном внутреннем опыте. И как

мы только что видели, именно такую позицию в отношении себя проповедовал сам Будда. Интересный факт: что в буддизме отсутствуют ереси, поскольку отсутствуют непререкаемые догматы.

Вообще, буддийская философия содержит так называемые «четыре опоры»: «опора на учение, а не на учителя»; «опора на смысл, а не на слова, его выражающие»; «опора на окончательный смысл, а не на промежуточный»; «опора на совершенную мудрость глубинного опыта, а не на простое знание». Несомненно, что Сократ был бы солидарен со всеми изложенными «опорами». Дзен-буддизм, к слову, достаточно презрительно (в духе Сократа!) относится к всевозможным письменным источникам мудрости.

Утверждается, что Будда также проповедовал учение о «только лишь сознании», согласно которому все существа и явления есть только лишь сознание. Это учение можно связать как с ранее поднимавшимся вопросом о неочевидности окружающего нас материального мира (более-менее очевидно лишь существование «в нас» «чьего-то» сознания), так и с вопросом о необходимости самостоятельного мышления, поскольку самостоятельное мышление есть именно повышение своей осознанности. Существует даже легенда, согласно которой Будда смахнул с себя севшую на него бабочку, а потом пожалел об этом, поскольку совершил данное действие «машинально», присутствуя сознанием не в настоящем моменте, а в отвлеченных мыслях.

Обратимся к «Дао дэ цзин», чтобы показать максимальную близость изложенного в нем учения к только что приведенным соображениям. Относительно необходимости сократовского диалога, дискуссии в процессе познания в указанном трактате читаем: «Совершенномудрый исходит не только из того, что сам видит, поэтому может видеть ясно, он не считает правым только себя, поэтому может обладать истиной». Относительно необходимости «пропускать знание через себя», а не просто усваивать информацию в книге о Дао и Дэ видим: «Человек высшей учености, узнав о Дао, стремится к его осуществлению. Человек средней учености,

узнав о Дао, то соблюдает его, то его нарушает. Человек низшей учености, узнав о Дао, подвергает его насмешке. Если оно не подвергалось бы насмешке, не являлось бы Дао». В этом отрывке проводится различие между теми, кто усвоил знание всей своей сущностью (это – «высшие» люди), теми, кто лишь запомнил некоторую информацию, в действительности ничего не поняв, и теми, кто не владеет даже информацией. Одновременно здесь сказано о том, что Дао должно подвергаться насмешке. Что это означает? А означает это одно: что никакой авторитет и никакое знание не являются безусловными. И не сродни ли это так называемой «сократовской иронии»?

Полагаю, что читатель убедился в удивительной схожести учений Сократа, Будды и Лао-цзы, через которые в мир вошла великая мудрость. Впрочем, целью данной статьи являлось на самом

² P.S. В заключение хотелось бы добавить несколько замечаний по поводу ближайших и самых известных последователей Сократа – Платона и Аристотеля. Платон разделяет точку зрения Сократа, согласно которой знание ведет к добродетели. Но для Платона это знание уже не столько своей сущности, сколько некой абстрактной идеи добра; знание у него облекается в сухую форму концепций и определений, а особое значение получает количество знаний. Таким образом, Платон упускает важнейшие факты: что истинное знание есть лишь то, которое буквально срослось с личностью познающего, что его нельзя выразить «пером», что качество знания намного важнее его количества. Для Платона, далее, свобода (в том числе свободное мышление) перестает быть важнейшей ценностью: в соответствии с его учением, общественная жизнь должна определяться исключительно решениями «экспертов», причем экспертов именно в вопросах нравственности (хотя, как показал Д. Юм, как раз в сфере нравственности никаких «экспертов» быть в принципе не может), а в отношении искусства и образования должна быть введена строжайшая цензура. Платон отстаивает специализацию труда, и делает это не только потому, что каждый человек индивидуален (имеет свои наилучшие способы реализации человеческой сущности), но и в целях материальной эффективности... И всё же, Платон сохраняет некоторые положительные импульсы от своего учителя. Он утверждает, что человеческая природа есть одновременно общественная природа, поэтому человек сможет обрести счастье только в служении другим (эгоизм, соответственно, есть

деле не столько показать схожесть названных учений, сколько напомнить читателю о самой этой мудрости, и о возможности самостоятельно (!) приобщиться к ней. И мне остается надеяться, что эта цель будет достигнута.

незнание своей природы; впрочем, как и альтруизм, сводящий человека исключительно к обществу). Ошибка Платона, однако, была в том, что, отрицая свободу, он заходил в постулировании общественной сущности человека слишком далеко. На это указывал Аристотель, напоминая, что любое общество состоит, в конечном счете, из конкретных людей. Аристотель разделял убеждение Сократа о том, что путь к счастью лежит через познание своей сущности (только в большей степени связывал это утверждение с нахождением человеком своего места в обществе, то есть своего «стиля»). При этом в отличие от Платона он подчеркивал свободу человека находить свой собственный стиль и неправомочность любых указаний на этот счет извне. Это не эксперты должны решить, как мне жить, но я сам, через бескорыстное общение с друзьями, вырабатывающее способность к суждениям, должен осознать общую для всех людей сущность, равно как и свою нуждаемость (духовную, а не материальную) в других людях, и поэтому проникнуться к ним любовью и уважением.

ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Что такое справедливость? Этим вопросом задавались мыслители самых разных эпох. В современную эпоху постмодерна, когда слова стремительно теряют свой смысл, достаточно большой популярностью пользуется тезис, согласно которому справедливость у каждого своя, под ней можно понимать всё что угодно, а универсального понятия справедливости дать невозможно. Однако, как отмечал известный философ 20 века Л. Витгенштейн, хотя значение и слова меняется вместе с его употреблением, это ещё не означает, что мы вольны употреблять слова как попало. В разговоре каждому следует, как минимум, указывать на подразумеваемое им значение, причем это значение должно иметь некоторую опору в опыте. Такое прояснение языка – неперенный шаг на пути к истине.

Если же мы действительно начнем задумываться о сущности справедливости, то очень многое окажется вполне ясным. Так, ещё Аристотель заметил, что мы применяем термин справедливость при описании ситуаций двух типов.

Первый тип ситуаций – это ситуации обмена. Когда мы на рынке меняем товар на деньги, то подразумеваем, что некоторому количеству денег эквивалентно некоторое количество товара, и таким образом, при обмене действует принцип «равным – за равное». Что именно и чему равно – решается непосредственно участниками обмена. Следовательно, такая справедливость носит чисто договорной характер. При этом оба участника обмена должны действовать свободно и без принуждения. Поэтому даже если государство обеспечивают максимальную свободу рынка, законодательное регулирование обмена всё равно будет иметь место (хотя бы в форме гарантии основ рыночной экономики: частной собственности и свободы договора). Так, по закону допускается заключение самых разнообразных договоров, а также изменение в договоре предусмотренных законом правил, оспаривание ка-

бальных и принудительных сделок и т.д.

Но здесь мы способны ясно различить для себя лишь внеэкономические (физические и психические) методы принуждения, такие как при продразверстке или мошенничестве, поэтому возникает проблема определения статуса чисто экономических рычагов воздействия на человеческую свободу. Если бы рыночные факторы расценивались нами как справедливые, то не возникло бы столь масштабного социалистического движения, не достигла бы такой популярности агрессивная критика искусственного подстегивания потребностей через массмедиа, не критиковалась бы с позиций справедливости банковская система. В первую очередь тут важны факторы, во многом случайные: способности человека, влияющие на его преуспевание, и обстоятельства, в которых находится он в момент принятия решения. В связи с этим, актуальными выглядят проблемы: равных возможностей образования, помощи обездоленным, и мошенничества (которое связано с преднамеренным злоупотреблением т.н. трансакционными издержками контрагента), не охваченного рамками законодательства.

Впрочем, в этом вопросе имеется опасность перейти от формальной справедливости к содержательной утилитаристской морали. Ведь очевидно, что каждый из нас вообще не хотел бы вставать перед выбором типа «на что в первую очередь потратить ограниченное количество денег?» – всем бы хотелось иметь достаточно благ, чтобы и вовсе не проверять величину своего кошелька на рынке (как при коммунизме). Но, несмотря на это, идеал справедливости заключается в другом. Выражаясь экономическими терминами, первоначальная справедливость означает лишь рыночную цену в условиях совершенной конкуренции, которая колеблется между максимальной ценой спроса и минимальной ценой предложения, и наиболее справедливой является т.н. равновесная цена. Что же до утилитаристской морали, то она способна включать в себя этот экономический критерий в ка-

честве некоторого минимума.

В то же время, как показала практика, построение коммунизма представляет собой утопию, которая не может считаться надлежащим способом реализации утилитаристского принципа максимального счастья максимального числа людей (равно как и свободный рынок). Мораль, стремящаяся к тому, чтобы «всем было хорошо», должна искать некий компромисс между рынком и уравниловкой, между Смитом и Марксом.

Так мы подходим ко второму типу ситуаций, при которых зачастую вспоминают о справедливости. Это – ситуации распределения. Такие ситуации предполагают наличие некоторого ограниченного блага, и лица, которое осуществляет распределение этого блага среди определенного круга лиц (общества). Если ситуации обмена предполагают минимум двух участников, то ситуации распределения – минимум трех (включая распределителя).

Как показано выше, при обмене благ справедливой будет ситуация, при которой стороны обмена свободно (без внешнего принуждения) договорились о стоимости указанных благ и так же свободно обменивали их в соответствии с этой договоренностью. Но каков критерий справедливости при распределении благ? Где, опять же, «золотая середина» между Смитом и Марксом? Учение Смита предполагает формальное равенство и всеобщую свободу, а учение Маркса – фактическое равенство и всеобщую несвободу. Оба претендуют на то, чтобы облагодетельствовать общество. Но являются ли они вполне справедливыми? Иногда мы склонны считать, что справедливым будет воздаяние каждому по реальному вкладу в общее благо, иногда – по затраченным усилиям (т.е. по труду) независимо от фактического результата, а иногда – просто по потребностям. Какой же из этих критериев верный?

Распределяющая справедливость вообще заключается в умелом сочетании вышеназванных крайностей, и представляет собой упорядоченное (формальное и фактическое) неравенство, а также в известной мере ограниченную свободу. Так, по своей сути

нам кажется справедливым социальное обеспечение инвалидов, пенсионеров, учащихся и т.п. категорий лиц: в силу объективных причин они не могут участвовать в общественном труде и в формировании общего благосостояния. Но чувство несправедливости возникает тогда, когда эти люди начинают злоупотреблять такой социальной поддержкой (что можно сказать о «вечных студентах», которые и не думают начинать трудиться, имея весьма достойный уровень жизни на основании одних лишь социальных пособий, и постоянно меняют одно учебное заведение на другое), или когда способные и трудолюбивые личности не могут реализовать свои начинания ввиду того, что необходимость уплаты налогов – источника средств для социального обеспечения – ложится на них тяжким бременем (тем самым общее богатство социума уменьшается). Обозначенное «чувство несправедливости» выступает своеобразным индикатором нарушения «золотой середины» в процессе распределения.

Подходя вплотную к проблеме критерия распределяющей справедливости, нельзя не обратить внимание на такое достаточно очевидное (по крайней мере, на первый взгляд) ее решение, как договор. Если при обмене благ справедливость определяют через договор, то почему при их распределении нельзя поступить так же? Однако при этом важно подчеркнуть следующее.

Во-первых, при обмене предполагается, что каждый из его участников знает свои потребности и приоритеты, может сравнить для себя два различных товара на основе этих знаний, вследствие чего согласиться на сделку либо отвергнуть ее. Однако сделка, совершенная на основе такого знания, ещё не гарантирует максимизацию прибыли каждой из сторон: при условии свободы договора она гарантирует лишь отсутствие проигрыша какой-либо из сторон. В ситуации распределения мы имеем ту же картину: даже если представить, что все члены общества имеют равное право голоса в обсуждении той или иной общей проблемы, и они смогут найти некое компромиссное решение, никто не гарантирует, что

это решение будет означать максимально возможное увеличение суммарного благосостояния данного общества. Здесь налагаются существенные ограничения на принцип утилитаризма.

Во-вторых, мы в принципе можем говорить о двух типах договоров. Первый тип характеризуется тем, что при заключении договора стороны осознают свое экономическое положение (происхождение, способности, внешние обстоятельства), и выстраивают переговоры, принимая во внимание соответствующие условия. Иными словами, каждый участник переговоров отстаивает свой эгоистический интерес при данной конъюнктуре. Такая ситуация мало чем отличается от ситуации обмена: разве что в ней участвуют более двух лиц, и договариваются они не об обмене индивидуальных, а о разделе общих благ. Но поскольку у каждого из членов союза имеется разное количество благ, и каждый отстаивает свой способ их распределения, возникают большие сомнения относительно того, что участники переговоров вообще смогут договориться между собой по вопросу распределителя. Конечно, положительный исход в этом случае возможен, но на практике он зачастую достигается путем обмана и т.п. средств. Образованный таким образом союз вряд ли будет устойчивым, если не принимать во внимание фактор возможного принуждения (например, в виде господства одного класса над другим, принудительно поддерживаемого государственным союзом). Поэтому, например, известный теоретик справедливости Дж. Роулз говорит о другом типе «общественного договора» по поводу распределения.

Роулз утверждает, что общественный договор должен заключаться не с учетом определенной конъюнктуры, а в т.н. «исходном положении», при котором никто из переговорщиков не знает, кем он является по национальному, половому, образовательному, социальному, профессиональному и политическому признаку, к какому психологическому типу он принадлежит. Какую бы форму общества мы предпочли, если бы не знали, каково наше положение в этом обществе и каковы наши задатки? Роулз пытается доказать, что в таком поло-

жении каждый разумный человек выбрал бы одни и те же принципы.

Надо сказать, такая постановка проблемы не нова. Ж.Ж. Руссо, например, полагал, что человек может высказать два различных мнения об общественном устройстве, выступая либо как члена гражданского общества, либо как член государства. В первом случае он больше думает о своем личном благе, во втором – о благе общем. Понятно, что во втором случае он принимает решение, абстрагируясь от своего конкретного положения. Сродни этому И. Кант утверждал, что некий «категорический императив» заставляет нас задаваться следующим вопросом: «Как бы я поступил, если бы знал, что мое поведение станет образцом для всех остальных людей?». Здесь также требуется определенный мыслительный эксперимент, в результате которого привилегии знати, крепостничество и монарший произвол не выдерживают испытания критерием справедливости.

Что касается Роулза, то он считает, что в «исходном положении» каждый человек выбрал бы следующие принципы устройства публичных распределяющих институтов:

1) каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее широкого спектра основных свобод, совместимого с подобными свободами для других (одна свобода может быть ограничена лишь во имя другой, либо еще больших свобод, а свобода одного – только ради свободы другого), при этом менее распространенная свобода должна укреплять всю систему свободы, разделяемую всеми;

2) социальные и экономические различия должны быть устроены так, чтобы:

(а) доступ к рабочим местам и государственным должностям должен быть открыт для всех на основе равенства возможностей (не только социальных, но и природных, поэтому важно дать шанс каждому получить образование, которого требуют эти места и должности);

(б) от вышеуказанных различий можно было бы ожидать пре-

имущества для всех, при этом наименее преуспевающие члены общества получали бы наибольшие из возможных благ (то есть, при перераспределении благ в пользу наименее преуспевающих никто не должен оказаться в таком положении, которое лишало бы его мотивации к дальнейшему производству благ настолько, что тем самым ухудшилось бы дальнейшее положение наименее преуспевающих).

Данные принципы изложены здесь иерархично, в порядке уменьшения их значимости. Многим они представляются весьма продуктивной разработкой. Дело в том, что идеал чистого утилитаризма ведет к деспотизму, полнейшему диктату над личностью, и в конечном счете, оказывается утопией. Учитывая реальные возможности, которыми мы обладаем, становится необходимым найти место для ценности свободы. И предложение Роулза здесь вполне разумно, хотя и подвергается некоторой критике (например, за чрезмерный эгалитаризм, сложность применения принципов). Оно, по крайней мере, ясно обозначает роль права как меры свободы.

Следует отметить, что различия между социальными слоями населения и получаемыми ими преимуществами всегда основываются на неких критериях оценки (ценностях). Роулз не говорит, каким именно образом они должны быть установлены, но обращает внимание на то, что в условиях некоторого «занавеса неведения» люди, свободные и независимые, способны на рациональную дискуссию относительно общих ценностей.

В своих постулатах Роулз говорит об институтах распределения благ, но ничего не говорит об институтах перераспределения. Дело в том, что некоторая часть населения в результате своих действий может получить ту или иную прибыль, тогда как другие слои населения потерпят убытки, и в принципе такая ситуация окажется несправедливой. Однако если в обществе существуют институты перераспределения, с помощью которых выигравшие могут компенсировать потери проигравших, но при этом все же

остаться в плюсе, то справедливость может быть восстановлена. Конечно, здесь нужно учитывать издержки самого перераспределения, которые являются минусом для всех, но даже с учетом этого не исключена конечная польза для каждого.

Так или иначе, согласно Роулзу справедливой будет лишь та ситуация, в которой репрезентативный представитель наиболее бедного слоя населения получит наибольшую возможную чистую прибыль. Мы можем заметить, что согласно т.н. критерию Калдора-Хикса справедливым был бы любой исход, при котором каждый извлекает хоть какую-то пользу. Этот подход в меньшей степени эгалитаристичен, и в то же время он предлагает преимущества как для наименее обеспеченных, чтобы у них был стимул состоять в социуме, так и для наиболее производительных, чтобы у них был стимул наращивать общее богатство. С другой стороны, он создает опасность чрезмерного расслоения общества, при котором могут возникнуть обстоятельства, угрожающие бытию правопорядка (в том числе и самому названному принципу).

Иногда помимо «дистрибутивной» (распределяющей) справедливости выделяют также «ретрибутивную» (воздающую), которая касается ситуаций назначения наказания. Здесь также имеется третий субъект (только не распределяющий, а воздающий), который, руководствуясь заранее установленными критериями, решает, как поступить с тем, кто нарушил правила справедливости обмена и справедливости распределения. Здесь мы имеем дело с применением наказания, а не распределением благ. И эта справедливость также тесно связана с правом. В мировой философской мысли высказано две основных теории справедливого наказания: наказание как равное воздаяние (кара) и наказание как польза. Первая точка зрения сталкивается с трудностью сопоставления деяния и наказания (например, почему за кражу должно предусматриваться лишение свободы, а не лишение имущества). Вторая точка зрения должна быть уточнена в зависимости от того, чью пользу мы имеем в виду: потерпевшего (в том числе всего

общества, в случае уголовного наказания) или нарушителя (польза наказания есть исправление преступника). Более предпочтительной выглядит точка зрения, согласно которой воздающая справедливость необходима для охраны справедливости обмена и справедливости распределения (иными словами, воздаяние выступает гарантией свободы договора, частной собственности, а также правил распределения по Роулзу). В этой связи обретают свою значимость такие основные цели наказания, как возмещение вреда, причинённого личности и обществу, а также общая и частная превенция (устрашение и, по возможности, воспитание преступника и всего общества). Причем все эти цели наказания оправданы лишь в той мере, в какой они содействуют восстановлению справедливости обмена и распределения.

Таким образом, справедливость может касаться обмена (и тогда она тождественна принципам свободы собственности и договора), распределения (и тогда она выражается в принципах, сформулированных Дж. Роулзом), либо воздаяния (и тогда она должна служить двум предыдущим видам справедливости).

СТИХИ

Мой путь

Я вижу впереди путь бесконечный.
Я знаю: он единственный из всех
Страшной скуке моей сумасшедшей
Подходит. Но бремя сулит неуспех.

Фантазии туман мне дружбу нарисует.
В моих мечтах и радость, и вечная любовь.
Ах! Как жесток обман! Но пусть века рассудят
Кто прав: мой пессимизм
или надежды безрассудной кровь.

Мой путь — себя перековать:
Чем благороднее и крепче мой металл,
Тем выше я, но если б считать
Сколько раз уже в небо плевал!

Плевал — не хотел. Плевал — о прощеньи молил!
И вновь по тропе этой шёл.
Собой управлять разрешенья просил
У чудищ, в себе что нашел!

Но если вера всё же победит
Всё, что ценю, возьму с собой в дорогу!
Пусть и не нужен памяти багаж,
Чтоб с ангелами шагать в ногу.

Февраль 2008

Раб свободы

Я раб физических законов —
Не рад, но не могу летать!
Я раб общественных канонов —
Себя в цепях должен держать.
Вести себя как подобает... —
Мне сотни правил жить мешают!

Я раб надежды, суеты,
Я так зависим от судьбы!
От воспитания, эмоций,
Стереотипов, знаний, лжи...
Толпы и толпы командуют мной.
Свободу! Свободу, Правду, Покой!

Я раб свободы, Боже мой!
Стремлюсь душой и телом к ней.
Та жажда управляет мной:
Мудрей бы быть дурных идей!

Оковы мне мою ничтожность открывают,
Но что-то есть внутри, и обстоятельства не властны.
То сохранится навсегда. Пока ж терзают
Души богатой состояния контрасты.

Февраль 2008

Ночь. Они открылись

Ночь.
Они открылись —
Миры божественной природы!
Долины рек заговорили,
За холмами забыл невзгоды.

Я снова здесь, где царствует любовь!
Но стыдно днесь, к лицу прильнула кровь:
Не заслужил я этих мест тепла,
В потёмках жил, нажил обид и зла!

Но видел Ангелов, они
Несли Покой, несли Прощенье.
И трепетала жизнь в груди:
Меня постигло Откровенье!

Я видел Истину! Я знал
Предназначение Вселенной!
В картишки с ней тогда играл —
Сквозь смех и слёзы вспоминал
Неловкий вальс планеты тленной...
И словно правды вожденной
Людей спасения взалкал!

И знаешь, не могу поверить,
Что все это бред.
Я не хочу проверить,
Что идеала нет.
А если нет Его, скажу:
«О, Боже! Появись!
Как Ты мне нужен!»

И больно осознаю свою слабость...
«Очнись!», — себя стыжу.
В надежде и печали
Пойду готовить ужин...

Июль 2008

Размышления о золотом сне

Они любят гулять,
Любят бухать,
Ходят в кино...
Мне уже всё равно.

«Приколы» про всё,
Что видят вокруг.
Веселье — вино,
Порочнейший круг!

Кто ж вырвется в свет —
Сгорит меж планет,
Пытаясь понять:
Что значит — летать.

Пытаясь узнать
Всю правду о том
Откуда мы? кто мы?
Куда мы идем?

Но надо ли это?
Не уж без того
Не видели лета?..
Уже всё равно!

А ночью тревожно.
Стенает душа!
Бог рядом, возможно,
Стоит, чуть дыша...

Но есть ли Отец?
Во что нужно верить?
Безумец и лжец?
Да что лицемерить!

«Всё, кажется, ясно:
Тогда, по ночам,
На кончиках нервов
Психический спам.»

И всё же не стану
Таким, как они!
Они зовут в яму —
Купаться в грязи.

Себя осознаю,
И долю — стерплю:
Златой сон ломаю,
Но мир полюблю!

Январь 2009

Ever After...

Так много истин неизменных,
Но в суматохе дня,
Секунды обесценив, непременно
Их забываю я.

И вдруг пойму, что заблудился,
Что изменил себе,
В котёл обмана погрузился,
Где варитесь вы все.

Почувствую дыхание
Холодной, вечной тьмы —
Как отзвуки страдания,
Тоски по слову «мы».

Но надо жить. Назло судьбе
Я духа мощь готов измерить!
Не безразлично ли тебе?
Но я люблю. И верю...

Июль 2009

Я помню время глубокой печали,
Когда был несчастен и одинок.
Вдали огоньком мечты колыхались,
Но ближе стать к ним, увы, я не мог.

Казалось — мне встретить лишь нужно такую,
Которая в жизнь меня проведёт,

И станет опорой в зловещую бурю,
В минуты паденья простит и поймёт.

Но годы всё шли, все пойки — напрасны;
Мечты огонёк без воздуха гас!
И год за годом, с каждым мгновеньем
Жизнь открывалась мне без прикрас.

Я встретил любовь — но без ответа,
И женщин ласкал, забыв о любви!
И у друзей не нашёл я совета,
Когда угасала юность в крови.

Друзей удержать силой пытался
Пока не увидел — они уж не те.
Мой путь подсказал — я с ними расстался
Горестно сдался негожей судьбе.

Я снова один! Неведомый странник,
Брожу потерявшись, хоть много постиг.
Но всё же надеюсь, что ныне изгнанник
Снова вернусь, ведь душой не поник!

И сколько мне сил Господь предоставит
Потрачу я все — лишь бы гореть!
И тех, что дорога в попутчики ставит,
Радостью греть!

Июнь 2012

Ночь. Комната. Один. Давно все спят. Читаю.
Настольной лампы тусклый свет. Мечты. Тоска.
Воспоминания в душе перебираю,
Как горсть монет в ладонях старого скупца.

За окнами свежо, и жёлтое мерцанье
Прокладывает гладкий путь к иным мирам...
Сто лет назад сидел я здесь! — и ожиданье
Сражалось в сердце с крепостью оконных рам!

И страх сковал меня, но было суждено
Покинуть этот дом, вернувшись снова.
И обнимая материнское крыло,
Не понимаю ничего теперь. Хреново.

Июль 2012

Судьба не баловала нас:
Не научила объясняться,
Ни дорожить сияньем глаз,
Ни жертвовать, чтобы остаться.

И, счастья ревностно ища,
Сердцами жарко трепеща,
Быть может, много потеряли,
Но тем дороже в миг печали,
Через презрение к вещам,
Слова любви бы прозвучали!

Ведь что года, я и сейчас
Пленён сияньем твоих глаз!

И, робко руки теребя,
Я прошепчу: «Люблю тебя»...

Июль 2012

На дороге

Поля и перелески. Вечерняя заря.
Асфальтовые реки бегут к своим морям.
И я по этим рекам — ищу заветный двор,
Где встретят у порога, уберегут от ссор.

Там нет очарования, не падают на дно —
Заветная гармония лишь светом да в окно.
Там всё предельно ясно, и всё — у нас в руках!
Я видел это место сотни раз во снах!

Но как же отыскать мне тот дворик здесь — не там?
Ведут асфальта реки — к жестоким городам...

И вот уже смеркается. Кузнечики в траве
Заводят монотонную песню о судьбе.
Прислушаюсь... подумаю... и заглушу мотор.
Уйду от рек асфальтовых — в поля: очищу взор!

Быть может, не находим мы потому ответ,
Что старыми дорогами весь истоптали свет,
И, глядя на истоптанную Божью благодать,
Забыли, что гармонию — в себе нужно искать!

Закончу ложный путь. На звёзды посмотрю.
И здесь, в полях невзрачных, тихо задремлю...

Июль 2012

Корни бед обнажаются в сотнях речей —
Скорый след от речей смоем жизни ручей.
И туманом земли, что лежит на корнях,
Тайной поступью разум окутает страх.

Ты окажешься слаб, влажной станет ладонь.
Он почти незаметно погасит огонь.
Ты узришь его танец в дрожащих руках —
Страх, что никогда не разрушишь свой страх!

...Комом в горле застрянут забытые цели
...Мель кормила и кормит кобыл и кобелей
...Рвотой вырвутся, реками быта калеча,
Обнажённых корней обличители-речи...

Май 2013

Жизнь – это мистика

Случалось ли вам, возвратившись с работы,
Разлившись в диване, забыв про субботы,
Решить безвозвратно, отбросив все позы,
Что жизнь – откровенно тоскливая проза?

Избитыми рифмами радиостанций,
Забытыми нимфами, похоти танцами,
Мыльными сценами между рекламой,
Уже не докажешь, что жизнь – это драма.

Последним юродивым, чей голос тих,
Уже не докажешь, что жизнь – это стих.

Но жанрами шар наш обшарпанный полон –
Исчирканный лист снова ёжится голым,
И синим сияют в эпоху открытий
Узоры невидимых ранее нитей!

Случалось ли вам за грузом логистики
Космоса чувствовать эквилибристику?
Видеть, как, падая вниз тонким листиком,
Дрожью души...

жизнь становится мистикой?...

Июль 2013.

Бхагавадгита. Откровение о преданном служении.

Давно минуло время света...
На смену мысли - сна покров.
Но мимолетною приметой
Воскреснул пафос тех эпох.

Ища среди ночи средоточья
Услышал глас Его о том,
Что тот, кто ищет, должен точно
Свершить у ног Его поклон!

«Но даже тот, кто делу мира
Душой и сердцем обнажен,
И созерцает всеединство,
Уж тот во святость погружен,
Но должен знать о смерти близкой,
Дышащей вслед ему, кичась,
Искать источник силы дивной,
Любовью льющейся свечась.

А часть кто видит вместо света,
Лишь смутно чувствуя порок –
Пусть служит тем, чей взор к ответу
Открыл Божественный урок.
Кто не способен на свершенье, -
Не мне его судить, не вам, -
Забудет пусть свои творенья» –
Шептал тот глас моим ушам.

«Пусть пишет вилой на воде,
Пусть чистит то, что в чистоте,
Пусть самого себя отдаст
Тому, потомка что не свидит глаз!
И если он не понял слов,
Пусть ищет за пределом снов».

«Невозмутимость в том незнаныи
Равна спокойствию сознанья:
Пусть помнит, что добро и зло
Лишь иллюзорное ярмо».

Так слышал я. Но вскоре стих
Выспренный откровенья стих...
И мне открылся новый мир:
Да – микрокосм, но не кумир.
То – безмятежность, чистота.
Достичь – не стоит и труда!
И вера утвердилась всеу
Прощальным беса поцелуем,
И в лихорадке ночь горел,
А утром милостью прозрел...

Май 2014

Не умею писать,
Но пишу – не могу!
СЕРДЦЕ радостно бьется в полночном бреду!

Бога нет? Бог ВНУТРИ!
ВЕЧНОСТЬ двигает кровь!
В голове звон мечты,
Юность помнит любовь...

Мысли помнят друзей.
Друг, ты где? Не грусти!
В эту странную ночь
Мою искру прости!

Что молчал – говори!
Что хотел – забирай!
Только сном не мори –
На гитаре играй!

И, дай Боже, усну
Я не скоро ещё,
До рассвета лаская любимой плечо,

И пусть будет, что есть,
Наблюдать только дай,
Как Великая Весть
Приглашает нас в рай.

Октябрь 2014

Оглавление

ДЛЯ ЧЕГО МЫ ЖИВЁМ?	3
Введение	3
Глава первая. ЧТО МЫ ИМЕЕМ?	5
Основы познания	5
Границы познания	16
Смысл познания	26
Структура знания	31
Религия	38
Глава вторая. ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ?	45
Деятельность	45
Счастье	52
Смерть	61
Судьба	65
Цели и смысл жизни	74
Средства	82
ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ	93
ЧЕЛОВЕК-МАССА	108
РАССУЖДЕНИЯ О ДОБРЕ	132
БОЖЕСТВЕННАЯ ТРАГЕДИЯ	158
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	173
СРЕДИННЫЙ ПУТЬ	192
ФИЛОСОФИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ	219
СОКРАТ КАК ДАОС И БУДДИСТ	226
ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ	243
СТИХИ	253

ДЛЯ ЧЕГО МЫ ЖИВЁМ?

Николай Шавеко

В авторской редакции

Подписано в печать _____.2015. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 12,9. Тираж 100 экз.

ООО ИИЦ «Бон Анца»

426063, г. Ижевск, пр. Дзержинского, 3.

Тел. (3412) 63-21-63. E-mail: mail@izhcat.ru